

ОГОНЁК
№ 30 ИЮЛЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Сигнальщики корабля на вахте. Фото Н. Веринчука.

На первой странице обложки: Курсант военно-морского училища, сталинский стипендиат Георгий Крухмалев.
Фото Я. Халипа.

На последней странице обложки: На Волге. Пароход-санаторий «Горьковская коммуна» (см. в номере «Санаторий на палубе»).
Фото Дм. Бальтерманца.

ОГОНЁК № 30 (1363) 26 ИЮЛЯ 1953

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

У ИСТОКОВ ВЕЛИКОЙ ПАРТИИ

К пятидесятилетию Второго съезда РСДРП

В полном расцвете сил, вооруженная историческими решениями XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза, обогащенная гигантским опытом социалистического строительства, уверенно идет наша великая Родина вперед, к коммунизму. Она стала могучим оплотом мира, демократии и социализма, объединяя и сплачивая все прогрессивные силы человечества на борьбу против империалистических сил реакции, против войны. Славой и гордостью всех трудящихся стала страна победившего социализма — Союз Советских Социалистических Республик, в котором нашли воплощение мечты миллионов и миллионов людей труда о подлинно творческой, созидательной жизни без эксплуататоров и эксплуатации.

К этому привела народы нашей страны героическая партия коммунистов, испытанный и закаленный в боях вождь трудящихся. В эти дни советский народ отмечает выдающееся историческое событие в жизни Коммунистической партии Советского Союза — пятидесятилетие со дня созыва Второго съезда Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). На этом съезде было положено начало пролетарской партии нового типа, боевой, революционной партии трудящихся.

Великий Ленин основал нашу Коммунистическую партию, вырастил и закалил ее. Впервые в истории марксизма В. И. Ленин разработал учение о партии, как руководящей организации пролетариата, как основном оружии в руках пролетариата, без которого невозможно добиться победы диктатуры пролетариата, а в наше время — построить коммунистическое общество. Под руководством Ленина, ученика и продолжателя бессмертного дела Ленина великого Сталина, их боевых соратников — Коммунистическая партия, созданная пятьдесят лет назад гениальным Лениным, прошла славный путь героической борьбы. Коммунистическая партия является руководящей и направляющей силой народов нашей страны, бесстрашным и мудрым вождем, учителем и организатором рабочего класса, многомиллионных масс трудящихся в борьбе за осуществление их жизненных интересов.

За пятьдесят лет, прошедших со Второго съезда РСДРП, Коммунистическая партия проделала огромную работу. Организовав союз рабочего класса и трудового крестьянства, партия добилась победы Великой Октябрьской социалистической революции, которая навсегда положила конец капиталистическому строю в нашей стране, разгромив помещиков и капиталистов и создав первое в мире социалистическое государство. Великая Октябрьская социалистическая революция открыла начало новой эры в жизни человечества, вызвала к творческой активности неисчерпаемые силы, которые веками душил и уродовал капитализм, угнетая трудящихся.

Советский строй позволил народам нашей страны под руководством Коммунистической партии коренным образом преобразовать страну, ликвидировав ее вековую отсталость, создать первоклассную индустрию, крупное механизированное социалистическое сельское хозяйство, построить новое, социалистическое общество. Коммунистическая партия, руководствуясь ленинско-сталинской национальной политикой, навсегда уничтожила ненавистный народам России социальный и национальный гнет, двинула вперед развитие всех народов нашей страны и добилась преодоления экономической и культурной отсталости ранее угнетавшихся народов. В нашей стране выросли и окрепли новые, социалистические нации, тесно сплоченные в единую братскую семью вокруг своего старшего брата — великого русского народа.

Будучи могучей преобразующей силой общества, Коммунистическая партия Советского Союза всей своей деятельностью показывает, что у нее нет иных интересов, чем интересы народа, и каждый ее шаг направлен на благо народа. Сила ее политики состоит в том, что она опирается на творческую активность масс, пользуется безраздельной поддержкой всего советского общества. Политика партии неотделима от интересов народа, и поэтому народ считает проведение этой политики в жизнь своим кровным делом. Сила партии — в единстве ее рядов, в ее неразрывной связи с народом. Сила народа — в его сплоченности вокруг партии. Этому учит весь опыт развития нашей страны, вся история Коммунистической партии.

Вот почему пятидесятилетие со дня открытия Второго съезда РСДРП трудящиеся нашей страны отмечают как знаменательное событие не только в истории Коммунистической партии Советского Союза, но и как выдающееся событие в жизни нашей страны.

* * *

Выражая и защищая жизненные интересы российского пролетариата, трудящихся России, В. И. Ленин обосновал необходимость создания единой марксистской партии российского пролетариата, указав на историческую роль рабочего класса как передовой революционной силы общества, способной свергнуть гнет царизма и капитализма. С величайшей убежденностью говорил В. И. Ленин о неизбежности победы рабочего класса, если он

В Центральном музее В. И. Ленина. Группа экскурсантов знакомится с материалами, посвященными Второму съезду партии.

Фото С. Фридлянда.

создаст свою боевую революционную партию: «Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию, к которой потянется все, что есть в России живого и честного».

В. И. Ленин выработал гениальный план построения такой революционной партии пролетариата, показав, что создание партии в условиях господства царско-самодержавного строя надо было начать с постановки общерусской боевой политической газеты, которая должна стать не только центром сплочения партии, но и явиться мощной силой объединения социал-демократических организаций на местах в единую централизованную пролетарскую партию. Ленин видел в газете не только коллективного пропагандиста и коллективного агитатора, но также и коллективного организатора партии. Именно такой газетой и явилась созданная и руководимая В. И. Лениным славная газета «Искра», которая своей неутомимой деятельностью подготовила создание Российской социал-демократической рабочей партии, сплотив под свое знамя местные социал-демократические организации и проведя большую работу по собиранию сил партии, по созыву съезда. «Искра» подготовила идейное и организационное сплочение партии, разгромив все попытки «экономистов» и других оппортунистов помешать созданию действительно революционной и боевой партии рабочего класса нашей страны. Она показала те великие цели, которые стоят перед рабочим классом России в борьбе за низвержение царизма и капитализма, построение социализма.

Успешная и неустанная деятельность «Искры», победа ленинских принципов в борьбе за создание партии подготовили все необходимые условия для созыва съезда партии. 30 июля 1903 года в Брюсселе открылся Второй съезд РСДРП, главной задачей которого являлось создание боевой революционной партии российского пролетариата на принципах и организационных началах, разработанных «Искрой».

Важнейшим делом съезда было принятие программы и Устава партии, создание руководящих партийных центров, решение других неотложных задач по созданию партии. Съезд утвердил выработанную редакцией «Искры» программу, разбив все попытки оппортунистической части съезда выхолостить ее революционную сущность.

Принятая Вторым съездом РСДРП программа коренным образом отличалась от программ социал-демократических партий старого типа, ибо она не отступала от марксизма, отвечала его революционным принципам. В нее были включены пункты о диктатуре пролетариата, о равноправии наций, о праве наций на самоопределение, новые установки по крестьянскому вопросу, которые исходили из того, что крестьянство является союзником рабочего класса в его борьбе за свое освобождение, и другие важнейшие положения, сделавшие программу боевым знаменем партии, рабочего класса, трудящихся нашей страны. Эта программа, принятая Вторым съездом, просуществовала до Восьмого съезда партии, когда после победы Великой Октябрьской социалистической революции наша партия утвердила новую программу.

Наиболее ожесточенные споры разгорелись на съезде по первому параграфу Устава партии — о членстве партии. Революционная часть съезда, рассматривая партию, как передовой, монолитный отряд рабочего класса, отстаивала твердую пролетарскую дисциплину, обязательную для всех членов партии, как для рядовых, так и ее руководящих деятелей. Ленин требовал, чтобы в партии был установлен такой порядок, при котором каждый член партии был ответственен за партию и партия ответственна за каждого своего члена, чтобы постоянно оберегалась твердость линии и чистота рядов партии. Он говорил на съезде: «Наша задача — оберегать твердость, выдержанность, чистоту нашей партии. Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше...»

Строжайшая дисциплинированность членов партии, их высокая идейность и верность принципам марксизма, стальное единство в рядах партии, твердые нормы партийной жизни, обязательные для всех членов партии, и другие важнейшие положения, выдвинутые В. И. Лениным, встретили отчаянное сопротивление со стороны оппортунистической части съезда. Это и понятно, ибо оппортунисты не хотели, чтобы рабочий класс России имел свою революционную партию, способную поднять рабочий класс, трудящихся на решительную борьбу против капиталистических порядков. Им нужна была организационно расплывчатая, беспомощная партия. Поэтому они изо всех сил пытались помешать созданию боевой марксистской партии, как передового и организованного отряда рабочего класса, растворить партию в массах трудящихся. Выдвинутая на съезде Мартовым формулировка первого параграфа Устава давала простор для проникновения в партийные ряды всевозможных случайных элементов, обрекала партию на разброд и шатания, давала простор для господства оппортунизма и использования рабочего движения в интересах буржуазии.

В результате раскольнических действий оппортунистической части съезда меньшевикам удалось протащить мартовскую формулировку первого параграфа Устава. Большего добиться они не смогли, и съезд утвердил марксистский Устав, выработанный «Искрой». Этот Устав стал боевым оружием большевиков в борьбе за партию нового типа. Уже на следующем, Третьем съезде РСДРП партия исправила ошибку, допущенную на Втором съезде, утвердив первый параграф Устава партии в редакции В. И. Ленина.

Известно, что при выборах центральных партийных органов сторонники Ленина одержали решительную победу, получив большинство голосов, а оппортунисты были разбиты и оказались в меньшинстве.

Политическая группа большевиков, образовавшаяся на Втором съезде, под руководством В. И. Ленина, хотя и находилась формально в составе единой РСДРП до 1912 года, последовательно проводила свою революционную линию, выражая самые насущные интересы рабочего класса, трудового крестьянства, всех народов России. Большевики ни на минуту не ослабляли своей борьбы против оппортунистов всех мастей и оттенков в российском и международном революционном движении, все теснее сплачивая вокруг себя рабочий класс, массы трудящихся, на деле показывая, что только партия большевиков выражает и защищает интересы народа, что именно она является подлинным вождем и руководящей силой трудящихся. В 1912 году Пражская конференция окончательно изгнала из РСДРП меньшевиков и оформила самостоятельное существование партии большевиков, которая через пять лет после этого привела рабочий класс, трудящихся нашей страны к исторической победе Великой Октябрьской социалистической революции, свергнувшей власть помещиков и капиталистов и установившей в нашей стране близкую народу, родную ему власть Советов. За короткий срок Коммунистическая партия превратилась в величайшую силу, преобразующую мир в интересах громадного большинства человечества. Из небольшой политической группы большевиков она выросла в многомиллионную армию коммунистов-единомышленников, организованную из людей рабочего класса, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции, преисполненную непреклонной решимости привести народы нашей страны под знаменем Ленина — Сталина к победе коммунизма.

* * *

Во всей своей деятельности Коммунистическая партия руководствуется марксистско-ленинской теорией, и вся история ее развития — это есть марксизм-ленинизм в действии. Не раз враги партии пытались сбить ее с правильного пути, стащить в болото оппортунизма, где барахтаются многие партии, именующие себя рабочими, социалистическими, а на деле проводящие капитулянтскую политику верноподданнического усердия перед своими хозяевами — толстосумами. Но потуги капитулянтов неизбежно терпели крах, ибо партия ни на шаг не отступала от великого учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, побеждая своих врагов верностью этому учению.

И. В. Сталин говорил: «...наша партия знает, куда вести дело, и ведет его вперед с успехом. Чему обязана наша партия этим своим преимуществом? Тому, что она является партией марксистской, партией ленинской. Она обязана тому, что руководствуется в своей работе учением Маркса, Энгельса, Ленина. Не может быть сомнения, что пока мы остаемся верными этому учению, пока мы владеем этим компасом, — будем иметь успехи в своей работе».

Глубокое усвоение произведений классиков марксизма-ленинизма, решений нашей партии имеет первостепенное значение в деле политического образования советских людей.

Коммунистическая партия, руководствуясь теорией марксизма-ленинизма, опираясь на глубокое знание объективных экономических законов, вырабатывает и претворяет в жизнь правильную политику, в которой находят выражение потребности материальной жизни общества, интересы трудящихся масс. В этом состоит сила партии и основа ее успехов. Партия безошибочно распознает и выкорчевывает врагов, презренных агентов международного империализма, буржуазных перерожденцев всех мастей, пробирающихся в ее ряды с целью подорвать партию изнутри, заменить марксистско-ленинскую политику партии капитулянтской политикой, рассчитанной на возрождение в нашей стране капитализма.

Июльский Пленум ЦК КПСС со всей убедительностью продемонстрировал, как сильна и монолитна Коммунистическая партия, какой решимостью преисполнена она, чтобы успешно осуществить все задачи, которые стоят перед Советской страной в деле построения коммунистического общества.

Решения Пленума выдвигают перед партией задачу неукоснительного выполнения выработанных Лениным принципов партийного руководства, точного соблюдения норм партийной жизни, решительного устранения имеющихся еще в этом деле недостатков.

Мы отмечаем пятидесятилетие Второго съезда РСДРП в условиях, когда Коммунистическая партия Советского Союза решает грандиозные задачи коммунистического строительства, борясь за дальнейшее упрочение нашего великого многонационального социалистического государства, всемерно укрепляя активную оборону советской Родины, непрерывно повышая материальный и культурный уровень жизни советского народа. Все усилия советских людей направлены сейчас на то, чтобы еще полнее использовать имеющиеся в народном хозяйстве резервы и возможности для успешного выполнения пятого пятилетнего плана, задач, выдвинутых перед нашей страной XIX съездом КПСС.

В этих условиях большая роль принадлежит делу коммунистического воспитания советских людей, усилению воспитания трудящихся в духе советского патриотизма, ленинско-сталинской дружбы народов, в духе пролетарского интернационализма и укрепления братских связей с трудящимися всех стран. Выдвигая задачу дальнейшего улучшения всего дела коммунистического воспитания трудящихся нашей страны, Коммунистическая партия ведет непримиримую борьбу со всякими проявлениями буржуазного национализма и растленной идеологии буржуазного общества, проводит настойчивую воспитательную работу по ликвидации пережитков капитализма в сознании людей, добиваясь дальнейшего повышения революционной бдительности коммунистов, всего нашего народа.

Преисполненная непоколебимой уверенности в торжестве коммунизма, сильная монолитным единством своих рядов, своей неразрывной связью с народом, Коммунистическая партия ведет нашу Родину вперед и вперед, претворяя в жизнь мудрую политику, выработанную партией за долгие годы ее борьбы во имя интересов народа. Твердое и уверенное руководство партии является решающим условием всех успехов советского народа, тесно сплоченного вокруг своей родной Коммунистической партии, воплотившей в себе все самое лучшее, самое сильное, что вырастил советский народ — великий творец нового, коммунистического мира.

Вл. ЛЕБЕДЕВ

НА ФЕСТИВАЛЬ!

Г. БОРОВИК, Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ,

специальные корреспонденты «Огонька»

В эти дни Бухарест — город IV Всемирного фестиваля молодежи — тысячами нитей связан с самыми отдаленными уголками земного шара. Сюда едут на поездах, двигаются пешком, плывут на океанских пароходах, летят на самолетах юноши и девушки всех рас и национальностей, чтобы принять участие в замечательном празднике молодости.

Шесть дней пробыли корреспонденты «Огонька» в экспрессе Маньчжурия — Москва, в котором ехали через Советский Союз в Бухарест представители молодежи нескольких стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Об этих днях и рассказывает наш фотоочерк.

* * *

Первым большим советским городом, встречавшим делегатов, была Чита. Очень хотелось, чтобы в этот день погода не подчинилась зловещим предсказаниям местного бюро прогнозов, уже несколько дней подряд обещавшего грозу. И природа, видимо, уступила горячему желанию людей. Солнце светило вовсю, небо было чистым, и только по краям его толпились озорные облачка, тесня друг друга и как бы пытаясь рассмотреть все, что делается на привокзальной площади большого сибирского города. А здесь собрались сотни юношей и девушек, чтобы приветствовать делегатов фестиваля от народного Китая, демократической Кореи, Вьетнама, Таиланда, Патет-Лао... Площадь празднично украшена. Вот после короткого митинга делегаты фестиваля, возбужденные и радостные, возвращаются в свои вагоны с букетами цветов и подарками.

Свисток паровоза — и экспресс плавно отходит от перрона. Впереди длинный путь. До Москвы — 6 237 километров, или 147 часов 41 минута езды. В одном из купе делегаты Вьетнама, Патет-Лао и Таиланда, склонившись над картой Советского Союза, изучают свой маршрут. Труднее всего выучить названия русских городов. «Иры-ку-ты-сы-кы...» — слышится оттуда.

А рядом в купе 12-летняя вьетнамская пионерка старательно записывает первые впечатления о Советском Союзе. «Когда я приехала в СССР,— выводит Ле Мин Нгует,— я увидела много мам. Одна подошла ко мне, подняла и поцеловала. Потом меня позвали советские пионеры. Они совсем как наши, вьетнамские, и галстуки у них такие же. Много пионеров. Все очень веселые...»

* * *

Оставим маленькую Нгует наедине с ее записной книжкой и пройдемся по вагонам.

Молодежь уже сделала целый ряд «открытий» в области эксплуатации подвижного состава. Оказалось, что обыкновенный спальный вагон может служить одновременно: а) спортивным залом, б) репетиционным помещением, в) местом для проведения всякого рода совещаний и заседаний.

Поэтому, путешествуя из вагона в вагон, мы попеременно попадали то в концертный зал, то в спортивный. Если вдруг из купе доносились оглушительные звуки марша, мы уже знали: это китайский духовой оркестр готовится к выступлениям в Бухаресте. Если из другого купе выходил человек на руках, делал несколько шагов по коридору, а затем преспокойно тем же способом возвращался обратно, мы не удивлялись, понимая, что это тренируется один из акробатов. Наконец, если выяснялось, что временно прервано движение между вагонами, то все уже знали: в данный момент в одном из коридоров расположился для репетиции вьетнамский оркестр в составе китайской скрипки (ны), барабана (тронг), национального инструмента, напоминающего нашу медную тарелку (тхангла), и бамбуковой флейты (сао) вместе с хоровой группой из десяти человек.

* * *

В первые же дни путешествия установился тесный контакт между иностранными делегациями и пассажирами — особенно молодежью — из остальной части поезда. Разговоры велись при помощи жестов, карандашных рисунков, выразительных междометий. Но больше всего помогала песня.

Молодой вьетнамский композитор Лэу Хэу Фок сказал нам: «Вот где убеждаешься в огромной силе песни, танца, музыки! Ведь стоит двум людям, не знающим языка, не знающим друг друга, спеть одну настоящую, хорошую песню — и они уже друзья. Мы так много поем в поезде,— смеясь, продолжал он,— что нас можно было бы назвать движущейся консерваторией. Впрочем, нет, это не консерватория, это сама песня. Она летит, обгоняя нас, и в Бухаресте она обязательно встретится с тысячами подобных песен, которые сольются в одну мощную симфонию дружбы».

* * *

Поют в поезде действительно много и хорошо. Вот в купе юноша из Патет-Лао — неутомимый танцор и певец — Кун Чан Ден разучивает с тремя русскими девушками Инной, Валей и Лилей песню о единстве народов Вьетнама, Патет-Лао и Кхмера. Девушки едут в Горький, Москву, Ленинград, чтобы поступить в высшие учебные заведения. Они не знают языка, на котором поет Кун Чан Ден, но переводчик объяснил им содержание песни, и девушки стараются запомнить мотив. Потом они сами затянут старую русскую песню о седом Байкале, и Кун Чан Ден будет им подпевать.

* * *

А поезд в это время мчится вдоль берега «славного моря», то ныряя в темные тоннели, то вновь появляясь под ярким солнечным светом. На станции пассажиры подходят к самой воде, чтобы полюбоваться прекрасным видом. Красавец Байкал встречает их спокойно и величаво.

Проходят дни; остались позади сибирские города Иркутск, Красноярск, Новосибирск. Каждый приветливо встречал молодых посланцев мира и демократии. Вагоны, в которых едут делегаты, постепенно превращаются в оранжереи на колесах. Цветы везде: в вазах, просто на столиках, в дверных ручках, на окнах, в петлицах пиджаков, в стаканах с водой и в стаканах без воды. А букеты все прибывают и прибывают, вызывая неподдельный ужас проводников.

⋆ ⋆ ⋆

Каждая станция встречает поезд песнями и музыкой. Первыми к делегатам подбегают пионеры. Вот кто-то из китайских спортсменов поднял на подножку вагона веселую девочку. Ничуть не смущаясь, девочка поет звонкую пионерскую песню.

Тут же, на перроне, завязываются знакомства. Пятнадцатилетний партизан из Вьетнама, награжденный солдатским орденом первой степени, стоит рядом с молодым советским офицером. Он поочередно трогает медали на груди советского воина и вопросительно смотрит на него. Тот серьезно, без улыбки отвечает:

— За Победу... за Кенигсберг... за Москву...

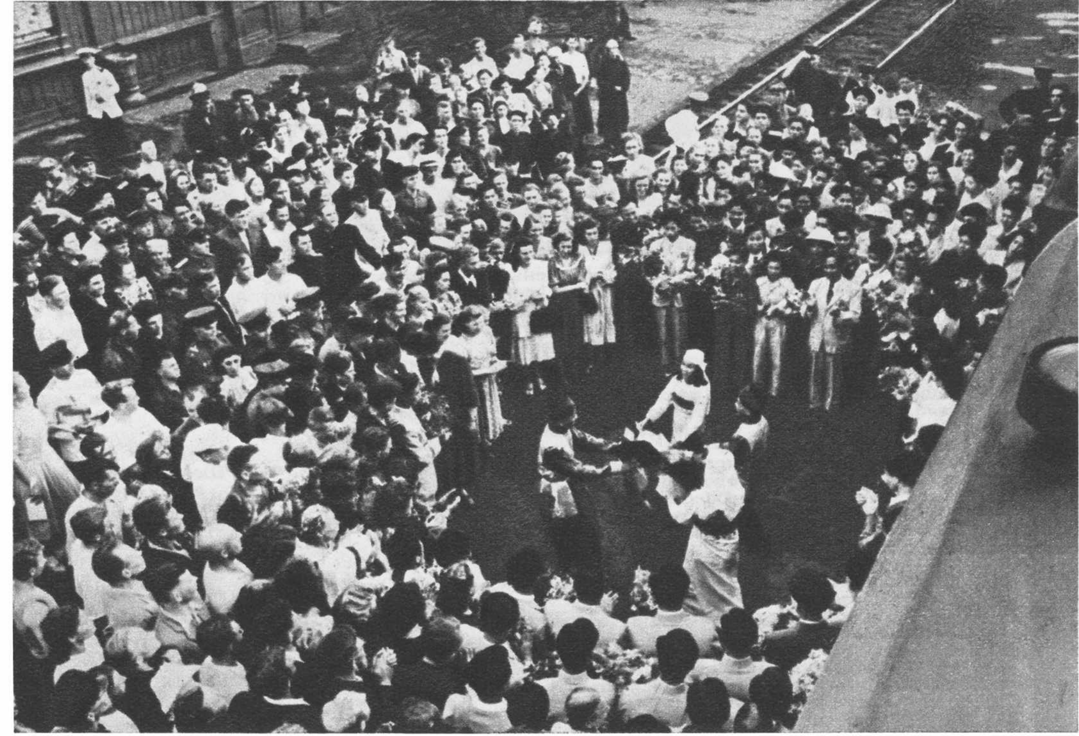
— Моску, Моску!— обрадованно кивает головой партизан и притрагивается пальцем к ордену Красной Звезды.

— Под Витебском участвовал в окружении гитлеровцев.

Пятнадцатилетний вьетнамец продолжает вопросительно глядеть в лицо офицера.

— Ну, понимаешь,— уже улыбаясь, отвечает тот,— фашистов под Витебском окружили, ну и...— Он чертит в воздухе круг и потом энергично бьет по этому месту кулаком:— Понимаешь?

— Понимай, понимай!— весело смеется вьетнамец и повторяет понравившийся ему жест.

Тем временем около вагона начинаются танцы. В тесном кругу танцуют вьетнамцы — две девушки и двое юношей — в ярких национальных костюмах. На смену им выходят таиландская девушка и юноша из Патет-Лао. Они исполняют танец дружбы. Медленную таиландскую мелодию сменяет веселая, быстрая русская плясовая.

⋆ ⋆ ⋆

В разгар веселья из репродукторов доносится невозмутимый голос диктора: «Поезд номер три, следующий до Москвы, отправляется с первого пути». Новые друзья обмениваются значками, адресами, автографами. Прощание длится долго. Гостям не хочется так быстро уезжать, хозяевам не хочется отпускать их. И несколько обеспокоенный голос диктора вновь и вновь повторяет, что «поезд номер три отправляется...», пока делегаты не займут наконец места в вагонах.

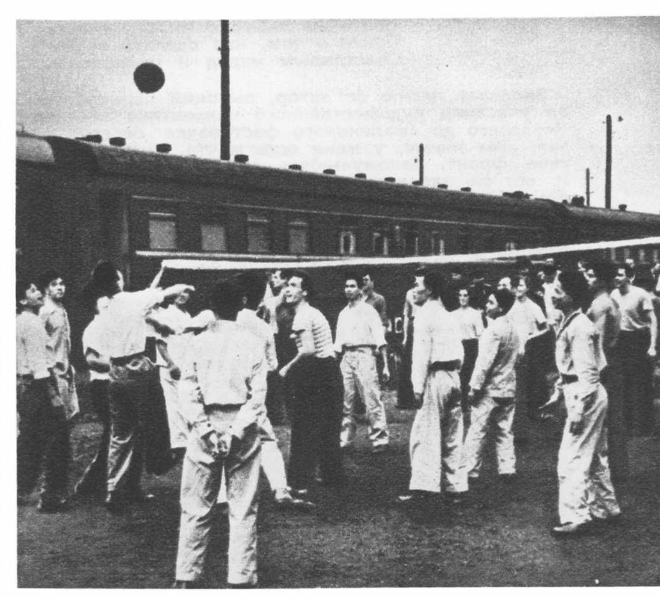
Не раз в подобных случаях стальной железнодорожный график становился под угрозу срыва. Но выручало искусство машинистов: поезд наверстывал упущенное в пути. На одной из станций корейский машинист, 27-летний Герой труда КНДР Че Ки Лен, подошел к паровозу, чтобы познакомиться с советским машинистом Александром Николаевичем Богдановым. Маленького запаса слов хватило, чтобы сказать русскому другу, что Че Ки Лен учится работать у советских машинистов и даже переписывается со знатным машинистом Луниным.

Эту встречу спешит заснять корейский кинооператор, едущий вместе с делегацией в Бухарест.

⋆ ⋆ ⋆

Даже на маленьких станциях, где поезд стоит всего несколько минут, разгораются спортивные соревнования. Вот встреча волейболистов: вместо сетки кусок бинта, заимствованный у поездного врача. В каждой команде человек по пятнадцать — двадцать. Оканчиваются такие состязания, как правило, финальным свистком паровоза...

Но самой распространенной игрой неожиданно стал «жучок»...

Центральным событием, конечно, явился «маленький фестиваль» — концерт всех делегаций, организованный в вагоне-ресторане. Ровно в десять часов вечера «зрительный зал» был переполнен. Для того чтобы вместить всех желающих, столы и стулья пришлось убрать. Программу начинают китайские танцоры. Под аккомпанемент кларнета они исполняют комический танец «Соревнование». Трое спортсменов соревнуются в беге на дистанцию. Впереди сильный спортсмен. Он очень горд своей силой и неумеренно ее расходует. Но скоро устает. Бежать ему уже тяжело. И тогда вырывается тот, кто был сзади. Этот правильно распределил свои силы и под одобрительный смех и аплодисменты зрителей «пришел первым».

После китайских танцоров выступает корейская девушка. Собравшиеся внимательно слушают ее проникновенную песню о родине, о героической борьбе народа за освобождение.

Кореянку сменяет уже знакомый нам вьетнамский оркестр с хоровой группой. Исполняется песня, слова которой специально написаны для «маленького фестиваля». Вот они:

Мы юноши и девушки из разных стран,
Нас разделяли большие пространства,
Но в этом поезде встретились мы,
Борьба за мир нас крепко сплотила.

Мы радостно руки друг другу жмем,
Стал этот поезд поездом счастья.
По великой стране на фестиваль
Мчимся сейчас мы, и счастливы все мы.

Пойте же громче об этом, друзья,
Пойте же песню о мире и счастье,
Пойте о том, как сделать везде
Счастливым народ и прекрасною землю!

Запевает песню ее автор, высокий черноволосый юноша Лыон Нгох. Он участник художественного коллектива вьетнамской Народной армии. Незадолго до «маленького фестиваля» беседуя с нами, Лыон Нгох сказал: «Вы знаете, у меня есть мечта. Очень большая мечта. Представьте себе фронт. Какому-нибудь солдату приходится трудно, очень трудно. И вот он запевает песню. Он запевает, потому что она его друг, она поможет ему в беде. Мне хочется, чтобы неизвестный солдат запел мою песню. Я знаю, я еще не сложил такую, но сложу. Вот моя мечта». «Маленький фестиваль» закончился пением Гимна демократической молодежи. Крепко взявшись за руки, дети разных народов пели о непреклонной воле демократической молодежи земного шара бороться за мир.

Поезд подходит к Свердловску. На платформе собрались сотни молодых свердловчан. Особенное оживление около корейской делегации. Ее пришли встречать корейские студенты, которые учатся здесь в горно-металлургическом техникуме.

— Передайте участникам фестиваля привет от нас! — говорит студент Пак Пьен Чон.— А нашим братьям-корейцам скажите: мы будем старательно учиться, чтобы приобрести знания, которые нужны нам для восстановления хозяйства любимой родины.

* * *

Шестнадцатое июля. Все ближе и ближе Москва. Наши друзья заметно волнуются. Чаще смотрят в окна, за которыми проносятся дачные поселки и пригороды великого города. Испортилась погода. Накрапывает дождь.

— Не холодно вам будет в Москве? — спросили мы шутя одного из членов делегации Патет-Лао.

Он засмеялся в ответ:

— Даже если бы вокруг Москвы были льды, мне все равно было бы тепло в этом городе...

ПИСАТЕЛЬ-ГРАЖДАНИН

Евг. БАЛАБАНОВИЧ

27 июля исполняется сто лет со дня рождения выдающегося художника слова и общественного деятеля Владимира Галактионовича Короленко.

Он родился в 1853 году, на рубеже нового этапа освободительного движения в России — движения разночинцев. Еще в ранней юности Короленко испытал благотворное влияние Белинского и Добролюбова, Тургенева и Некрасова.

Вместе с передовой молодежью своего поколения будущий писатель в 70-х годах был захвачен идеями народничества. В 1879 году, связанный с участниками революционных кружков, он был арестован и отправлен в ссылку, сначала в глушь Вятской губернии, потом за мужественный отказ от присяги царю Александру III — в далекую Якутию.

В суровых условиях ссылки закалилась воля, утвердилась несгибаемая нравственная сила Короленко. В эти же годы Короленко твердо выбрал путь борьбы за освобождение народа действенным словом писателя. Непосредственная и длительная близость к народу помогла ему впоследствии избежать в своих произведениях ложной народнической идеализации крестьянства.

В 1885 году, по возвращении из ссылки, Владимир Галактионович рассказом «Сон Макара» вошел в «большую литературу». Одно за другим появлялись его художественные произведения, скоро поставившие имя Короленко в ряд лучших русских писателей. Короленко встречается с Чернышевским, Г. Успенским, Чеховым, Л. Толстым, становится литературным наставником молодого Горького. Начиная с 80-х годов широко развертывается его публицистическая деятельность. К голосу писателя прислушивается вся мыслящая, передовая Россия.

И не случайно в 1907 году В. И. Ленин назвал Короленко прогрессивным писателем. «Такие люди, как Короленко, редки и ценны,— писала большевистская «Правда» в 1913 году.— Мы чтим в нем и чуткого, будящего художника, и писателя-гражданина, писателя-демократа».

Как художник и публицист Короленко формировался, по его собственным словам, в разгар «темной, тупой и угрюмой реакции». Борьба с безидейностью и упадком стала его важнейшим делом.

В 80-х годах Короленко создает несколько замечательных образов сильных и смелых людей, борцов за свободу. Это молодая девушка — героиня рассказа «Чудна́я», в хрупком теле которой живет могучий дух; революционер Диац, предпочитающий одно мгновение свободы долгим годам неволи («Мгновение»); герой поэтического «Сказания о Флоре» — Менахем, в сердце которого нераздельно слиты любовь к угнетенным и ненависть к угнетателям.

«Мы ведь тоже часть русского народа, плоть от его плоти и кость от его костей. Наша жизнь течет не только параллельно с его жизнью. Она переплелась с нею тысячью нитей»,— писал Короленко. Он глубоко и пристально изучает жизнь народа. С котомкой за плечами, смешавшись с толпой, писатель идет по большим и проселочным дорогам России. Эти скитания сталкивают Короленко со множеством людей, обогащают драгоценным фольклорным материалом, который оживает потом на страницах его книг.

Основной задачей Короленко — художника и публициста — было показать, что, несмотря на гнет дворянско-самодержавного строя, «русский народ есть народ живой и дееспособный».

В рассказе «Сон Макара» Короленко рисует, как в одичавшем и забитом крестьянине пробуждается чувство человеческого достоинства, зарождается протест против социального зла.

Один из персонажей рассказа «В облачный день», Силуян, невзрачный с виду мужичок, рассказывая об издевательствах помещиков и о том, как «вскипело холопье сердце», становится гневным обличителем «хитрых господишек». Герои полесской легенды «Лес шумит» крестьяне Роман и Опанас убивают жестокого и сластолюбивого пана.

Герой повести «Слепой музыкант» юноша Петр Попельский тяжело переживает свою слепоту, оторванность от людей. Столкнувшись с ужасающей нищетой и страданиями обездоленного народа, он прозревает духовно и преодолевает «эгоизм горя» своим творчеством, безраздельно отданным людям.

В сибирских рассказах и в повести «В дурном обществе» Короленко обращается к миру «отверженных». И здесь писатель открывает в своих героях черты человечности, душевной красоты, любви к «вольной волюшке».

Одно из наиболее значительных художественных обобщений Короленко — образ перевозчика Тюлина в рассказе «Река играет». Писатель «ласковой, но сильной рукой великого художника» (Горький) изобразил крестьянина той эпохи в основных противоречиях его характера. Короленко показал его способность к подвигу, проявляющуюся в критическую минуту. Образ Тюлина — воплощение скрытых героических сил русского народа, еще не разбуженных революцией.

Чуткий художник, Короленко, попав за границу, со всей глубиной и непосредственностью ощутил вопиющие социальные противоречия зарубежной капиталистической действительности. В рассказе «Без языка» писатель заклеймил буржуазную «демократию» Америки — власть капитала, безработицу, продажность прессы, подкуп избирателей.

Особое место в творчестве Короленко занимает монументальная автобиографическая «История моего современника». В этом произведении автор нарисовал свой жизненный путь как типический путь представителя передовой демократической интеллигенции, формировавшейся в бурную эпоху 60—70-х годов.

Показ духовного формирования человека, начиная с первых проблесков сознания до полной зрелости, сочетается в книге с широким изображением эпохи. Перед читателем проходят многочисленные образы крестьян, царских чиновников, студентов, революционных интеллигентов во всем их индивидуальном своеобразии и социальной типичности.

«История моего современника» продолжает лучшие традиции автобиографического жанра русской классической литературы и, в частности, знаменитой книги А. И. Герцена «Былое и думы».

Характерная черта Короленко-художника — органическое единство большой социальной темы с глубоким лиризмом, с тонким и мягким юмором — в полной мере сказалась и в этом последнем произведении писателя. Он широко вводит в свои произведения пейзаж, воплощая в поэтических образах красоту и богатство родной земли.

Язык Короленко получил высокую оценку Горького, Чехова, Л. Толстого. «Это мой любимый из современных писателей,— писал Чехов о Короленко в 1888 году,— краски его колоритны и густы, язык безупречен, хотя местами и изыскан, образы благородны».

Короленко — мастер художественного очерка. Он не сводил очерк к пассивному бытописательству, а, напротив, насыщал его большими социальными обобщениями. Характерно, что в своей знаменитой работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин сослался на классические «Павловские очерки» Короленко.

«Страстное желание вмешаться в жизнь», о котором говорил сам писатель, определяет исключительно важное место публицистики в его литературной работе. Короленко написал около семисот произведений публицистического жанра. Статьи, заметки и корреспонденции Короленко всегда носят боевой, воинствующий характер. Это, по выражению писателя, «война пером».

Короленко неустанно разоблачает крепостников, охранителей «устоев самодержавия». В книге «В голодный год» писатель с потрясающей правдой показывает русскую деревню, разоряемую кулаками и помещиками, выступает против черносотенной клеветы на народ. В 1895—1896 годах Владимир Галактионович защищает группу крестьян-удмуртов, клеветнически обвиненных царскими чиновниками в ритуальном убийстве. Роль Короленко в этом, так называемом «деле мултанских вотяков» по своему огромному общественному значению может быть сопоставлена лишь с ролью Золя в известном деле Дрейфуса. Значительный общественный резонанс вызвали выступления писателя против грязного антисемитизма, разжигавшегося царизмом, — очерк «Дом № 13» (1903), статьи в связи с делом Бейлиса (1913).

После поражения первой русской революции 1905 года, в эпоху реакции, Короленко безбоязненно разоблачает политику кровавого террора («Сорочинская трагедия» — 1907, «Бытовое явление» — 1910). Только припомнив условия российской действительности того времени, можно в полной мере оценить этот самоотверженный отпор силам мрака и угнетения.

Прогрессивный характер деятельности писателя ярко сказался и в его литературно-эстетических взглядах. Литература, по словам Короленко, «помогает человечеству в его движении от прошлого к будущему»; она огромная социальная сила, призванная воспитывать лучшие черты человека и гражданина, активное, изменяющее жизнь начало. В период роста антинародных течений в литературе писатель гневно выступает против растленного декадентского искусства.

Неразрывное единство слова и дела, сознание личной ответственности «за весь порядок вещей», глубокая любовь к Родине, высокая нравственная культура органически присущи личности Владимира Галактионовича. Вот почему для Горького Короленко «был и остается самым законченным человеком из сотен... встреченных», «идеальным образом русского писателя».

Короленко — великий гуманист. «Дорог «человек», дорога его свобода, его возможное на земле счастие, развитие, усложнение и удовлетворение человеческих потребностей» — эти слова характерны для его мировоззрения. Борьба за строй жизни, обеспечивающий человеку возможность полного раскрытия его творческих сил, глубокая уверенность в праве человека на счастье составляют высокий гуманистический пафос деятельности Короленко.

Народы Советского Союза с глубокой признательностью вспоминают светлое имя «честнейшего русского писателя В. Г. Короленко, человека с большим и сильным сердцем», как называл его А. М. Горький.

Большое и благородное сердце

Иван **НОВИКОВ**

С Владимиром Галактионовичем Короленко виделся я всего один раз — ранней весною 1908 года в Полтаве, где он тогда проживал. Но знакомство мое с писателем Короленко началось еще в детстве, когда в семье у нас, в деревне, появилась мартовская книжка журнала «Русская мысль» за 1885 год, где был напечатан «Сон Макара». Этот небольшой рассказ своеобразием сюжета и совсем особенной манерой автора — дать ощутить какое-то живое и доброе тепло по отношению к человеку совсем маленькому и обыденному — произвел на нашу семью подлинно чарующее впечатление. И автор этого рассказа в дальнейшем с полным правом вошел в круг самых любимых молодых писателей того времени. Это были Гаршин, Чехов и Короленко.

Если попытаться найти наиболее выразительное слово, которое определяло бы собою общее наше отношение к новому автору, то следует сказать, что он был воспринят не просто как близкий, а как если бы был подлинно свой, родной. Это не выдумка: даже самое слово «Короленко», казалось, дышало каким-то особым теплом.

Может быть, всему этому содействовало еще одно обстоятельство. От старших моих братьев, учившихся в Петровской сельскохозяйственной академии, мы знали, что и Короленко учился там же до своей первой высылки. Мы с особым интересом читали не законченную автором повесть «Прохор и студенты», где действие происходило именно в Петровско-Разумовском.

Так понемногу в нашем читательском восприятии творчество Короленко стало все более тесно сливаться с его собственным человеческим обликом, и мы невольно следили за деятельностью писателя: помощью голодающим в 1891—1892 годах, поездкой в Америку и его выступлениями по известному мултанскому делу в Вятской губернии, где удмуртов несправедливо обвиняли в принесении человеческих жертв языческим богам. У Короленко умерла дочь, но он не покинул судебного разбирательства и добился прекращения дела и оправдания подсудимых. Все это мы знали, и все это не могло не возбуждать чувства благодарности к этому человеку.

Я уже начинал свой литературный путь, когда Короленко был избран почетным академиком. Хорошо помню, как не только писательская, но и вся студенческая молодежь взволновалась, когда в знак протеста против распоряжения царя об отмене избрания в почетные академики Максима Горького Короленко и Чехов заявили, что слагают с себя звание почетных академиков. Это еще более усилило наши симпатии к ним обоим.

Беспокойная жизнь писателя, отзывавшегося с подлинной страстью на всякую общественную несправедливость, ко времени моей встречи с ним осложнилась еще жестокой травлей, которой он подвергся со стороны черносотенцев после убийства статского советника Филонова, истязавшего и расстреливавшего крестьян Полтавской губернии. Короленко выступил против него в печати с резкими обвинениями, и теперь Владимира Галактионовича обвиняли в подстрекательстве к убийству, присылали письма, где грозились его убить. Короленко и здесь держался с подлинным мужеством и благородством. Но враги писателя долго не унимались.

Немудрено поэтому, что и во время моего посещения Короленко речь зашла обо всех этих недавних событиях.

— Да вот я вам дам... Тут вся эта история.

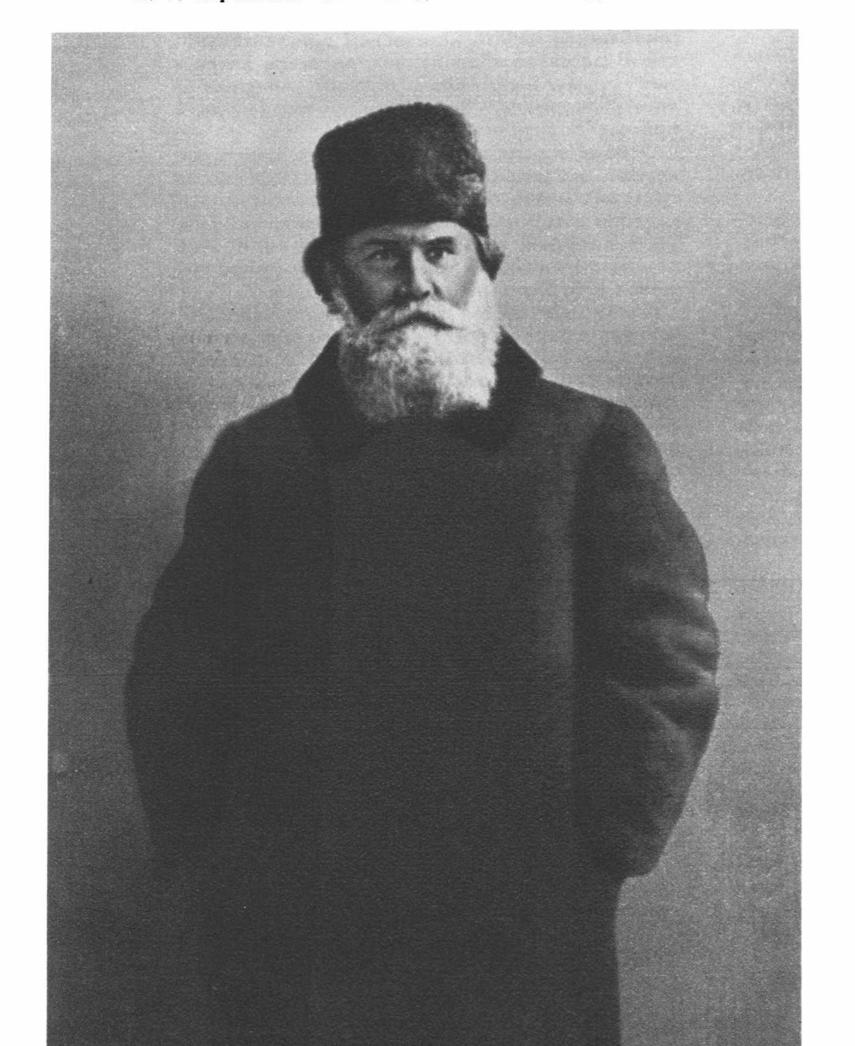
И он протянул мне небольшую книжечку в издании редакции журнала «Русское богатство», называвшуюся «Сорочинская трагедия (По данным судебного расследования)».

Характерно, что и о литературе и о своем вмешательстве в общественную жизнь Короленко говорил с какою-то одинаково ровной и как бы совершенно спокойной убежденностью. На самом же деле он просто умел замечательно собою владеть, и в этом сказывалась большая и привычная для него воля: воля человека, знающего, что каждое его выступление служит поискам подлинной правды.

Современность подсказывала Короленко и темы, и краски, и человеческие образы; и, в свою очередь, каждое его художественное произведение, отвечая запросам жизни, активно входило в самую действительность. Для него не существовало противопоставления: литература и жизнь,—а их художественное единство не было результатом какой-либо теории, которую человек исповедует, а являлось органическим и естественным воплощением его самого и всего того, что он создавал как писатель.

Иногда, в ту пору, когда любили высоко ставить так называемое «чистое искусство», Короленко называли писателем «тенденциозным». По тогдашнему, я бы сказал, «укороченному», мышлению предполагалось, что существует прежде всего какое-либо художественное произведение само по себе, а засим в него по воле автора как бы вливается какое-то количество «тенденции». Но у Короленко-то никакой подобного рода — «привнесенной» — тенденции не было! И мысли и чувства его, личные и общественные, органически сливались в единое целое, которое — вот оно! — дышало передо мною в живом образе этого человека.

В. Г. Короленко. Снимок сделан в 1905 году в Полтаве.

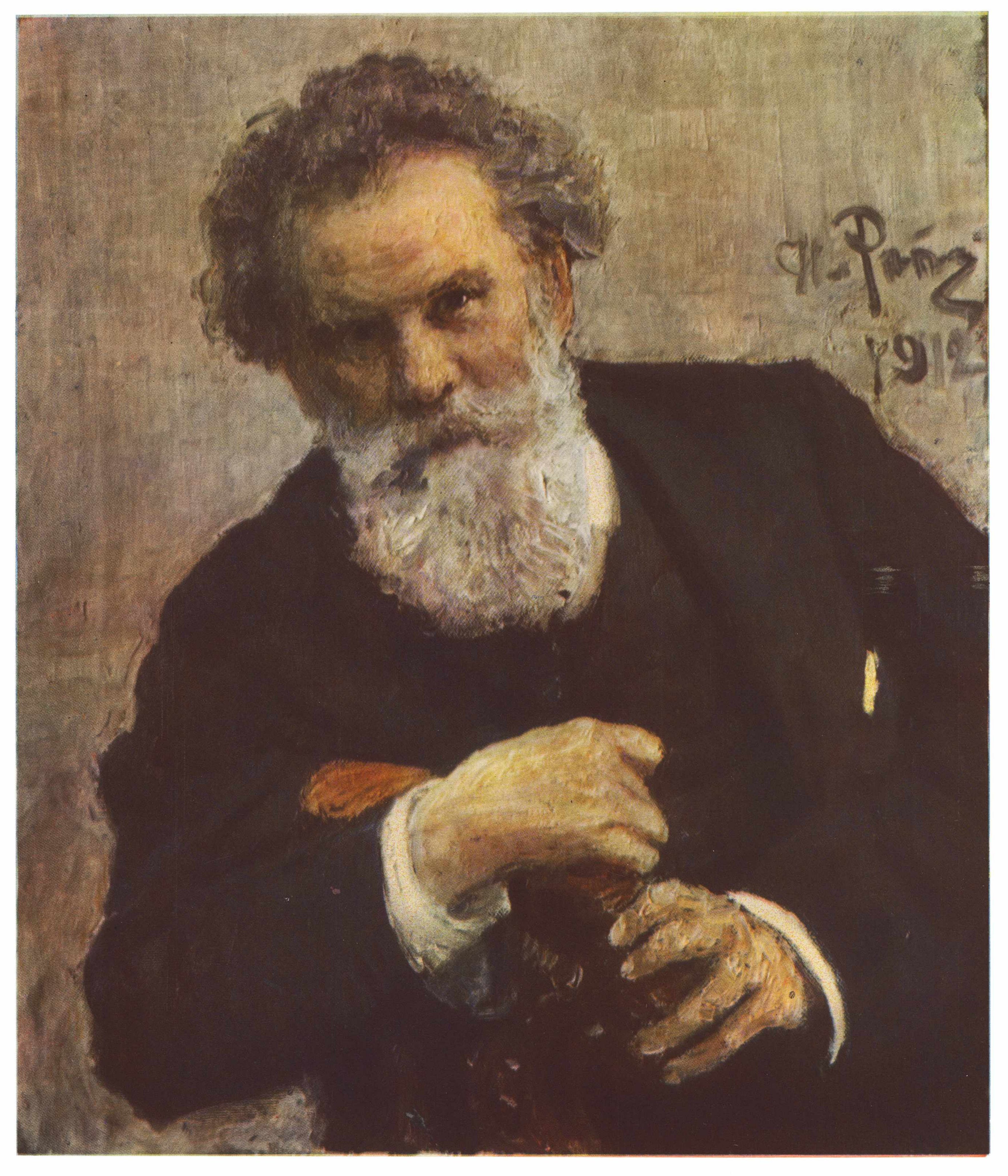
Я очень был рад, что мог больше слушать, чем говорить. Строгий мой собеседник, не очень-то разговорчивый, как меня предупреждали, почему-то был мягок со мной. В литературных вопросах мы не очень сходились, хотя творчество Короленко всегда глубоко меня трогало. Но мы о литературе немного и говорили. Думается, что самый «воздух» нашей беседы определили две вещи: все та же Петровская академия, в которой позже учился и я, и работа «на голоде», хотя и в разных местах и в разное время. Человечески все это очень сближало.

В комнате и во всем доме стояла та ничем не тревожимая, спокойная тишина, которая не кажется только простым отсутствием звуков, а как бы и сама представляет собою некую ощутимую реальность. Подобная же тишина была и за стенами дома, и оттого возникало впечатление огромных пространств: вся безграничная родина наша с ее деревнями и городами. И я понял тогда Короленко: из Петербурга так ее не увидишь! Да «снизу» и сам Петербург был видней, обозримей.

Видимо, Полтаву свою Короленко очень любил. На подаренной мне книге «Без языка» он написал: «На память о Полтаве», то есть о нашей там встрече,— а на «Сорочинской трагедии» в надписи сам поставил в кавычках: «Из Полтавских мотивов». По поводу этого определения книги любопытно привести такую фразу автора, сказанную на первых же страницах: «Но я считаю, что значение «сорочинской трагедии» гораздо шире личного вопроса и даже вопросов местных». И вот на этой самой книге, трактующей о вопросах, которые «гораздо шире вопросов местных», автор делает надпись, связывающую созданное им произведение с мотивами именно местными, полтавскими. И это весьма характерно для Короленко, что, даря молодому писателю свою книгу, он ничуть не навязчиво, но вместе с тем убедительно как бы указывает на то, что истоки литературы лежат в самой жизни, непосредственно писателя окружающей. Не столь отчетливо, но все же именно так это было воспринято мною еще и тогда.

Но вообще надо сказать, что впечатления подобного рода имеют свою внутреннюю жизнь. Они не кончаются с уходом из дома писателя или с отъездом из города, где он живет, как не кончаются они и тогда, когда читатель поставит на полку какой-либо томик талантливого и любимого им автора.

И вот много-много лет спустя после живого общения с Короленко и в результате постоянного читательского общения с его неумирающим творческим наследием хочется применить к нему такое, естественно возникающее определение: «Всякое настоящее художественное произведение есть живая часть живого творца». Именно это и обеспечивает ему посмертную жизнь.

И. Е. Репин. ПОРТРЕТ В. Г. КОРОЛЕНКО. 1912 год.

Государственный музей Л. Н. Толстого. Москва.

«Огонёк». 1953.

Дом-музей В. Г. Короленко в Полтаве

Фото Н. Козловского.

В Дом-музей В. Г. Короленко пришли ученицы школы № 10, носящей имя писателя. Внимательно слушают они рассказ преподавательницы русской литературы З. К. Стеценко (снимок слева).
Справа: рабочий кабинет В. Г. Короленко.

Дом-музей В. Г. Короленко.

Полтава, Малая Садовая...

Маленькие белые домики. Тихая улица с каштанами и акацией вдоль плиточных тротуаров упирается в ворота городского сада, да и сама она похожа на садовую аллею. В этом уютном уголке в 1903 году поселился Короленко, переехавший в Полтаву в 1900 году.

С его приездом для Полтавы, как раньше для Нижнего-Новгорода, началось «время Короленко». Адрес «Полтава, Малая Садовая улица, 1» стал широко известен в России. Сюда шли сотни рукописей и писем. Здесь в одноэтажном домике, превращенном ныне в музей, неутомимо трудился писатель.

...Входим в кабинет Короленко.

Этот потертый письменный стол перевезен в Полтаву из Нижнего-Новгорода. Около него когда-то сидел молодой Горький, принесший на суд Короленко свою первую рукопись.

На столе рукопись начинающего литератора с правкой Владимира Галактионовича. За один только 1903 год Короленко прочитал 504 рукописи! Каждому автору он отвечал подробным письмом. В кабинете находится копировальный пресс, посредством которого писатель снимал копии со своих писем.

Книги в кабинете хранят следы вдумчивой работы. Три тома труда Дубровина «Пугачев и его сообщники» испещрены заметками Короленко, сделанными во время работы над незаконченной книгой о Пугачеве. Много пометок содержат «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя. Это следы работы над статьей «Трагедия великого юмориста».

Бюро с ящиками для газетных вырезок, большой синий карандаш для разметки вырезок — все тут напоминает о неустанной работе Короленко-публициста.

Он никогда не был кабинетным писателем. Вот заплечный мешок — спутник его путешествий, разборный деревянный подсвечник, выточенный писателем. Короленко брал его с собой в поездки, чтобы читать в вагоне железной дороги.

На сундучке, в котором хранятся рукописи, лежат сапожные инструменты; отдыхая, Короленко занимался этим ремеслом, которому он научился в ссылке.

В кабинете стоит кровать; на ней умер Владимир Галактионович. У кровати — столик с книгами и журналами, которые он читал в последние дни жизни. Эти книги нужны были Короленко для работы над «Историей моего современника», которую он диктовал уже тяжело больным.

В зале, примыкающем к кабинету, в иллюстрациях, документах, книгах показаны жизнь и работа Короленко.

Фотография старинного разрушенного замка в городе Ровно, где прошло детство писателя. Замок этот описан в рассказе «В дурном обществе».

Книга К. А. Тимирязева «Жизнь растения» с надписью автора: «Дорогому, глубокоуважаемому Владимиру Галактионовичу Короленко от сердечно признательного "Изборского"». Короленко слушал лекции Тимирязева в годы своего пребывания в Петровской академии в Москве и вывел великого ученого в рассказе «С двух сторон» под именем профессора Изборского.

Драгоценный экспонат — подлинник записки Чернышевского к Короленко, написанной в дни их встречи в Саратове. Внимание посетителей привлекают также письмо Репина с наброском портрета Короленко и визитная карточка с приглашением на сеанс в «Пенаты».

В музее много рисунков, выполненных самим писателем. Изба в Березовских Починках, где он жил в ссылке, типы якутов, «Лунная ночь на Атлантическом океане» — память о поездке в Америку, иллюстрации к «Павловским очеркам».

Как известно, «Открытое письмо статскому советнику Филонову», в котором Короленко заклеймил этого кровавого палача крестьян, вызвало травлю писателя. В музее экспонирован секретный рапорт полтавского полицмейстера о Короленко: «...как вредный для общественного порядка и спокойствия заслуживает высылки из пределов губернии в отдаленные места Сибири не менее пяти лет».

В музее хранятся книги, подаренные Короленко Чеховым, Горьким, Гаршиным, Плещеевым, Станюковичем, Маминым-Сибиряком, Вересаевым, Гариным-Михайловским, Куприным, Коцюбинским, Серафимовичем... На книжке Горького «Воспоминания о Толстом» читаем: «Владимиру Галактионовичу Короленко, учителю и наставнику. А. Пешков. 28. II. 21. Петроград».

Короленко умер 25 декабря 1921 года. Через несколько дней после смерти Короленко его семья получила телеграмму, подлинник которой находится в музее. Вот ее текст:

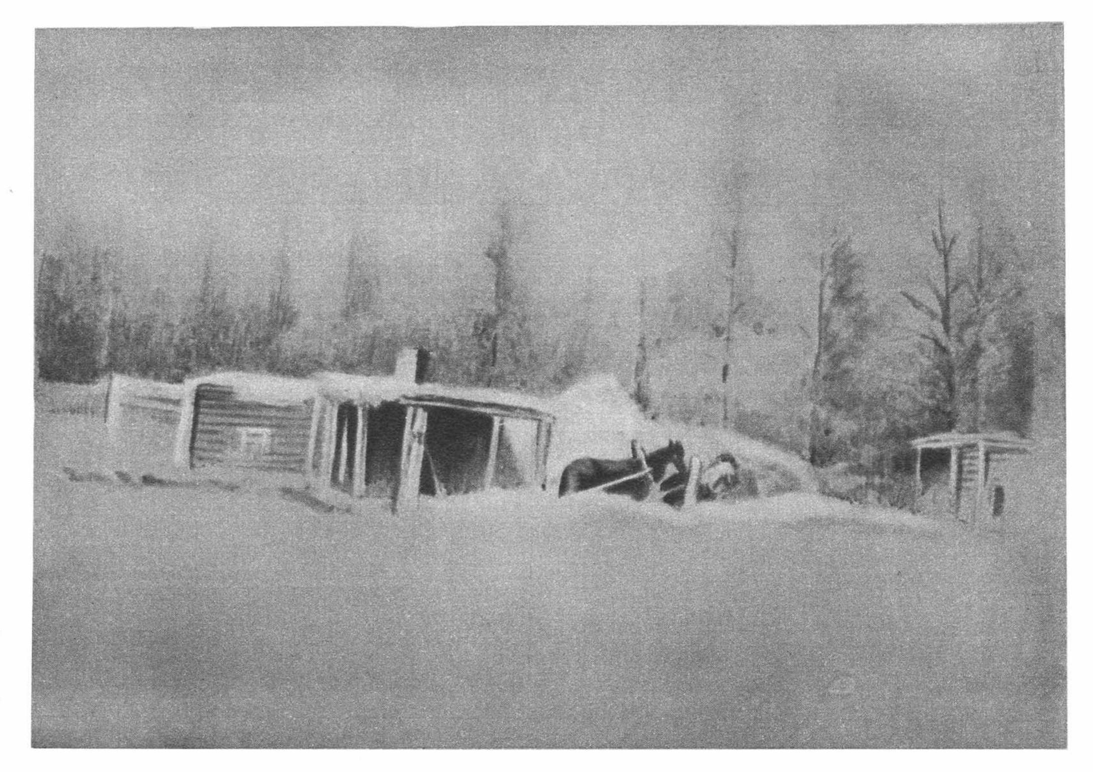
«Президиум ВЦИК просит передать семье покойного В. Г. Короленко от имени Всероссийского съезда Советов, что все сознательные рабочие и крестьяне с глубокой скорбью узнали о кончине благородного друга и защитника всех угнетенных Владимира Короленко.

Советская власть примет все меры к широчайшему распространению произведений покойного среди трудящихся республики.

ПредВЦИК Калинин».

За годы советской власти сочинения Короленко издавались 446 раз на 38 языках тиражом свыше 15 миллионов экземпляров. Это цифры на 1 января 1953 года. В 1953 году выйдет свыше двух с половиной миллионов книг Короленко.

А. ХРАБРОВИЦКИЙ

Юрта в Амге. Рисунок В. Г. Короленко.

КОРОЛЕНКО-ХУДОЖНИК

Наблюдая жизнь, работая над какой-нибудь темой, В. Г. Короленко нередко помогал себе и как художник. В его записных книжках и путевых заметках много зарисовок и набросков.

Рисованию Владимир Галактионович учился только в Ровенской гимназии. Учитель Страховский считал его даровитым рисовальщиком. Одно время — в годы студенчества — рисование стало для Короленко даже источником заработка. В Петровской сельскохозяйственной академии он рисовал демонстрационные таблицы для лекций К. А. Тимирязева. Тимирязев упоминает о них в своей книге «Жизнь растения» и дает им высокую оценку. Рисунки эти погибли во время пожара, происшедшего в Академии.

Самые ранние из дошедших до нас рисунков В. Г. Короленко относятся к 1879 году, времени его ссылки в Вятскую губернию, в город Глазов, а затем в глухой лесной угол того же края — Березовские Починки.

Рисование помогало Короленко преодолеть тюремную тоску. Об этом можно догадываться, между прочим, по той взволнованности, с которой он отметил впоследствии один трагический факт в биографии Шевченко. В 1898 году журнал «Русский архив» опубликовал письмо великого украинского поэта к Жуковскому с горькой жалобой на то, что ему (это было сделано по велению царя) запретили в ссылке рисовать. Прочитав письмо, Короленко занес в свой дневник такие слова:

«...Что ни новая черта (в личности Николая I.— С. К.), то черта новой жестокости, какой-то каменной и тупой! Мало сослать в солдаты,— мало подвергнуть человека суровому режиму в ужасных условиях. Нужно еще взять у него досуг, который есть даже в тюрьме, нужно запретить самое невинное, даже полезное занятие, только потому, что человек его любит.

Я в ссылке и тюрьме выучился рисовать с натуры... А ведь Шевченко был настоящий артист. Что это, должно быть, было за мучение!..»

Известно, что Короленко много рисовал и в годы якутской ссылки. Из большого количества рисунков, сделанных им тогда, осталась лишь часть. Здесь и портреты местных жителей и пейзажные зарисовки.

Характерен рисунок «Юрта в Амге». Перед нами одинокое, запорошенное снегом, ветхое строение, стоящее на краю леса. К строению уныло жмутся озябшие худые лошаденки.

В 1885 году Короленко, отбыв срок ссылки, переехал в Нижний-Новгород, где прожил одиннадцать лет.

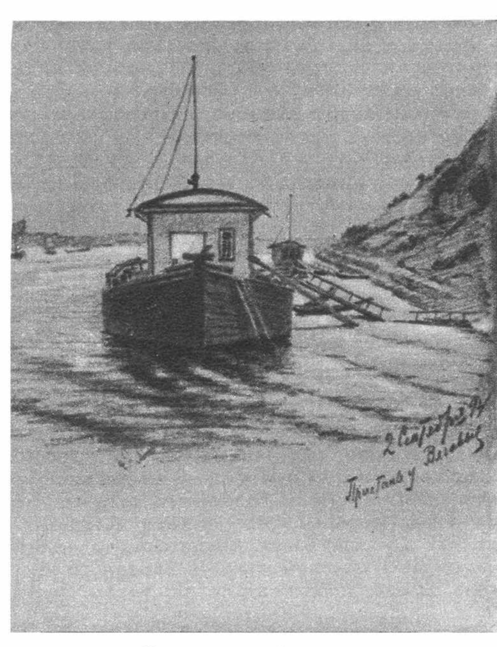
Летом он часто путешествовал на пароходе или лодке, но чаще пешком. Отправляясь в эти странствия, писатель брал с собой не только записную книжку, но и дорожный альбом. Так возникали точные по рисунку и поэтичные волжские пейзажи.

Некоторые рисунки Владимира Галактионовича могли бы служить иллюстрациями к его очеркам. Большое количество зарисовок было сделано Короленко во время его поездок в село Павлово, описанное им в известных «Павловских очерках». Эти зарисовки передают убогий, нищенский быт рабочих.

С болью и горечью писал Короленко в заключительной части своих очерков, рассказывая об ужасной жизни трех работниц — матери и двух дочерей:

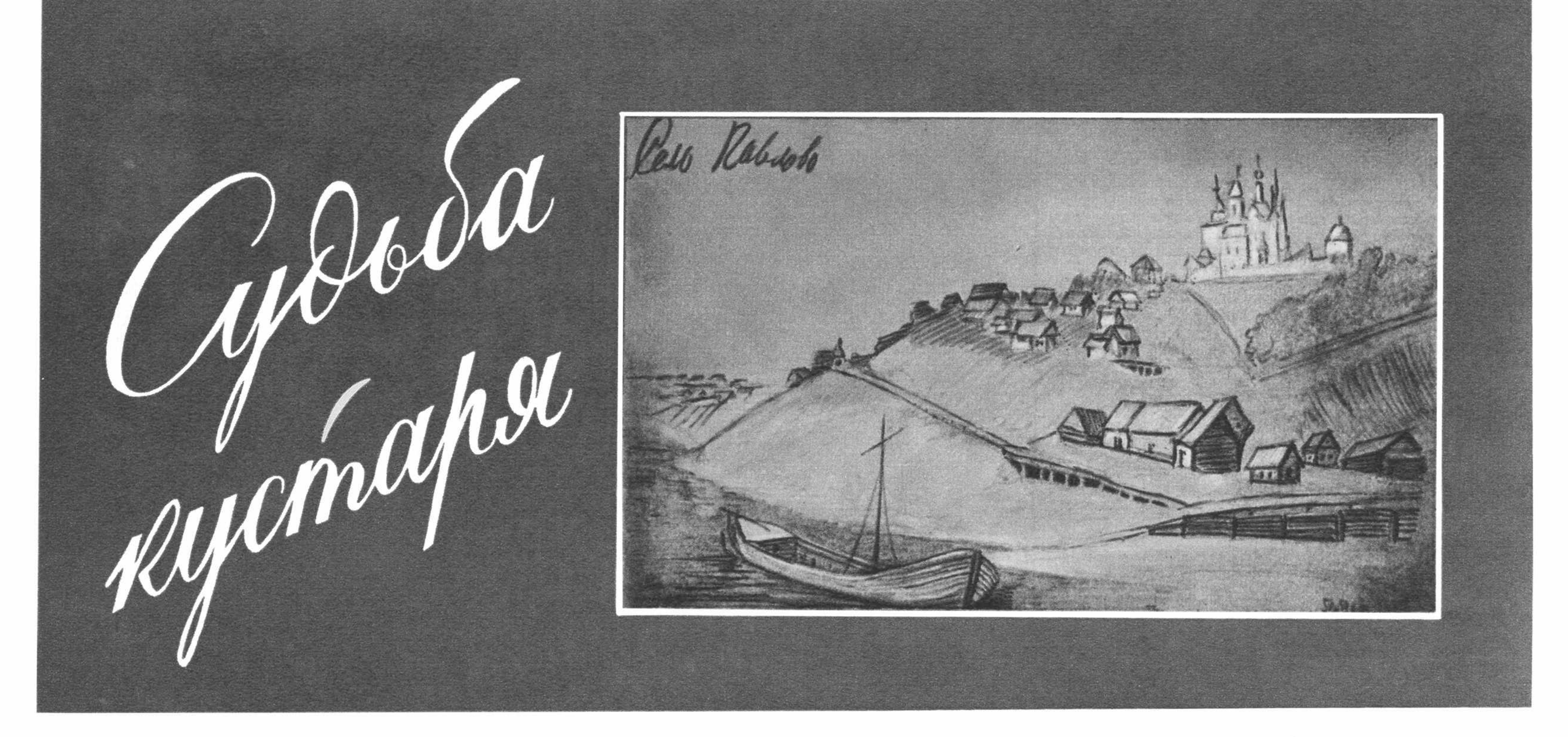
«Мне не раз приходилось жалеть о том, что я не живописец, но никогда я не жалел об этом так сильно, как в этот раз. Да, достаточно было бы нарисовать эти три фигуры и, может быть, мне незачем было бы тратить так много слов на изображение павловского кустарного строя».

С. В. КОРОЛЕНКО

Пристань у Вязовки. Рисунок В. Г. Короленко.

Судьба кустаря

Село Павлово. 1890. Рисунок В. Г. Короленко.

Е. СТРОГОВА

На высоком берегу Оки, в ста с лишним километрах выше впадения ее в Волгу, стояла в давние времена крепость с земляными валами, рвами и башнями. Звалась она Павлов Острог. Целая цепочка таких крепостей, или острогов, охраняла восточные границы русского царства от набегов кочевников. Крепости охраняли и торговые дороги, связывавшие Нижний с Москвой. На бойком месте — в точке скрещения водной и сухопутной магистралей — стояло торговое село Павлово, выросшее за стенами старой крепости.

Занятия, нравы, обычаи — весь дух павловского района — начали складываться четыреста с лишним лет назад. Стрельцы, оставшиеся в селении после того, как крепость была уже никому не нужна, всякий предприимчивый ремесленный люд, бежавший на восток от притеснявших его помещиков,— вот кто был родоначальниками знаменитых павловских кустарей, сначала оружейников, потом замочников, ножевщиков, инструментальщиков. В 1608 году в Павлове было 4 кузницы, в 1621—1622 годах — 11, в 1642 году — уже 21, а в кузнях делалось всякое «черное дело», то есть самые разнообразные железные изделия, ружья, замки и другое. Умение растилось здесь столетиями; много поколений павловских умельцев передали одно другому эстафету мастерства, прежде чем окончательно сложился ассортимент и тот особо тщательный, добротный стиль отделки, который характерен для павловского металлообрабатывающего района.

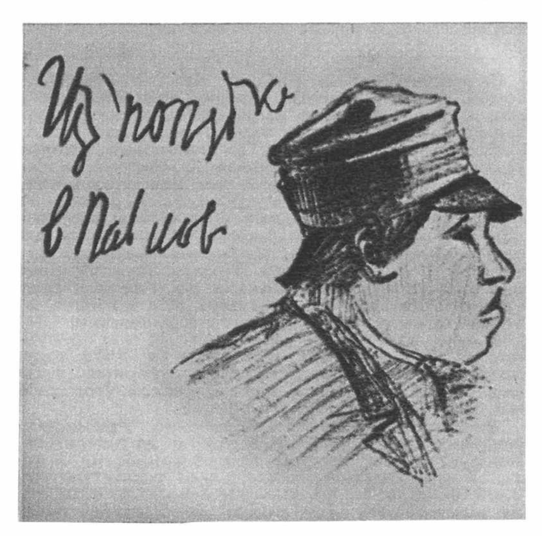
Мудрено ли, что наследственные павловские слесари-универсалы смело брались за любое дело, связанное с обработкой металла! Дайте ему только образец, павловский мастер повертит его в руках, посвистит — и непременно сделает.

Искусство павловских металлистов было замечено давно. О нем писали иностранные путешественники. А когда по велению Петра I воздвигался Петербург, из Павлова было выписано для участия в строительстве 458 различных ремесленников, и прежде всего искусные слесари.

Владимир Галактионович Короленко написал о кустарном селе свои знаменитые «Павловские очерки» в 1889—1890 годах. Писатель самым удивительным образом сочетал в них глубокое экономическое исследование судьбы кустарей при капитализме с прекрасными художественными портретами скупщика Дужкина, фабриканта и волостного старшины Варыпаева, деревенского кустаря Аверьяна и других. Он нарисовал потрясающую картину самой бессовестной наживы, холодного чистогана, проведя читателя по подвалам скупщиков.

Каждая строчка этого полного страсти публицистического произведения была направлена против вреднейших утопических фантазий народников, считавших промысел павловских кустарей «народным производством» и подлинным раем на земле.

...Короленко стоял в первый день приезда высоко над Павловом, на самой круче, возле старинного собора, и смотрел вдаль, на заокские пойменные луга и на расстилавшееся у ног его по оврагам, горам и обрывам село. Крохотные, в одно—два окна, словно игрушечные домики кустарей, где и разогнуться-то невозможно, лепились по кручам. Возле них не видно было ни плетня, ни кола, ни двора. «Кустарь хватается за последнюю возможность самостоятельной жизни с такими же усилиями, как эти домишки за каждый выступ глиняного обрыва»,— думал писатель. И его поразило: «Как мало здесь новых домов! Свежего, сверкающего тесу, новых бревен, которые бы показывали, что здесь строятся, что новое вырастает на смену дряхлого и повалившегося,— совсем незаметно».

Кустарь. 1890—1897 гг. Рисунок В. Г. Короленко.

«Когда же над этим хаосом провалившихся крыш и нелепых палат взвилась струйка белого пара и жидкий свисток «фабрики» прорезал воздух, то мне показалось, что я, наконец, схватил общее впечатление картины: здесь как будто умирает что-то, но не хочет умереть,— что-то возникает, но не имеет силы возникнуть...»

Тесно, душно было жить павловскому кустарю, опутанному со всех сторон скупщиком. Тоску свою и свою мечту выражал он иногда самым странным образом.

Пока тульские наши «левши» подковывали блоху, в Павлове всякие выдумщики и фантазеры выпускали замочки величиной с горошинку и меньше, столь малые, что собирать их приходилось с помощью пинцетов, которые применяются в часовом производстве. И замочки эти действовали безупречно. Любовь к диковинкам была свойственна людям, и павловские замочки-мухи находили сбыт. Ими запирали шкатулки, брелоки, ошейники у комнатных собачек; купеческие сыны нанизывали их и носили как цепочку для часов.

Всем этим занимались люди, конечно, и ради заработка, когда простые замки не шли, а то из молодечества, желания хоть как-нибудь проявить себя, показать свое искусство.

В павловском кустарном музее, который, кстати сказать, стоит на месте старинного собора, и сейчас покажут вам на витрине множество таких малейших замочков, сделанных в форме то сердечка, то бочонка, то крохотной избушки. Указаны фамилии создавших их мастеров.

Вам покажут гигантский трехпудовый замок, в целый метр высотой. Но это не игрушка, это отличная реклама, замок, который долгое время красовался на витрине склада или магазина павловской артели кустарей. Она сейчас носит имя Сергея Мироновича Кирова.

На других витринах вас поражают десятки перочинных ножей из села Ворсмы с двадцатью четырьмя, с пятьюдесятью и даже со ста предметами. Чего здесь только нет: и различные миниатюрные ножницы, и сапожное шило, и зубочистка, и множество различных, никому совершенно не нужных вещей. Около таких уникумов толпятся люди, и всегда они отходят разочарованные.

— А зачем это? — спрашивают они.

Под конец вас подводят к довольно крупному по размерам замку с часами и с музыкой. Мастера Тужилова, создавшего этот замок, не стало несколько лет назад. Но искусство его живет в этом трогательном старомодном замке, который без конца заводится по просьбе экскурсантов и играет и играет множество раз свою старинную надтреснутую мелодию.

Слушаешь эту проржавевшую музычку, и кажется: здесь умирает душа кустаря-единоличника с его тоской, с его причудами и фантазиями. Нет у нас больше в Павловском районе ни одного кустаря-одиночки, а в артелях сейчас совсем другие представления о мастерстве, об искусстве.

Короленко упоминает в своих очерках о народнике-фантазере Н. П. Зернове, который приехал в Павлово в 70-х годах с мыслью создать «артёлку» для сбыта кустарных изделий через голову скупщиков и спасти таким образом кустарей от разорения. Но утопии обречены на гибель. И затея Зернова, естественно, окончилась крахом прежде всего для него самого: скупщики его оклеветали, от дела его отстранили, и он попал в дом для умалишенных.

Я вновь прочитала чудесные, полные гражданского гнева очерки Короленко. Меня поразили мудрые диалектические его мысли о жестокой борьбе старых, умирающих павловских порядков и нарождающихся, новых. И мне

неудержимо захотелось на Оку, в Павлово, поглядеть, что же стало со старым кустарным селом.

Когда подъезжаешь к Павлову на машине, перед глазами постепенно раскрывается из-за холмов большой город, раскинувшийся привольно по горам и оврагам, весь в зелени, с заводскими корпусами и справа, и слева, и вдали, с высокими жилыми домами в центре и изящными коттеджами на окраинах, вокруг заводов.

По крутому въезду поднялась я на высокую гору, чтобы взглянуть на Павлово с той самой площади, откуда глядел на него ранним утром Короленко. Здесь, кстати, намечено поставить памятник писателю. Я замерла, пораженная красотой заокских далей: вдали, у леса, виднелось село Тумботино, упоминаемое у Короленко. Но и в Тумботине возвышались заводские корпуса, солнце сверкало в стеклах, и заводская труба вонзалась в небо.

Я повернулась к Павлову. Отсюда оно было видно необычайно отчетливо. Мой спутник, старый павловчанин, показывал мне огромную школу имени Ленина на той стороне притока Оки, Тарки, новое здание конторы завода имени Сталина, новые дома на улице Куйбышева — одной из самых красивых в городе.

Новое росло из старого и посреди старого: еще были здесь улицы на какой-нибудь Семёньей горе и на окраинах города сплошь из одноэтажных деревянных домиков, иной раз и покосившихся набок или как бы упавших на колени.

Мы спускались вниз по одной из таких старинных улочек под названием Бабья или Вдовья горка. Жили тут в старину так называемые «личильщики» — шлифовальщики металлических изделий,— которым наждачная пыль разъедала легкие, и к сорока годам они все непременно умирали. Личильщики вымирали целыми деревнями, оставляя вдов и сирот. Личильные мастерские так и называли «морилками».

Были здесь раньше такие улицы: Грязнушка, Заманиха, Грабиловка, Исподняя. Все они переименованы, а Бабья горка случайно уцелела.

Старые кривые улочки, конечно, в будущем будут перепланированы и отстроены заново. Но пока город растет бурно по окраинам. За три последних года здесь выросло 20 новых улиц: Южная, Северная, Восточная, Машиностроительная, Инструментальная, Автобусная, Окская, Цитрусовая и много других.

Читателя удивит название «Цитрусовая». Откуда в Павлове такое субтропическое название? Но в Павлове давно существуют своеобразные субтропики под крышей: павловские домашние лимоны. Павловские кустари имели, повидимому, нежный, мечтательный характер: они очень любили хорошее многоголосое пение, пение птиц и полюбили это чудесное вечнозеленое деревцо — лимон с его благоухающими сказочными белыми и розовыми цветами.

* * *

Владимир Галактионович Короленко упоминает о первой попытке собрать артель в Павлове. Но он ничего не написал об артели, которая все-таки существовала: она была создана бывшим народовольцем А. Г. Штанге в начале девяностых годов. Короленко знал о ней: он приезжал в Павлово еще раз позже, в 1897 году. Но он просто не поверил, что такая артель может уцелеть, что ее не пожрут скупщики и фабриканты.

Город Павлово, Горьковской области. Улица Куйбышева.

Однако артель удивительным образом не заглохла, хотя она постоянно терпела бедствия. Основателю ее, А. Г. Штанге, помогло одно случайное обстоятельство: сестра его была близко связана с высшими сферами в Петербурге. И Штанге широко пользовался этими связями. Однажды ему удалось даже проникнуть к Витте, который был тогда министром финансов, и вырвать у него разрешение на кредит для артели.

Конечно, как и всех кустарей района, артель постоянно трясли кризисы и конкуренция с немецкими и английскими товарами. Легче стало во время войны: появился большой заказ от военного ведомства на саперные лопаты и хирургические инструменты. А если заказ, то и кредит. Но хирургических инструментов делать никто в артели не умел. А надо было давать целые наборы для полевых госпиталей.

Хоть павловский кустарь и может все сделать «на глаз», но на этот раз «глаз» не помог: дело оказалось слишком сложное. Изготовили первый комплект и решили съездить в Нижний похвастаться: показать его известному по всей Волге хирургу. Инструменты были все точные, блестящие и очень красивые. Хирург взял в руки не то скальпель, не то какую-то пилу для ампутации конечностей да как нальется кровью, как закричит, как затопочет:

— Вы что же это, над врачами издеваетесь? Пудовые инструменты понаделали?!

Оказалось, что вся хитрость заключалась в центре тяжести. Хирург, когда он весь сосредоточен на операции, не должен чувствовать инструмента в руках. Инструмент должен казаться ему невесомым. А это может быть достигнуто, если рука держит инструмент как раз в том месте, где находится его центр тяжести...

Два с половиной года назад артели имени Кирова исполнилось 60 лет. Это самая старая промысловая артель металлистов. Сейчас в ней работает 1 600 человек, а выпускает она хитрые цугальные замки, не поддающиеся отмычкам, превосходные ножи и вилки из нержавеющей стали и много полуфабрикатов ножниц и разных инструментов для артелей района.

Когда подходишь к артели по улице Маяковского, оказываешься зажатым между корпусами артели и кузнечно-штамповочным цехом завода имени Сталина. Вот как забухают сразу мощные молоты и прессы — с одной стороны кооперативные, с другой — государственные, как пойдет эта перекличка мощностей, и содрогнется и «загудёт» под тобою почва, и поймешь ты, что такое индустриальное Павлово! Старое Павлово времен Короленко «бухало» треснутым, надорвавшимся колоколом у собора, а нынешнее, наше бухает тяжеленными молотами.

Главный инженер артели Александр Иванович Павлов водил меня по конвейерам артели и с досадой объяснял, что в замочном какой же это конвейер: когда производство скачет вверх бешеными темпами, то старый конвейер, естественно, не поспевает его обслуживать и деградирует в простой транспортер, а для большого конвейера надо и большое помещение. Сейчас приспособились: перекрывают крышей промежутки между двумя цехами и так создают новые площади.

В ножевом и вилочном цехе конвейеры зато самые настоящие и правильные. Готовые вилки и ножи проходят больше тридцати операций поверхностной обработки. Они имеют сияющий вид и на средних операциях, а под конец это уже подлинное сверкание драгоценного металла. Тут пущены в ход самые различные деревянные, картонные, матерчатые, валяные диски и жидкое стекло с наждаком разных номеров. Совсем иначе работали знаменитые личильщики, жизнь которых в старом Павлове была так недолговечна. Современные шлифовальщики и шлифовальщицы сидят на высоких крутящихся металлических креслах возле бешено вращающихся кругов. Наждачная и войлочная пыль с воем засасывается мощными вентиляторами с широченными пастями и вихрем уносится по таким же широким трубам. Инженер открыл трубу сбоку, и мы увидели, что она до половины забита страшной волосатой черной пылью, накопившейся за несколько часов работы.

Старые личильни были знамениты и другим: наждачный или войлочный круг приводился в движение огромным, выше роста человеческого, колесом, которое находилось под полом, в подвале. Крутили его вручную. Для этого или нанимали по дешевке «слепаков» или ставили слабосильных членов семьи кустарей.

Александр Иванович показал мне прессы и электрические печи для нагрева металла. Артель получает высокочастотную установку для закалки изделий.

В горячих цехах, около штампов, рабочих постоянно обдает струя свежего воздуха.

Наконец мы увидели две электроискровые установки — изобретение лауреатов Сталинской премии Бориса Романовича и Натальи Иоасафовны Лазаренко. До этого у меня сложилось впечатление, что артель кое-где отстает, а кое в чем почти не отстает от государственной промышленности. Главный инженер рассказывал все время о своих обидах: о худ-

Семья Родионовых рассматривает план своего нового дома.

Фото Н. Капелюша.

шем снабжении промысловой кооперации дефицитными материалами и точными измерительными приборами. Но около электроискровой установки мы оба с ним радостно и удовлетворенно улыбнулись: ведь это передовая техника самых последних лет, и мы видим ее в Павлове, в маленьком городке, и даже не на государственном предприятии, а в промысловой артели.

Здесь была абсолютная чистота, и сияло солнце, и молодая девушка-мастер в пестром шелковом платье командовала молодыми рабочими, которые готовились к ремонту штампа. Сложный штамп из твердого сплава для поковки детали сработался, отслужил свое. Раньше его надо было нагревать, как простую заготовку, и делать заново. Теперь штамп углубляют на электроискровой установке. Рабочий тщательно устанавливал медную форму, которая будет служить в дальнейшем катодом; анод — это сам кубик штампа. Катод и анод помещаются в специальную ванну, включается ток, и начинается искрение по всей поверхности катода. Эти-то искры и выжгут очень точной формы углубление — штамп — в самом твердом металле. А присутствующие непременно скажут:

— Смотрите, смотрите: катод входит, как в масло!

Вместо того, чтобы ремонтировать штамп трое суток, его теперь ремонтируют четыре часа.

А на заводах в Павлове и в соседнем селе Ворсме на таких установках изготовляют и новые штампы.

Здесь, в этом цехе, я увидела молодых художников по металлу. В Павлове есть специальное художественное ремесленное училище, где делают удивительно красивые вещи: шкатулки, картины, исполненные по металлу травлением с самыми различными покрытиями. Палитра цветов, которыми располагает современный художник по металлу, поражает богатством своих оттенков: тут и природные цвета металлов, и цвета побежалости, и удивительная игра цветов тонких пленок.

Скоро Павлово покажет свое искусство и в художественной росписи ножей и вилок. Отдельные мастера уже вступили в неофициальное соревнование со знаменитыми златоустовскими художниками, которые в старину славились росписью клинков сабель и художественными насечками на различном оружии.

Пока еще молодежь, кончающая это училище, к сожалению, не находит себе настоящего применения по художеству. А ведь она любит и знает свое дело.

Это еще один путь развития павловского мастерства.

* * *

В первый день своего приезда в Павлово я садилась на автобус, который идет от железнодорожной станции Металлист в центр, и обнаружила на нем незнакомую марку «ПАЗ». Оказалось, что это значит «Павловский автобусный завод». Водитель с увлечением стал рассказывать, что в Павлове уже второй год выпускают такие вот небольшие автобусы. Вы встретите их и в Кеми, и в Тамбове, и где-нибудь в Сибири, и в Болгарии, и в Румынии.

По всему свету скоро будут знать марку Павловского автобусного завода!

Я постаралась представить себе на этом первоклассном заводе старого павловского кустаря времен Короленко.

Мне рассказали историю Павловского завода. Он возник в первую пятилетку одновременно с Горьковским автозаводом как его цех, связанный с большим конвейером ГАЗа: в Павлове выпускали инструмент и кузовную арматуру сначала только для горьковских машин, а потом и для тракторов и автомашин других заводов.

Почему завод построили именно в Павлове? А потому, что здесь были кадры — золотые руки, чудесные мастера, — так объяснили мне в заводоуправлении. Заводы приближают не только к сырью, но и к кадрам. А павловские замочники и ножевщики умели кое-что делать!

Горьковский автозавод строила вся страна и особенно вся Горьковская область. Из Павлова были затребованы для завода прежде всего мастера для изготовления штампов и те самые павловские слесари-универсалы, которые про себя говорят:

— Я все могу. Я тридцать четыре специальности превзошел.

Мастеров хватило и для Горького и для себя, выпуск шоферского инструмента пошел хорошо. Но машиностроение — это уже несколько иное дело. И когда перешли к целым автобусам, поехали павловские мастера «малость подучиться» на горьковский завод и в Москву, на ЗИС. Подучились несколько месяцев и поставили производство у себя.

Один техник, не из павловских, уже давно работающий на заводе, разговорился со мной откровенно о рабочих-павловчанах:

— Сказать вам по секрету, в них все-таки этой кустарщины было битком набито. Возьмите хотя бы слесаря на штампах. Он любит вытащить свое зубильце и давай тюкать молоточком. И обратите внимание на его лицо, руки: взгляд как бы уходит в себя, он весь сливается с зубилом, оно его сердце, его рука, он этим зубилом ощущает глубину до микрона, как будто это и не зубило, а щупальце. Так он привык доводить штамп. И казалось ему, что никто и никогда не сможет его искусства заменить: не придумаешь ни такого резца, ни такой фрезы. А тут случилось: ученые люди электроискровой способ изобрели. Оказывается, техника все может. Раньше они считали, что вся культура в них, в кустарях-умельцах. А культура, оказалось, накоплена на заводах, и в лабораториях, и в науке. И вот здесь, на нашем заводе, бывшие кустари, кажется, поняли, что они поодиночке никуда двигаться не могут, кое-чему научились и от своего индивидуализма («мы таланты!») поостыли.

...Хочется сказать еще кое-что о людях, о потомках тогдашних кустарей.

Короленко посетил кукольный домик: крохотную избенку вдовы Прянишниковой на Семёньей горе. А я побывала в семье младшей дочери этой вдовы, той самой худенькой, сморщенной девочки, которой писатель дал «несколько денег», пожалев ее жалкие детские глаза. Прасковья Арсентьевна Прянишникова, по мужу Родионова, живет теперь на одной из Новых Линий, возле артели имени Кирова, где проработала всю жизнь.

Две ее дочери — это уж новая павловская интеллигенция: Мария Семеновна окончила институт иностранных языков в Горьком, сейчас учительствует, а Татьяна Семеновна — нормировщица на заводе имени Сталина и чудесная комическая актриса. Ее дочка учится в музыкальной школе.

Мария Семеновна и Татьяна Семеновна — члены партии и обе участницы Великой Отечественной войны: Татьяна Семеновна была старшей сестрой госпиталя, а Мария Семеновна — разведчицей.

Скоро Родионовы начнут строить новый дом. Я и застала их за обсуждением деталей будущего сооружения. Завод имени Сталина дал им на строительство десять тысяч, а сруб они купили в деревне. Дом будет большой, четырехоконный, высокий, действительно очень красивый, со всякими пристройками, огородом и садом. Жалко, что вдова Прянишникова из кукольного домика не дожила до этого строительства!

Я видела много семей бывших кустарей в Павлове. Но семья Прянишниковых и еще семья Мичуриных запомнились мне больше других.

Сестер Мичуриных я услышала в хоре, в саду артели имени Кирова, в обеденный перерыв. Хор был большой, женщины в белых длинных расшитых крепдешиновых платьях, а мужчины в строгих черных пиджачных парах. Пели очень хорошо, пели по-настоящему. Хор здесь любят, и пришли слушать человек двести — триста. Сестры Мичурины, две синеглазые красавицы, исполняли шуточные песенки с большим природным умением держаться на сцене. У обеих были чистые, прекрасные голоса — меццо-сопрано. Одна из них работает в артели на сборке замков.

Я подошла к ним потом и напросилась в гости. Вечером мы сидели в новой квартире, недавно полученной Верой Мичуриной и ее мужем — артельным художником Тарабакиным. И я наконец услышала то самое павловское старинное многоголосое пение, о котором знала уже давно. У Мичуриных певали и бабушка, и прабабушка, и дедушка, и дядья, а сейчас сидели и пели сестры, их мама Анна Петровна, младшая сестренка Зоя, и подпевал художник Тарабакин. Мать рассказывала, как, бывало, в старину распахнешь окно — и до свету слушаешь: поют и в том и в этом конце улицы, да поют не на один, а на четыре — пять голосов. Рождались люди из поколения в поколение с абсолютным слухом: вот и у Тарабакина с Верой, смотрите, малыши оба любой мотив безошибочно споют (и они, действительно, спели).

Я пошла слушать семью издали, с улицы. Пели старинные песни.

«Ничто в полюшке не колышется»,— выводила Анна Петровна. «Только грустный напев в поле слышится»,— подхватывала старшая дочь.

«Напевал там пастушок
Песню дивную...»

Пели на четыре голоса. У матери голос еще был чист и прозрачен. Темнело. И я так ясно представила себе старое Павлово и перекликающихся из конца в конец улицы певцов... Песня была тягучая, грустная и хватала за сердце.

В комнате заспорили, как правильно исполнять старинные песни. Молодежь хотела непременно модернизировать их.

Я вернулась к столу. На стене висели картины. Одна из них, «Левитан на Волге», мне понравилась. Хозяин сказал, стесняясь, что написал это он, и стал рассказывать о своем брате, окончившем художественное ремесленное училище.

Это была молодая, новая интеллигенция, вырастающая на почве старого, кустарного Павлова.

Впрочем, кустарного Павлова давным-давно нет. Нет никаких кустарей-одиночек.

Умерло даже и само слово «кустарь», потому что оно теперь уже больше ничего не обозначает.

У Мичуриных певали и бабушки и прабабушки. И сейчас поют не на один, а на несколько голосов.

«С матросским приветом...»

«Здравствуй, товарищ Чичкова! В первых строках своего письма я прошу, чтобы ты передала привет всем в ОТК и на заводе.

Напишу кратко о себе. Живу я хорошо, нахожусь — ты знаешь где. Учусь. Морская жизнь понравилась...

Не знаю, как у вас, а тут погода сейчас испортилась, часто идут дожди. Но в кубрике у нас весело, есть все инструменты.

Юля, опиши, как живут наши работники ОТК и кто у вас страхделегатом после меня. Описывай все подробнее.

С матросским приветом. Крепко жму руку. Жду ответа.

Твой товарищ по заводу Павел Коновалов».

Юля Чичкова — заместитель секретаря комитета комсомола Механического завода метрополитена, а пишут ей бывшие рабочие завода — токари, фрезеровщики, контролеры. Комсомольцы всегда подробно отвечают на эти письма. Бывшие рабочие знают о своем заводе, о жизни товарищей все, как будто они попрежнему стоят у станков.

В одном из писем Павел Коновалов шутливо вспоминает, как его провожали во флот: «Перед моим уходом было маленькое собрание. На повестке дня стоял один вопрос: товарищ Коновалов. Ему торжественно вручили чемодан».

Коновалову, как и другим, были устроены общественные проводы. Очень дорогих подарков здесь не делают, но фибровый чемодан или бритвенный прибор, когда их дарят от души, дороже любой драгоценности.

В цехах завода иногда появляются люди в военной форме: в летней, артиллерийской, морской. Они подходят к станкам и подолгу наблюдают, как вьется из-под резца голубая стружка. Иногда такой гость не вытерпит, сдвинет бескозырку на затылок, поплюет на ладони и скажет: «Эх, друг, дай проверить, не позабылось ли».

— Станок работает отлично! — говорит Владимир Сухарев (справа) Анатолию Колесникову. Слева — Юлия Чичкова.

Фото М. Савина.

— С вокзала, конечно, домой, а потом сюда,— сказал Анатолий Колесников обступившим его товарищам по цеху.

Кончается смена, и на скамейке возле газона собирается тесный кружок. Анатолий рассказывает о морской службе, о тех краях, которые довелось ему повидать, о своих друзьях-моряках. Когда Анатолия призывали на службу, он не был комсомольцем. Вступил в комсомол во флоте.

— Так что ты, Юля, оставь для моей фамилии одну строчку в списке заводских комсомольцев,— улыбаясь, говорит Анатолий Юле Чичковой.

— Оставим, Толя. Обязательно!

Человек, ушедший с завода служить в армию, перестает числиться в списках, которые хранятся в отделе кадров, но он как бы остается членом заводского коллектива. Отслужив положенный срок, он может уверенно возвращаться на завод, зная, что его ждут здесь и что он получит свой станок в полном порядке.

О. ШМЕЛЕВ

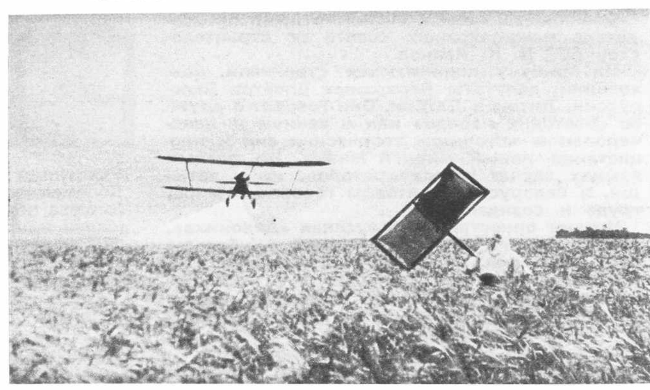
Крылатые земледельцы

Когда молодой колхозник из кубанской станицы Баракаевской Яков Грязнов приобрел специальность авиатора, ему казалось, что он навсегда оторвался от земли. Что может быть общего между сеялкой и самолетом, между хлеборобом и авиатором?..

Но через несколько лет Грязнов попал в авиаотряд, обслуживающий колхозные и совхозные поля. И он неожиданно для себя возвратился с небес на землю. Оказалось, что здесь, на бескрайних кубанских нивах, есть работа не только для комбайнеров и сеяльщиков, но и для пилотов. Авиация стала могучей силой в борьбе за высокий урожай, верным помощником тружеников сельского хозяйства.

Мы встретились с Грязновым среди полей и лесопосадок Ново-Кубанского совхоза имени Сталина. Готовили к вылету самолет «ПО-2». Возле машины на подводе стояла бочка с раствором химикатов. Группа девушек перекачивала жидкость из бочки в бак, расположенный на самолете. Пилот сидел у штурвала. Практикантка Ленинградского сельскохозяйственного института К. Казакова — руководительница работы — давала агрономические указания перед вылетом.

— Готово!— закричали девушки.

Внекорневая подкормка пшеницы с самолета.

Фото О. Кнорринга.

Кубанским хлеборобам не в новинку использование авиации на химической прополке хлебов, опылении садов, виноградников, в борьбе с вредителями и заболеваниями растений. Но то, чем занимался этот экипаж, не походило ни на один знакомый процесс.

— Добываем совхозу новую прибавку к урожаю,— сказал Я. Грязнов.

Два года тому назад научные сотрудники Тимирязевской сельскохозяйственной академии начали проводить в совхозе имени Сталина опыты по внекорневой подкормке некоторых сельскохозяйственных культур — пшеницы, кукурузы. Опыты показали, что растения могут усваивать удобрения не только корневой системой, но и зелеными листьями.

Работники совхоза решили освоить новый агротехнический прием на больших площадях. Совхоз имени Сталина первым в стране обработал с самолетов несколько тысяч гектаров яровой пшеницы. С каждого гектара теперь собирается почти на 3 центнера зерна больше, чем на массивах, где подкормка не применялась.

А. ПОДХОМУТНИКОВ

Учителя в Москве

Первый раз приехала в Москву учительница Валентина Васильевна Сеченова. Живет и работает она в рабочем поселке города Свердловска.

Валентина Васильевна ходит по городу, внимательно всматривается в окружающее.

Учительница из Боровичей В. А. Захарова сегодня уезжает домой. С ней прощается свердловская учительница В. В. Сеченова (слева).

Фото С. Михайлова.

С каждым днем она чувствует себя смелей и увереннней в столице, будто прожила здесь много лет. Ей нравятся красивые здания, площади, парки, сады. С благоговением переступает она пороги прославленных музеев, вечером спешит в театры и на концерты.

В распоряжении Сеченовой только десять дней. Многое надо увидеть, о многом побеседовать за это время. А прежде всего надо пополнить свой педагогический опыт. Для этого приехала она, как и другие педагоги, в Москву.

Свыше 10 тысяч учителей побывает в Москве за лето. Их гостеприимно встречают в экскурсионной базе ЦК профсоюза работников начальной и средней школы РСФСР.

В просторных, светлых комнатах шестиэтажного здания разместились учителя, приехавшие в Москву со всех концов Советского Союза. Здесь преподаватели, имеющие большой педагогический опыт, и молодые специалисты, только что окончившие вузы.

Вечером, после экскурсий, многие собираются в комнате отдыха, где можно отдохнуть, поделиться впечатлениями о прошедшем дне.

— Приезд в Москву — радостное для меня событие,— говорит Сеченова.— Я и многие мои ученики только читали о московском метрополитене, о высотных зданиях, о дворце науки на Ленинских горах. И вот теперь я смогу рассказать, что в жизни все это красивее и величественнее, чем мы себе представляли.

Экскурсионные базы для работников народного образования имеются в Москве, Ленинграде, Сталинграде, Риге и других крупных городах Союза. В Москве таких баз пять. Экскурсанты знакомятся с музеями и выставками столицы, посещают театры, концертные залы, встречаются с заслуженными учителями. Преподаватели русского языка, литературы и истории слушают специальные лекции.

Москвичи выпустили для гостей устный журнал «Хочу все знать». На «страницах» журнала, со сцены Колонного зала Дома союзов, выступают ученые, новаторы производства, писатели и поэты, артисты московских театров.

Н. КУДРЯВЦЕВА

Встреча знатных токарей

Сколько искренней радости на лицах китайского и советского рабочих! Это не первая их встреча. Несколько лет назад знатный токарь Автозавода имени Сталина лауреат Сталинской премии Сергей Михайлович Бушуев побывал в Китае. Здесь, на Мукденском машиностроительном заводе, он познакомился с китайским токарем Ма Мин-хэ.

Сейчас Герой Труда Ма Мин-хэ приехал в Москву. На выставке промышленности и сельского хозяйства Китайской Народной Республики он демонстрирует свои методы скоростной резки металла.

Фото А. Сергеева.

Огни великой дружбы

Осень 1952 года. Над тихим озером Дрисвяты раздались гулкие взрывы. Огромные массы земли взлетели на воздух. А когда утих шум, среди зеленого луга люди увидели глубокий котлован. Так началось строительство межколхозной гидроэлектростанции «Дружба народов» на озере, к которому примыкают земли трех братских республик: Белоруссии, Литвы и Латвии.

В минувшее воскресенье десятки тысяч людей собрались на большое торжество — пуск новой ГЭС. Ранним утром крутые склоны озерных берегов запестрели яркими красками национальных костюмов, букетами, транспарантами и флагами. Гости ехали на автомобилях, подводах, велосипедах, украшенных гирляндами из дубовых листьев и шелковыми лентами.

Двенадцать часов... Митинг открыл председатель межколхозного совета по строительству ГЭС Д. К. Иванов.

На трибуну поднимаются строители, колхозники, депутаты Верховных Советов Белоруссии, Литвы и Латвии. Они говорят о дружбе советских народов как о вечном и неисчерпаемом источнике творческих сил и процветания нашей мирной жизни. На разных языках звучат голоса ораторов, но и латыши, и белорусы, и литовцы говорят о мире, труде и созидании.

Играют оркестры. Белорусская «Лявониха», латышский «Ачкупс», литовский «Кубелас», русские песни и пляски сливаются в единую ликующую симфонию.

От трибуны отделяется большая группа участников торжества и по дамбе направляется к зданию станции.

Перерезана алая ленточка. Хозяева и гости входят в машинный зал. Минута, другая — и светлое, красивое здание ГЭС становится еще светлее от вспыхнувших электрических огней. Живительный поток устремился по трем линиям высоковольтных передач в окрестные колхозы. Этот поток рожден не только здесь, на берегах Дрисвят. Харьковские тракторозаводцы, бакинские нефтяники, уральские, ленинградские и московские машиностроители, приславшие сюда оборудование и материалы, по праву были помянуты добрым словом на этом знаменательном празднике дружбы.

До глубокой ночи в залитом электрическим светом просторном колхозном парке проходило гулянье. Здесь можно было увидеть лучших мастеров искусства трех республик, талантливую самодеятельность, полюбоваться силой и ловкостью спортсменов, принять участие в массовых танцах и играх. Вместе с присутствовавшими на празднестве пуску ГЭС радовались и все те, в чьи дома пришел свет «Дружбы народов».

Электростанция «Дружба народов» вступила в строй как воплощение нерушимого единства советских людей.

В. ПОНОМАРЕВ

Открытие электростанции «Дружба народов».
Фото А. Устинова.

Таланты из народа

Участники драматического коллектива Дворца культуры Коломенского паровозостроительного завода имени Куйбышева перед спектаклем «Бронепоезд 14-69». На снимке (слева направо): мастер плавильного цеха гример Т. Князев, конструктор Н. Шарепов в роли Вершинина и токарь А. Балашов в роли Знобова.

Фото С. Мишина и П. Маныча.

На сцене Московского Художественного театра идет пьеса Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69». Но играют ее не прославленные мастера лучшего театра страны, а участники самодеятельного драматического коллектива: рабочие, инженеры и техники Коломенского паровозостроительного завода имени В. В. Куйбышева, создатели нового мощного паровоза «2-4-2».

Спектаклем «Бронепоезд 14-69» 5 июля 1953 года коломенцы открыли декаду показа лучших постановок художественной самодеятельности Московской области.

Зрители, заполнившие зал, с интересом просматривали необычную программу этого спектакля. В ней были названы не только действующие лица и фамилии исполнителей, но и их профессии. Выяснилось, что роль Незеласова играет конструктор И. Москевич, роль прапорщика Обаба — мастер-литейщик П. Фомин, Пеклеванова — мастер-монтажник А. Снятков. Токарь и слесарь, плановик и технолог, заведующая заводской аптекой и кузнец, бухгалтер и плотник, мастер ОТК и приемщица — люди самых различных профессий отдали свой досуг драматическому искусству.

В своем отзыве о самодеятельной постановке «Бронепоезд 14-69» автор пьесы Вс. Иванов пишет: «Спектакль «Бронепоезд» в исполнении Вашего коллектива — одно из лучших воспоминаний из числа всех воспоминаний о «Бронепоезде». Во-первых, хороша игра, а во-вторых, играют хорошо рабочие! Эта замечательная игра их указывает на возросшую культуру советского народа, на то, что люди многому научились и, среди этого многого, научились понимать и любить искусство».

Во время декады была показана также «Любовь Яровая» К. Тренева в постановке самодеятельного коллектива рабочего клуба города Тушина.

Исполнитель роли матроса Шванди слесарь Е. Кулаженков служил во флоте. Знание флотской жизни помогло ему правдиво создать образ Шванди.

Медицинская сестра И. Бережкова в роли Пановой проявила не только незаурядное дарование, но и навыки профессиональной актрисы.

Хорошо исполнены также роли Любови Яровой (библиотекарь З. Лунина), комиссара Кошкина (технолог И. Изотов), Михаила Ярового (студент В. Сыроедов), полковника Кутова (бухгалтер К. Анпетков).

С успехом прошли и другие выступления самодеятельных коллективов на столичных сценах — спектакль «Под золотым орлом», поставленный драматическим кружком Павлово-Посадской фабрики имени «Десять лет РККА», опера «Евгений Онегин» в исполнении коллектива художественной самодеятельности Дома культуры имени К. Маркса из Электростали, классическая украинская опера «Запорожец за Дунаем», в сложной постановке которой занято около 100 участников коллектива Сталиногорского дворца культуры химиков.

М. МАРЬЯН

Друзья книги

Свердловский инструментальный завод. Во время перерыва мастер термического цеха Валентина Ивановна Наградская опрашивает рабочих:

— Какую книгу хотите прочитать?

— «Жатву» Г. Николаевой,— отвечает фрезеровщица Аня Королева.

Валентина Ивановна вписывает заявку в книжку.

Вечером Наградская дежурит в общежитии. Вокруг нее собирается молодежь. Аня Королева получает «Жатву».

— Когда была создана передвижная библиотека, ею пользовалось лишь несколько человек,— говорит Наградская.— А теперь почти все жильцы общежития стали абонентами.

Первыми в передвижную библиотеку записались шлифовщица Рада Натомирская и табельщица Нечаева. Сначала они брали небольшие книжки, а затем, приохотившись к чтению, прочитали много произведений классиков.

За первый год существования передвижной библиотеки в заводском молодежном общежитии рабочие и работницы прочитали около пяти тысяч книг.

И. ШУБИН

Г-жа Индира Ганди о своей поездке по СССР

Дочь премьер-министра Индии Неру Индира Ганди, вернувшись в Москву из поездки по Советскому Союзу, поделилась своими впечатлениями с корреспондентом журнала «Огонек».

— У меня, к сожалению, не было времени,— сказала г-жа Индира Ганди,— изучить что-либо достаточно глубоко, но я должна сказать, что первое ощущение, которое охватывает человека, прибывшего в вашу страну, связано с вашими стройками, стройками во всех областях жизни. Чувствуется, что вся жизнь народа в вашей стране становится все лучше.

Большое впечатление на меня произвело дружелюбие советских людей, их интерес к Индии.

Я желала бы отметить, что советские люди, безусловно, хотят мира. Вся деятельность советского общества посвящена миру, все строительство ведется во имя мира.

Я никогда раньше не была в Узбекистане, и мне поэтому трудно судить на основании личного опыта о тех переменах, которые произошли в этой советской республике. Но, исходя из того, что я читала об Узбекистане, я хочу сказать, что изменения, которые здесь произошли,— это изменения к лучшему.

Важные проблемы, которые нашли свое разрешение в Узбекистане, имеют много общего с проблемами, которые стоят сегодня перед другими странами Востока.

Вспоминая о своем посещении колхоза в Узбекистане и дома рабочих Текстильного комбината в Ташкенте, г-жа Индира Ганди сказала:

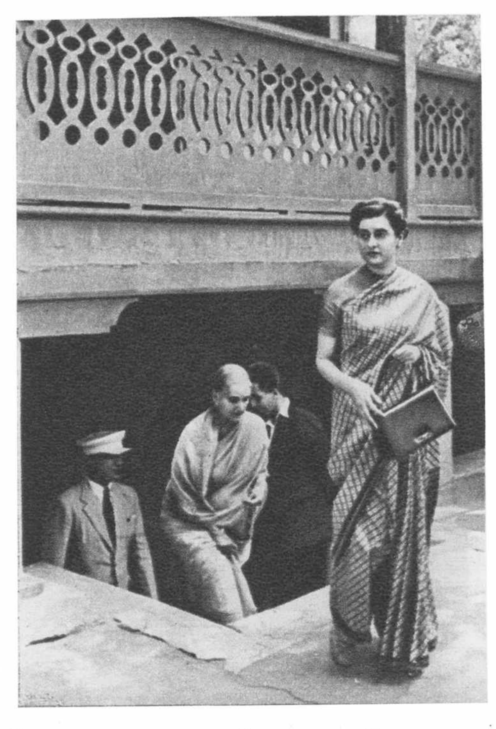
— Мне было очень приятно встретиться с советскими людьми в их квартирах. Дома их чисты и уютны, и мне понравилось сердечное гостеприимство советских людей.

Г-жа Индира Ганди особо отметила в беседе то, что делается в Советском Союзе для детей.

— Забота о детях,— говорит она,— в любом начинании, в любом деле у вас на первом месте. Радостно видеть детей такими здоровыми и счастливыми, приятно, что они так свободно держат себя, спрашивая о том, что их интересует.

— В Советском Союзе,— продолжает г-жа Ганди,— женщины имеют реальные возможности для осуществления своих прав. Сейчас в Индии женщине предоставлено равноправие по конституции. Однако у нас еще не велико число женщин, которые используют свои права. Это объясняется отсталостью страны. В Советском Союзе мне было приятно узнать и увидеть, что женщины широко используют свои права. Это имеет большое значение, если женщина, выдвинутая на ту или другую работу, уверена в себе и располагает доверием народа.

Я очень рада, что побывала в Советском Союзе,— сказала в заключение беседы г-жа Ганди.— Я надеюсь, что культурные связи между нашими странами станут теснее, что дружба между нашими народами будет укрепляться.

Во время поездки по Советскому Союзу дочь премьер-министра Индии Неру Индиру Ганди сопровождали Чрезвычайный Полномочный Посол Индии в Москве К. Менон с супругой и секретарь посольства П. Кауль. На снимке: г-жа Индира Ганди и сопровождающие ее лица выходят из Авлабарской типографии в Тбилиси.

ПРАЗДНИК СИЛЫ, КРАСОТЫ И ЗДОРОВЬЯ

Выступление гимнастов общества «Трудовые резервы».

Н. Думбадзе поздравляет Н. Отколенко с мировым рекордом в эстафетном беге 3×800.

В этот солнечный день весь московский стадион «Динамо» с его трибунами, зеленым полем, беговым кругом, с его зрителями и участниками соревнований выглядел особенно прекрасно. Это был действительно праздник красоты, силы и здоровья. Отмечая Всесоюзный день физкультурника, в торжественном строю прошли по стадиону спортсмены добровольных обществ, продемонстрировали на зеленом поле свое искусство сильнейшие гимнасты страны. Вслед за ними с большим успехом выступили юные спортсмены «Трудовых резервов», показав отлично подготовленные вольные движения.

Одновременно начались соревнования лучших легкоатлетов СССР. В кругах для метаний, на стартах, на дорожке разбега можно было увидеть прыгунов, бегунов и метателей, чьи имена известны всему миру.

Радиодиктор торжественно объявил:

— Сегодня утром на соревнованиях по легкой атлетике на первенство Москвы Леонид Щербаков установил новый мировой рекорд в тройном прыжке — 16 метров 23 сантиметра. Советский спортсмен побил результат олимпийского победителя да Сильвы.

И снова по трибунам прокатываются аплодисменты.

Аплодисменты не раз гремели над стадионом в этот день. На празднике установлено было еще два мировых рекорда. В беге 4×200 В. Калашникова, З. Сафронова, Ф. Казанцева и Н. Двалишвили пронесли эстафету за 1 минуту 39 секунд. Д. Барахович, Н. Чернощек и Н. Отколенко прошли дистанцию 3×800 за 6 минут 35,6 секунды...

Ни на минуту не прекращаются выступления. По беговой дорожке проносятся сильнейшие спринтеры страны, в круг для метаний входят Нина Думбадзе и Нина Пономарева. С шестом наперевес проносится по дорожке рекордсмен страны Петр Денисенко. За шестнадцатиметровую отметку летит ядро, пущенное А. Хейнасте и О. Григалкой. Берет разбег с копьем рекордсмен страны В. Кузнецов. С интересом следят зрители за борьбой на футбольном поле между командами «Торпедо» и «Локомотив» (Москва), за состязанием на беговой дорожке на дистанции 1 500 метров и 3 000 метров с препятствиями.

Около пяти часов длился без перерыва этот прекрасный праздник, а трибуны попрежнему заполнены до отказа. Никто не устал — ни участники, ни зрители. В заключение на зеленое поле стадиона вышли спортсмены «малой авиации», и в воздух взмыли модели самолетов.

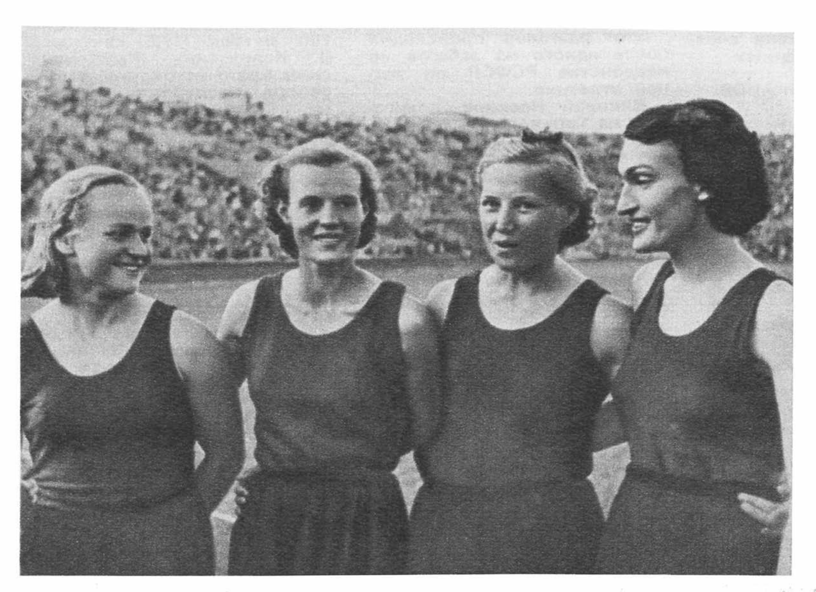
Всесоюзный день физкультурника отмечался не только на земле, но и на воде. Плещется о берег Химкинской водной станции мелкая веселая волна, трепещут на ветру пестрые языки флажков. Бронзой отливает строй пловцов...

Один заплыв следует за другим. Всякий раз, как победитель касается рукой финишной стенки, трибуны гремят рукоплесканиями.

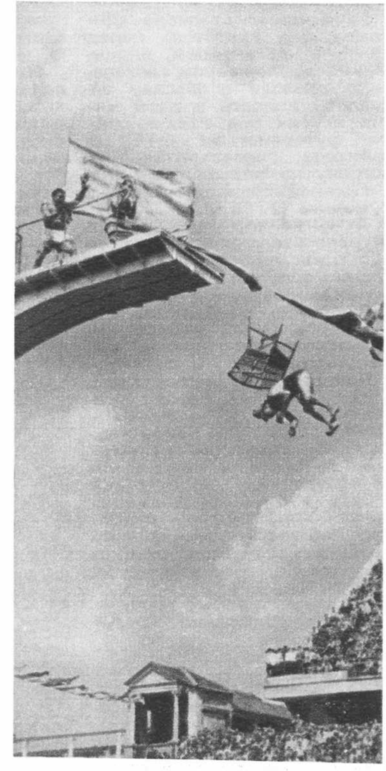
Следом за пловцами выступают прыгуны в воду. Вместе с советскими спортсменами подымаются на вышку их гости — венгры, немцы из Германской Демократической Республики. Классный прыжок с высоты в десять метров — это слитые воедино смелость и математический расчет. Один прыгун взлетает, раскинув руки, как крылья. Другой начинает свой прыжок головокружительным двойным сальто. С большим успехом прошли комические прыжки. Состоялись встречи ватерпольных команд Центрального Дома Советской Армии и «Динамо», «Торпедо» и «Трудовые резервы».

Л. Щербаков, установивший мировой рекорд в тройном прыжке.

Мировые рекордсмены в эстафетном беге 4 × 200. Слева направо: В. Калашникова, З. Сафронова, Ф. Казанцева, Н. Двалишвили.

На водном празднике в Химках. Комический прыжок с вышки.

Фото А. Бочинина.

СБОРНАЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ — «СПАРТАК»

Спартаковцы преподносят букеты цветов чехословацким футболистам.

Острый момент у ворот команды Чехословакии.

Фото А. Анатольева.

В прошлом сезоне мы имели возможность познакомиться с отличными чехословацкими футболистами, которые показали тогда довольно точную, быструю и живую игру.

20 июля москвичи вновь тепло приветствовали сборную команду Чехословацкой Республики на стадионе «Динамо». Она предстала перед нами в измененном, значительно омоложенном составе.

До приезда в Москву ей удалось вписать в свой актив победу над итальянскими футболистами (2 : 0) и выиграть предварительную встречу на первенство мира у сильной сборной команды Румынии (2 : 0).

Естественно, интерес к встрече этого коллектива со «Спартаком» был велик. Москвичи заполнили все трибуны стадиона «Динамо».

Советские футболисты играли слаженно, осмысленно и, насколько позволяла жара, быстро.

Нападающие «Спартака», среди которых выделялся своим умением завязывать комбинации Н. Дементьев, активно вели наступательные действия и вынуждали чехословацких защитников играть с крайним напряжением сил. Нужно отдать должное гостям: они хорошо предугадывали ход атак и решительно вступали в борьбу.

Рослые, сильные спортсмены Ф. Шафранек, Я. Карел и знакомый уже москвичам Л. Новак показали незаурядную игру на оборонительных рубежах. Они были очень подвижны, бдительны и, как правило, выигрывали «воздушный бой» — борьбу за так называемый «верховой» мяч.

Хорошо им помогали пражские динамовцы — полузащитники И. Трнка и Ф. Ипсер.

Менее удачно играли нападающие чехословацкой команды. В их действиях не было слаженности, четкого рисунка, а потому атаки носили случайный характер. Это облегчало игру московских защитников.

Результат определился в первой половине встречи. Центр нападения «Спартака» Н. Симонян с близкого расстояния открыл счет. Вскоре Н. Дементьев сильно послал мяч в ворота гостей. Вратарь И. Стахо парировал удар, но набежавший Н. Симонян послал мяч в сетку. Счет стал 2 : 0.

Вторая половина прошла в иной обстановке: предгрозовая духота затрудняла действия футболистов. Их бег стал медленнее, движения расслабленными, а потому и борьба менее острой. Спартаковцы упускали возможность увеличить счет, играли ниже своих возможностей. Перед самым концом состязания и гости могли уйти от «сухой», но не сумели использовать благоприятного момента.

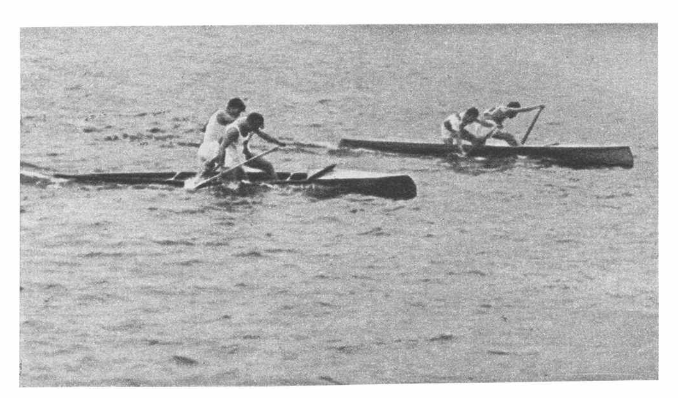
К финальному свистку судьи Н. Г. Латышева счет 2 : 0 остался неизменным.

М. МЕРЖАНОВ

Дружеский поцелуй капитанов двух команд.

У финиша. Победители заезда каноэ на 1 000 метров чехи Я. Сигер и З. Циглер (справа) и венгерские гребцы И. Бодор и И. Туза, занявшие второе место.

Фото А. Бурдукова.

Международные гребные гонки

В предыдущем номере «Огонька» уже сообщалось о международных гребных гонках на Москве-реке с участием спортсменов Венгрии, Чехословакии, Румынии и Польши. Помимо заездов на академических судах, в программу состязаний входили гонки на байдарках и каноэ типа скиф.

Венгры славятся своим умением грести на байдарках. У них за плечами много международных встреч, много побед. Скифовая байдарка, которой так умело управляют венгерские гребцы,— очень легкая лодка и очень неустойчивая. Чтобы усидеть на ней, нужно обладать высоким чувством равновесия. Спортсмен пользуется одним веслом с двумя лопастями. Это весло и служит ему своеобразной опорой.

У нас в стране скифовые байдарки появились только в прошлом году, и советским гребцам пришлось заново изучать технику и тактику гонки. Закончившиеся состязания были для них экзаменом, проверкой того, чего они смогли добиться за год.

Венгерские байдарочники выиграли все заезды. Зрители, наблюдавшие за их выступлением, испытали огромное удовольствие. Но на этот раз победы венграм дались значительно труднее, чем в прошлом году.

Особенно сильно прошли самую длинную, десятикилометровую, дистанцию Я. Ураи и Ф. Варга.

Лодка каноэ еще менее устойчива, чем байдарка: пожалуй, это — самое «капризное» судно. Малейшее неточное движение — и гребец оказывается в воде.

Гребец в лодке-каноэ стоит на одном колене. Если на академических лодках и байдарках есть руль, то на каноэ его заменяет тоже весло, напоминающее лопатку. Спортсмен делает гребки поочередно с правого и левого бортов и таким образом сохраняет равновесие.

В этом виде гребных гонок сильнее всех чехословацкие спортсмены. Чехословацкие гребцы на лодке-каноэ Я. Сигер и З. Циглер (на 1 000 метров) и И. Вокнер (на 10 000 метров) заняли первые места.

Советские спортсмены греблей на каноэ занимаются всего лишь год, и вот их первый успех: Н. Перевозчиков и В. Орищенко победили чехословацких спортсменов на десятикилометровой дистанции.

С. ШЕРЕМЕТЬЕВ,
заслуженный мастер спорта.

Растет молодежь

Первенство РСФСР по легкой атлетике

— Как вы тренируетесь у себя в колхозе?

— У меня есть тренер.

— Кто?

— Ионов.

— Он же ленинградец?

— Дмитрий Павлович тренирует меня по переписке...

Этот разговор происходил после одного из забегов на первенстве РСФСР по легкой атлетике.

Николай Новиков, колхозник из Горьковской области, рассказывал о себе, о своей тренировке. Побывав в Ленинграде на сборе инструкторов-общественников, Николай встретился там с опытным тренером Д. П. Ионовым. И вот Новиков снова в родном селе, но связь с тренером не прекратилась. В письмах Дмитрий Павлович рассказывал, как лучше строить занятия, как составлять графики тренировок. Новиков точно выполняет все указания Ионова, и теперь в Москве он впервые встретился с сильнейшими бегунами Российской Федерации на дистанции 10 тысяч метров. Николай Новиков опередил нескольких мастеров спорта и занял второе место.

Со многими молодыми, способными легкоатлетами познакомились мы на чемпионате Российской Федерации. Вот двадцатилетняя ивановская спортсменка Мария Иткина. Она лишь второй год занимается бегом и сейчас стала чемпионкой республики на дистанцию в 400 метров.

Свердловчанин Н. Родигин показал лучший результат первенства на дистанции 100 метров (10,8 секунды). В. Колотовкин (Краснодарский край) установил новый рекорд республики в беге на 1 500 метров (3 минуты 55,4 секунды).

Высокие результаты показал участник соревнований сельский учитель мастер спорта Ардальон Игнатьев. Он установил новый рекорд РСФСР в беге на 200 метров — 21,4 секунды.

С молодыми спортсменами соревновались вне конкурса сильнейшие легкоатлеты страны. Выдающегося успеха добился ленинградский студент Владимир Кузнецов. Его копье пролетело 76 метров 59 сантиметров. За последнее время Кузнецов уже второй раз улучшает рекорд страны. С огромным интересом следили молодые метатели за каждым движением Кузнецова, а потом засыпали его целым градом вопросов.

Первенство РСФСР по легкой атлетике закончено. Победу одержали спортсмены Ростова-на-Дону.

В. ФРОЛОВ

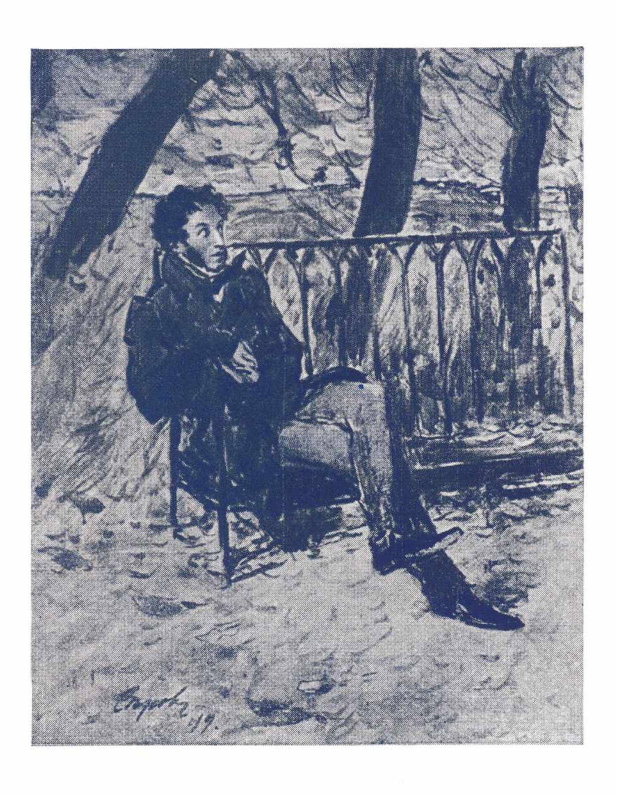

В. А. Серов. ДЕВУШКА, ОСВЕЩЕННАЯ СОЛНЦЕМ. 1888 год. Государственная Третьяковская галерея.

«Огонек». 1953.

В. А. Серов. ПОРТРЕТ И. Е. РЕПИНА. 1892 год.
Государственная Третьяковская галерея.

В. А. Серов. А. С. ПУШКИН В ПАРКЕ. 1899 год.
Всесоюзный Пушкинский музей. Ленинград.

В. А. Серов. ЛЕТОМ. 1895 год. **Государственная Третьяковская галерея.**

В. А. Серов. САША СЕРОВ. 1897 год. Из частного собрания.

В. А. Серов. ПОЛОСКАНЬЕ БЕЛЬЯ. 1901 год. Из частного собрания.

В. А. Серов. ДЕВОЧКА С ПЕРСИКАМИ. 1887 год. **Государственная Третьяковская галерея.**

ЦЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

С. ДРУЖИНИН

В декабре 1888 года на Периодической выставке в Москве появилось несколько замечательных произведений никому до тех пор не известного живописца. Зрители были удивлены, узнав, что автор картин — совсем молодой художник, двадцатитрехлетний Валентин Серов.

Среди этих работ были два небольших по размерам холста. На одном изображена девочка-подросток в розовой кофточке. Она сидит за столом, покрытым белой скатертью, в комнате, напоенной свежим воздухом и мягким светом летнего дня. За окном — старый, заросший сад. Перед девочкой на скатерти лежат персики, такие же теплые по тону, такие же бархатистые, как и ее смуглое лицо с проступающим сквозь загар румянцем.

Еще проще описать изображенное на другом холсте. Знойный летний день. На скамейке под деревом сидит девушка. Яркое солнце играет на зеленой лужайке и, пробиваясь сквозь листву дерева, бросает отсвет на лицо девушки и ее белую кофточку.

Близкие художнику люди знали, что на одном полотне изображена Верочка (Вера Саввишна) Мамонтова — дочь известного покровителя искусств С. И. Мамонтова, в доме которого в ту пору собирались крупнейшие художники, музыканты и артисты. Этот портрет был написан Серовым летом 1887 года, когда он жил в подмосковном имении Мамонтова Абрамцеве (ныне музей-усадьба).

Второй портрет — Маши Симонович, двоюродной сестры художника, — создан летом следующего года.

Основное стремление Серова при создании этих произведений — «Девочка с персиками» и «Девушка, освещенная солнцем» — передать в конкретных художественных образах красоту жизни, радость бытия. Сила и прелесть этих его работ, доведенных до высокой степени художественной законченности, заключаются в том, что они сохраняют всю непосредственность восприятия.

Необычно «родилась» картина «Девочка с персиками». Однажды в столовую абрамцевского дома, где находился Серов, вбежала Верочка и на минуту присела у стола. Ее юное лицо, ее розовая кофточка на фоне светлых стен и зелени в окне — все пленило Серова-художника и заставило воскликнуть: «Сиди так, я буду тебя писать!» Верочка стала было возражать, говоря, что она растрепана, что она сперва пойдет причешется, а затем уже будет позировать художнику. Но Серов не согласился: он хотел запечатлеть жизнь в ее непосредственности, во всем ее трепете; живописном богатстве и своеобразии.

Ту же, по существу, задачу ставил перед собой Серов, когда позже (в 1895 году) в Домотканове писал на открытом воздухе свою жену Ольгу Федоровну Серову. И характерно, что за этим портретом-картиной закрепилось обобщающее название — «Летом».

Сам художник в беседе со своим биографом — Игорем Грабарем — говорил, вспоминая о «Девочке с персиками»: «Все, чего я добивался, — это — свежести, той особенной свежести, которую всегда чувствуешь в натуре и не видишь в картинах. Писал я больше месяца и измучил ее, бедную, до смерти, — уж очень хотелось сохранить свежесть живописи при полной законченности, — вот как у старых мастеров. Думал о Репине, о Чистякове, о стариках...»

В этих словах Серова сказалось его постоянное стремление усвоить и развивать лучшие черты реалистического искусства прошлого. Но, думая «о стариках», Серов и в своих ранних работах выступил как новатор, сказал свое новое слово в искусстве.

Не случайно в приведенном высказывании Серов назвал имена Репина и Чистякова — своих учителей. У выдающегося педагога П. П. Чистякова Серов учился во время пребывания в Академии художеств (1880—1885 годы). А с И. Е. Репиным он познакомился еще пятилетним мальчиком, в 1870 году, в доме своего отца — крупнейшего музыкального критика и известного композитора того времени — Александра Николаевича Серова.

Через несколько лет (в 1878 году) рано потерявший отца подросток Валентин Серов поселился в доме Репина в Москве. И здесь в свободные от учения в гимназии дни «овладевал тайнами» живописи и рисунка под заботливым руководством в ту пору молодого, но уже утвердившего себя в искусстве живописца.

Облик своего первого учителя Серов не раз переносил карандашом на бумагу. В 1892 году он написал портрет И. Е. Репина масляными красками. Репин, изображенный на этом холсте, как бы смотрит на пишущего его ученика — внимательно, благожелательно, зорким взглядом большого художника.

Этот портрет входит в галерею работ, в которых Серов запечатлел многих замечательных своих современников: художников И. Левитана и К. Коровина, композиторов Н. Римского-Корсакова и А. Глазунова, артистов К. Станиславского, М. Ермолову, В. Качалова, И. Москвина и многих других выдающихся деятелей искусства.

В 1904 году, в канун революционной бури, Серов написал портрет А. М. Горького. Алексей Максимович изображен художником как автор «Буревестника», глашатай грядущей революции.

Портреты Серова поражают не только внешним сходством, но и глубиной внутренней характеристики, мастерским раскрытием творческого и героического начала в человеке.

Дар Серова-портретиста сказался и в решении трудной для художника задачи — написания детских портретов. Умение схватить еще не определившиеся черты быстро меняющегося лица ребенка, понять его сложный внутренний мир, увидеть в нем будущий характер — вот что отличает детские портреты Серова. В частности, эти черты присущи исполненному гуашью портрету сына художника — «Саша Серов» (1897 год).

Наряду с портретами Серов писал и пейзажи. В них художник выступал прежде всего как живописец русской деревни, которую он хорошо знал и горячо любил. Он писал деревню и в пасмурный осенний денек («Октябрь», «Серый день») и в короткие зимние дни, когда небо сливается с занесенной снегом землей («Зимой». 1898 год).

Обычно в его пейзажах мы находим людей и почти всегда лохматых, коротконогих, брюхатеньких крестьянских лошадок, к которым художник относился с особой нежностью. Такая лошадка то понуро бродит по пожелтевшему полю («Октябрь»), то бежит рысцой по первопутку («Зимой»), то спокойно стоит, уткнувшись мордой в подброшенную ей охапку сенца, дожидаясь, пока хозяйки кончат свое дело («Полосканье белья»).

В своих пейзажах Серов тонко передавал национальное своеобразие и прелесть русской деревни, умел в обыденных, «прозаических» мотивах найти поэзию и красоту.

Но основным жанром художника в течение всей его жизни был портрет.

«В начале своей деятельности Серов писал портреты с тех, кто ему нравился, с приятных или родственных ему людей. Приобретая известность, Серов уже поступает в общее пользование, принимает заказы от «всяких людей», — вспоминал его ученик по Московскому училищу живописи художник Н. Ульянов.

Действительно, в последние пятнадцать лет своего творчества Серов был вынужден писать главным образом заказные портреты. Но ни в одном из них мы не найдем даже малейшего стремления угодить заказчику. Напротив, художник смело и бесцеремонно раскрывал подлинную сущность, типические черты современных ему бар и купцов, промышленников и банкиров.

Свой протест против окружавшей его социальной действительности Серов выражал и словом и делом. В период революции 1905 года он создает беспощадные политические карикатуры; взволнованный и возмущенный художник посылает письменный протест против кровавого террора царского правительства в «Императорскую Академию Художеств», с которой затем демонстративно порывает; наконец, на предложение исполнить во дворце несколько портретов отвечает делавшему этот заказ С. Дягилеву телеграммой, короткой и резкой: «В этом доме я больше не работаю».

Художник тяжело переживал поражение революции, становясь все мрачней и мрачней. В наступившие затем годы реакции друзья Серова отмечали его «нежелание простить уродства жизни», его, по словам Репина, «крайние политические убеждения».

Серов не дожил до разрешения волновавших его социальных вопросов. Он умер в 1911 году, 46 лет от роду.

Три тысячи произведений — живопись и рисунки, оставленные Серовым, — художественное наследие огромной ценности.

В. Серов. СЕРЫЙ ДЕНЬ. Акварель. 90-е годы.

День из жизни Прасковьи Лихачевой

Рассказ

Георгий РАДОВ

Рисунки О. Верейского.

1

Управившись с делами в министерстве и в академии, Прасковья Павловна Лихачева день потратила на себя: проведала дальнюю родственницу покойного мужа, накупила подарков приемной дочери.

Пока ходила по Москве, все думала о ней, восьмилетней Нюре. Тогда, шесть лет назад, если б и сказали, не поверила, что может эта девочка украсить и без того, думалось, полную жизнь. Не молодая, чтобы в этом искать радостей. Жалость толкнула к девочке, тоненькой, переболевшей. А взяла на руки, коснулась жесткими, не знавшими детской ласки губами ее щеки и поняла: вот оно! В пятьдесят пять лет пришло то, что должно было придти в двадцать...

Своих детей не было, терзалась смолоду, а с годами привыкла. Что поделаешь? Всякому свое: кому дети, а ей работа, люди, собрания, до полуночи гул голосов, сторожкий сон. И опять с утра поле, опыты, встречи, хлопоты, споры... А потом слава, крепнущая день ото дня, и знакомства на всю страну, и гости. Мало ли этого ей, четверть века знавшей один свет, что в окне хаты?

И вот прижала к себе девочку... Сладостно хлынуло сквозь кофточку тепло детского тела. И совсем-совсем по-новому сжалось сердце...

Знакомая воспитательница детского дома толковала насчет того, что мала, мол, и болезненна эта девочка и неизвестно, где ее мать... И не сподручней ли ей, Лихачевой, взять ребенка постарше? Не послушала. Унесла девочку.

И пошла и пошла в рост крупная черноволосая девочка. Наезжали соседи отца ее, Кузьмы Овчаренко, погибшего в конце войны, радовались и тут же вздыхали: «До чего похожа на мать! И каким ветром шатает ее по свету, эту Катьку? Ну, вышла замуж, кто тебя осудит! Зачем же бросать дочь? Постеснялась, вишь, суженого, оставила ее тетке на время. На время! Который год кончается, и тетка в могиле, и девочка из детдома попала в чужие руки, а матери и следы замело».

Ничего обидного для нее, Лихачевой, не было в этих словах, но чем-то кололи они ее. Суровая, торопилась проводить гостей. А они, недогадливые, и в дверях продолжали свое: «И надо же расти такой похожей! И глаза и волосы... Катерина косы заплетала. Может, теперь обрезала? А то, может, и на свете ее нет: подала б весточку...»

Нагрузилась подарками и засобиралась домой. Не получилось! Позвонили из приемной министра: «Назначены испытания новых машин. Вас приглашают, Прасковья Павловна». Назвали фамилию того, кто приглашает. Забеспокоилась, долго мерила шагами гостиничный номер. Высоко-высоко подняли ее, Прасковью Лихачеву. Как оправдать? Чем отслужить?

А потом всю дорогу припоминала этот последний московский день... Кучку людей на ровном совхозном поле: именитых людей, ученых, и таких, как она, звеньевых и бригадиров-свекловодов, и заводских слесарей, и сельских механиков... Вспоминала машины. Умные, спорые, они вершили то, к чему с детства привыкли ее, лихачевские руки. Припоминалось и то, как в конце испытаний кто-то из заводских кивнул на машины, сказал: «А отдача за вами солидная! Как? Сдюжаете?» А вот перед отъездом в Москву навестил ее инструктор райкома Кругляков, сказал: «Забираем Никанора Иващенко. Есть думка тебя рекомендовать, Павловна, секретарем партбюро. Люди просят, послужи». Рада служить! А никогда еще не принимала такой груз на плечи. Достанет ума?

Приехала домой под вечер. Еще с подножки вагона увидела светлобокую машину, усмехнулась. Опять озорует этот Журбенко! До укрупнения колхозов родная ее маленькая михайловская артель жила в достатке, а без машин; на станцию всегда высылали лошадь. И сейчас можно бы доехать на линейке: недалек путь. Так нет же! Всякий раз с тех пор, как михайловцы влились в знаменитую березовскую артель, подает ей березовский председатель Федор Журбенко свою машину. Видно, не из одного уваженья, а и для памяти: «Хоть и знатна, мол, ты, Прасковья Павловна, а цени и помни, что попала на готовенькое в богатый, устроенный колхоз. Катайся на моей машине и соображай обо всем об этом».

Было ветрено. Усевшись рядом с шофером, Лихачева накинула шаль, но не закрыла окно. Предзакатное солнце дробилось на гребешках пахоты, и шершавая земля румянилась и горела неярким медным блеском. За пахотой навстречу машине помчались темнозеленые, чуть крапленные ржавчиной квадраты увядающих озимей, за ними показался взлохмаченный кукурузный массив. И при виде этих милых сердцу картин вдоль и поперек исхоженного осеннего поля, за которым — вон она — растет из-за бугра Михайловка, все большое и трудное, чем всю дорогу была занята голова, отступило, а перед глазами встало одно близкое: дом и она, девочка...

Развернулись у самых окон. Лихачева даже не собрала с заднего сиденья покупок, молодо выскочила из машины. От калитки, наперерез ей, метнулась фигура, закутанная в платок. Узнала: соседка...

— Постойте, Павловна, там гости у вас...

— Что за гости?

— Катька, нюрина мать, приехала...

...Когда Лихачева вошла, гостья стояла посреди комнаты. На полу у ее ног валялась котомка, серая пустая котомка, перевязанная шпагатом. Раньше всего бросилась в глаза Лихачевой именно эта котомка из грязной мешковины с истершимися следами каких-то букв.

И может, оттого, что эта жалкая котомка так резко отличалась от всего, что было в хате, а может, и потому, что во всем облике женщины, усталой, запыленной, в нечистой, смятой одежде, было что-то сродни этой котомке, — может быть, поэтому все злое, что в первую минуту вспыхнуло в душе у Лихачевой против этой вторгшейся в ее жизнь женщины, примолкло, и Лихачева участливо посмотрела на гостью.

Она встретила виноватый взгляд больших темных — и в самом деле таких же, как у девочки, — глаз и прочла в них: «Нежданная? Знаю. А что поделаешь?»

Первая мысль, пришедшая в голову Лихачевой, была о том, как долго не ночевала в доме эта женщина: налет чего-то вокзального, дорожного был на всем: и на потемневшем кончике смятого воротника, и на сером от пыли лице, и на стоптанных мужских сапогах, плотно облегавших стройные ноги гостьи.

— Здравствуйте! — не узнав своего голоса, сказала Лихачева, переступив порог, и женщина, сперва потянувшаяся к ней, услышав это простое слово, отпрянула, нагнулась, зачем-то подняла котомку.

— Извиняйте, без вас я в хату вошла, — распрямляясь, сказала она. — Девочка тут...

Она сказала «девочка» и опять так же виновато посмотрела на Лихачеву.

Выручила соседка. Принесла из машины покупки, придвинула гостье стул, заговорила:

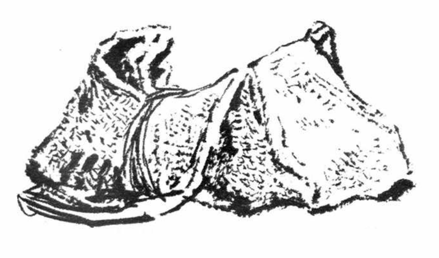
— А бригадир и подводу посылал. Не встретили? А тут она пришла, — показала соседка на женщину, — и все ждали, ждали... Я вам воды согрела, может, с дороги умоетесь?

— Потом! — ответила Лихачева и мягко спросила гостью: — Как величать? Катерина...

— Петровна, — чуть слышно подсказала женщина, опускаясь на стул.

— Ну, пойдем к Нюре, Катерина Петровна!

Сбросив к ногам одеяльце, раскинув руки, тонконогая девоч-

ка лежала на спине. Она, видно, забыла, не расплела косичек, двумя жгутами они выглядывали из-под смуглой щеки.

— Нюрочка, дочка... — косясь на Лихачеву, несмело позвала женщина.

— Нюра! — громко сказала Лихачева, тронув девочку за плечо.

Девочка потянулась, завела руки за голову, зажмурила и враз открыла глаза. Увидев Лихачеву, улыбнулась, спросила сонно:

— Что ты, мама? Приехала? — и тут только заметила чужую женщину.

Подняла голову, всмотрелась в нестарое, но серое от пыли лицо женщины и перевела глаза на Лихачеву.

Но тут не выдержала Катерина. Бросив на стул котомку, она припала к девочке, зашептала:

— Нюрочка... не признала... Бедная...

А девочка испуганно смотрела на спутанные пыльные волосы женщины и отстранялась от нее.

— То мать твоя, Нюра, — глухо сказала Лихачева и вышла из спаленки.

...И вот уже пятый час Катерина у них в хате. Успокоив девочку и вновь уложив ее спать, Лихачева выкупала гостью, вынесла ее пропотевшую одежду в чулан, бросила на дрова.

Теперь Катерина сидит на скамейке совсем молодая, гибкая, розовыми пальцами перебирает волосы. Изредка поглядывая на Лихачеву, рассказывает неторопливо, певуче...

Лихачева слушает эту чужую, но теперь странно связанную с ней женщину, и горечь и злая обида, помимо воли, рвутся наружу. Во всем путаном рассказе женщины о ее бродяжьей жизни нет, совсем нет ни слова о том, что она искала девочку, страдала без нее. «Зачем же ты теперь явилась?» — думает Лихачева, слушая рассказ, как уехала Катерина с сибиряком — старшиной автобатальона — к нему на родину, как ласкал он и холил ее полтора года, скрываясь от первой жены, и как явилась все-таки первая жена и увела за собой веселого сибиряка, а она, Катерина, и после этого не домой тронулась, а дальше, в Сибирь.

— На прииски завербовалась, позвал знакомый человек... Чистая, легкая попалась работа: в ларек он пристроил. И люди такие обходительные... Нет, нет, не подумайте, я там строгая была. Если бы не та растрата в ларьке...

Лихачеву раздражает этот рассказ, хотя и хочется ей, чтобы выговорилась женщина, открыла себя. «Чему ты научишь девочку?» — думает Лихачева, а Катерина, не переставая перебирать влажные волосы, говорит, говорит...

— Я б тогда приехала, я б не задержалась, да справиться надо было, а то как же это с пустыми руками? — извиняется она, точно Лихачевой было бы легче, если б она с полными руками явилась три года назад.

— Потом замуж вышла, — говорит она, помолчав. — За вдовца вышла. Большие дети. Своим домом, богато жили. Он в какой-то артели служил. С пятого года рождения, самостоятельный. Он старшей дочке пятистенку поставил в слободе, а у нас в городе был дом. Я от него поездила...

— По родичам? — не понимает Лихачева.

— Не-ет, — тянет гостья, — по делам. Я ж справиться хотела. Он ухватистый был насчет этого. Я и в Грузии была и в Самарканде. И он ездил. Только у него ж служба... Так он меня подучит...

— Спекулировали? — догадывается Лихачева.

— Нет, нет! — спохватывается Катерина. — Как можно! Так, разные дела. У них артель клепку делала, ну, они и по товарной части...

«Спекулировали», — заключает Лихачева и хмурится.

— Ну да не без того, — словно отгадав мысль хозяйки, признается Катерина. — Торговали...

— Разошлась с ним?

— Так со мной получилось, — вздыхает женщина. — Он же с пятого года, а я, видите, молодая... Я перед ним виноватая...

— После в Москве жила, — помолчав и опустив голову, продолжает она. — Сама жила. Вот такая комната, и нас трое. В общежитии. Такая светленькая комната, и окна на речку. Они совсем простые были девчата, совсем простые, работницы...

«А ты особенная?» — раздражаясь, думает Лихачева.

— Я в буфете служила на заводе. Хорошая служба, и люди такие. Все мне: «Катя, Катя...» Уважительные. И инженеры. Я там справилась...

— Что ж бросила службу? Опять растрата?

— Я там дочку схоронила, — просто объясняет гостья, и несколько минут Лихачева слышит только, как шелестят волосы в ее пальцах.

— А отец?

— Так он же женатый был...

«Тьфу ты! — еле сдерживается Лихачева. — И надо же так перекрутить себе жизнь!»

Но женщина, или она примирилась с напастями, что навлекла на свою голову, или не вдумывается в них, но говорит обо всем просто, ровным, певучим голосом. Схоронила нежданно явившуюся и на шестом месяце умершую дочку и вот решила воротиться...

— Ну, спать пора! — поднимается Лихачева. Ей уже невмочь слушать гостью.

— А вы богато живете! — словно бы не слыша ее, оглядывает комнату Катерина. — Богато! Это ж такое счастье, что к вам попала девочка. Трудно вам было? Бедная! Что, я не знаю? И заработать надо, и справиться, и за ней смотреть... Ну ничего, освободитесь теперь... Вы уж извиняйте, с неделю у вас побуду, надо хату продать. Как продам, так и тронемся... А вы за Кузьму пенсию не получали на девочку?

— Как ты можешь?! — вспыхнула Лихачева. — На что это мне?

— Надо выхлопотать, — деловито замечает женщина. — За семь лет большие деньги... Вот первое время и проживем...

О чем она говорит? «За семь лет деньги»... «Освободитесь»... «Тронемся»... Все колыхнулось перед глазами Лихачевой.

— Катерина Петровна! — совладав с собой, сказала она. — Подумай, что говоришь! Нюра у меня не на постое была. Я ей матерью шесть лет...

— Ми-и-лая!.. — жалостливо тянет Катерина. — Или без понятия я? Годы ваши немолодые, а тут девочка... Надо б мне было раньше приехать... Я думала, в детдоме она... Ну, да теперь вздохнете. А пенсию схлопочем. Зачем деньгам пропадать? И опять же хата... Там погорельцы живут, ну, на то ж и закон есть. Я знаю...

«Как с тобой говорить?» — устало подумала Лихачева, сраженная деловитостью гостьи. Бросила, не глядя на нее:

— До завтра. Отдыхай сейчас.

2

Лихачева забылась под утро, и казалось ей, не спала совсем; разбудил стук в окно.

«Скареднов!» — решила Лихачева, привыкшая за двадцать лет к стуку бригадирского пальца.

Но у двери оказался не один Скареднов. Вошла — и тесно стало на кухне — полногрудая, яснолицая Ольга Давыдова, березовская звеньевая. Анна Клеменкова, шустрая, невысокая, заглянула в комнату, повела острым носом. Пропустив впереди себя еще двух женщин, вплыла соседка. И — уж кого вовсе не ожидала к себе Лихачева — Костя Пальчун, тракторный бригадир, пригнувшись, шагнул в дверь, выпрямился, развернул плечи. Скосив крупные сторожкие, как у рысака-двухлетки, глаза на катеринину котомку, обронил невнятно: «Д-да».

Филипп Афанасьевич Скареднов, сухой, как тополь в декабре, поначалу расспросил, как доехала, долго ли ждала пересадки. Было подозрительно это. Не стал бы хлопотной Скареднов тратить золотой утренний час на побасенки. Но оба бригадира сидели, яростно чадили махоркой и все заглядывали и заглядывали в дверную щель.

— Что это вы поглядываете, Филипп Афанасьевич? — не утерпела Лихачева. — Она, может, неодетая там... В ваши годы...

— Что ты, что ты! — отшатнулся старик. — Я о том думаю: ты не проводила ее?

— Как ее проводишь? Мать. За своим кровным явилась...

Тогда осмелела соседка. Придвинулась, оглянулась, словно бодрости заняла у подруг, и зашептала:

— Мы насчет того, Павловна, чтоб не отступилась ты... Как увидела вчера, что ты ведешь ее к девочке, и пошла по людям. И на наряде говорили и по хатам. Постановили: не отдавай! Ишь ты: шлёндрала по свету, а теперь заявилась! Не отдавай!

— Как это вы постановили? — тронутая участием людей, тихо спросила Лихачева. — Или тут можно постановлять?

— А что как в район позвонить? — предложил Костя Пальчун.

— Это ж ясно: район за тебя заступится, — с жаром подхватила соседка. — Что там район! А область? Кто тебя не знает, Павловна! Да если все на суд пойдем...

— При чем тут суд? — вздохнула Лихачева. — Как это я буду с родной матерью из-за дочки судиться?! Что вы!

— Ты каменная! — всплеснула руками Анна. — Да на мою б волю! Я б ее повернула...

— Не надо, Анна, — остановил ее Скареднов. — Она, кажись, мудрее нас. Ты только в случае чего шумни, Павловна. Мы — вот они.

Замолчали, но никто не поднялся. Скареднов свернул еще цыгарку — на полчаса, пышащий ее конец пришелся вровень с обкуренными бровями. Пожаловался: властен Журбенко. Никого не подпускает к делам, не дает разворота. Втроем с агрономом и зоотехником колдуют. Невесело!

Поначалу не поняла, на что жалуются гости. Плохо распоряжается Журбенко? Не умно? Нет, умно, и рука твердая. Сила ему ослепила глаза? Значит, зазнался? Нет, не то слово. Не зазнался, а уверился: все, за что ни возьмется, поддается ему. Одному ему поддается — не видит нужды в помощниках и советчиках. Давно ли

приходил к ним: «Девоньки, выручайте, вся надежда на вас». И в самом деле, что было: ручная работа, конная тяга. А сейчас крупные силы, каких не знал березовский председатель, сошлись к нему в кулак. Четыре тракторных отряда... Травополье... Химизация... Электричество на токах... Оросительный канал... Подкормка с самолета... Подвесная дорога на фермы... Два миллиона рублей на счету... Трудней же стало командовать? Нет, это руководить трудней, командовать легче. Всего несколько слов скажет Журбенко: «Пошли двадцать три трактора», — глянет: к утру чернеет поле до самого горизонта... Вот оно какое сильное стало, журбенково слово!

— Обман зрения, — говорит Скареднов. — Сила, она от народа пришла, а ему думается, что он сам таким стал, что все само у него кипит под руками.

— Тем и хвалится, — сказала сердито Ольга. — И напою, и накормлю вас, девоньки, и ордена в один день со мной наденете, через один указ пройдем. Не тревожьте свои головоньки, пока я у вас...

— Системой утешается! — поправил Скареднов. — У меня, — говорит, — система сама на вас работает. Севооборот. План. Расчет. Не та, — говорит, — пора, чтоб каждая бригада по-своему колдовала, от себя выдумывала.

— Система! — не выдержала Анна Клеменкова. — А если к той системе наши головы?

Не перебивая, не вмешиваясь, впитывала в себя Лихачева слова гостей. А они, сами позабыв зачем пришли, распалялись:

— Да что мы, на иждивении у него?

— Кто мы ему, поденщики? Хозяева! Держи с нами совет!

— Что я, не ученая? — трепетал аннин голосок. — Шесть лет на курсах... Дай ты мне цель-заботу, чтоб задумалась я на год вперед...

Знакомое, близкое, сто раз пережитое хлынуло в разгоряченную голову Лихачевой. Ведь не теплых мест, не хлебных постов ищут эти женщины. Не она ли сама просила всех председателей: больше дела, больше простора, дайте заботу такую, чтоб не знала роздыху разбуженная новью душа...

— Поскорей управляйся, Павловна, — словно следуя мыслям ее, сказал Скареднов, кивнув в сторону Катерины.

Лихачева тоже заглянула в дверную щель, увидела: приподнявшись на кушетке, гостья тянулась к двери, вслушивалась в разговор. Сама испугалась Лихачева: так властно шевельнулось в ней желание обругать, выставить, сбыть поскорей с рук эту не давшую ладу жизни своей, нежданную и непрошенную женщину. По какому праву она влезла в их жизнь?

Только выйдя на крыльцо и проводив гостей, успокоилась. Постояла, щурясь на показавшееся из-за крыш солнце. Рассеянно провела ладонью по заиндевевшим перильцам, поднесла палец к губам. Первый иней горчил, отдавал мокрым дубом.

Лихачева потуже затянула косынку, вошла в хату.

Девочка еще спала. Из спаленки доносились ровный посвист, кошачье мурлыканье. За завтраком молчали. Лихачева ловила в глазах гостьи не замеченные с вечера любопытство и робость.

— Я что спытать хотела, — сказала Катерина, отстраняясь от стола. — У вас какая должность, Павловна?

— Должность? — удивилась Лихачева. — Какая у меня должность? Звеньевая я... Что это тебе запонадобилось?

— Так, я думала...

— Что ж ты думала?

— Так, ничего, — уклонилась Катерина, но тут же спросила: — А они на что жаловались? Должностей чистых не дает председатель?

— Простору не дает... Не советуется с людьми...

— А-а-а, — протянула Катерина. Ощупала рукой лежащие на лавке московские покупки, сказала: — А вы что в Москву возили? Выгодно съездили? Я смотрю: подарков много. Из этой местности в Вологду мак возят и взвар. Ха-рр-ошие деньги берут... Я побуду, а вы съездите... Съездите, съездите, — повторила она, встретив недоумение в глазах Лихачевой. — Я подучу...

«Нет уж, наверное, это я тебя подучу», — подумала Лихачева, но объяснила спокойно:

— А я не торгую, Катерина Петровна...

— Мама, ботиночки привезла? — донесся требовательный голос девочки.

Катерина привстала, но Лихачева уже обернулась, взяла со стола ботинки и, заметив, как вздрогнула гостья, отдала ей:

— Неси!

— Мама, сюда иди! — еще громче крикнула девочка, хотя родная мать стояла рядом.

— Вас кличет, — неслышно сказала гостья и, пряча глаза, вышла из спаленки.

Распущенная ее коса билась по спине, и Лихачевой показалось, что и самоё женщину, опустившую плечи, бьет крупной дрожью.

— Я в Березовку схожу, — не обернувшись, бросила Катерина, — с хатой нужно...

«Ох, не при чем тут хата, дочкины глаза тебя прогнали», — поняла Лихачева и не стала перечить.

— А тетя у нас будет? — живо спросила девочка, как только за матерью захлопнулась дверь.

— Не тетя она... — начала Лихачева и осеклась.

Глаза девочки, крупные, с такой же, как у матери, россыпью темных прожилок в зрачках, просили, приказывали не повторять того странного, непонятного, что было сказано накануне.

— Тетя, — упрямо повторила девочка и, потупившись, подняла ножку.

С минуту, как гусенок, стояла, потирая ногу о ногу, не решаясь шагнуть, и вдруг бросилась к Лихачевой, зарылась головой в платье.

— Ну что ты, что ты? — Лихачева гладила ладонью по острым лопаткам и не находила слов. Подняла дочь за плечи, отстранила от себя, с минуту молча смотрела в побледневшее за эту неделю лицо, отпустила. — Занимайся, Нюрочка, все будет хорошо, я с тобой...

Усадив дочь за учебники, Лихачева задумалась. Да кто же не велел этой Катерине жить так, как живут Анна и Ольга? А что она, одна такая? Уж, наверное, не одна... Таких, чтоб детей бросали, понятно, трудно сыскать. Ну, а таких, что плутают где-то по тылам жизни, теряют зря годы, таких побольше. Вон они, и учителя нашлись! Ухватистые: наставили, устроили. А где ж были хорошие люди? Не встречалось их там, где жила она, где служила, где странствовала? Что ж они не взяли ее в руки?

Не дали подумать, постучались, и до самого обеда все хлопала и хлопала дверь, слышалось:

— Павловна, сольцы не вынесешь?

— Керосину плесни, соседка!

Рассердилась: что это, нет в селе кооперации? Присмотрелась: не соль, не керосин, а она, Лихачева, нужна этим людям, за нее тревожатся...

— Перцу не привезла? — неслось с порога. — Ну, как у тебя? Уговорилась? Уладилось?

Ворвались доярки, шелестя белыми халатами. Наполнили хату домовитым, сытным запахом. Опять жалобы, опять упреки:

— Всегда у тебя так: с полеводами перетолкуешь, а про нас и памяти нет... И Журбенко до сих пор нас «вторым фронтом» зовет. За кого он считает нас? Рационы с зоотехником сами на все стадо составляют. Не обидно? Что мы ему, автодоилки бессловесные? Смеется: скоро отслужите, — машиной заменю. Кого он заменит, бестолковый? Руки он мои заме-

нит, а голова при мне, еще послужит...

«Далеко зашел командир», — подумала Лихачева, вслушиваясь в ровную, видно, не один раз обдуманную речь старшей доярки, аккуратной высокой женщины с суровым темным лицом.

Катерина вошла в разгар беседы. Явилась возбужденная, повеселевшая. Не здороваясь с доярками, прошла в комнату. И они примолкли враз, переглянулись недобро, засобирались. Старшая, не стесняясь, спросила громко:

— Долго она будет у тебя околачиваться?

— Долго! — так же громко и твердо ответила Лихачева. Выпустила гостей, пообещала: — Утречком забегу к вам, извиняйте...

Повернулась и встретила полные странного блеска и задора глаза Катерины.

— Я, Павловна, в Березовку пойду жить...

— Семь пятниц!

— И не говорите больше, Павловна, — с какой-то отчаянностью проговорила Катерина. — Вся жизнь теперь решенная. Трое суток у вас, а потом спасибочко... И я ж не обедала. Уж вы извиняйте, рассчитаюсь... А Нюрочка в школе?

— В школе, — сердито ответила Лихачева и пошла в погреб за огурцами.

И блеск и задор в катерининых глазах зажгла березовская соседка Ефросинья Смалькова, или Смальчиха, как звали ее в районе. Увидев Катерину, обрадовалась, зазвала к себе. Как и семь лет назад, она все болела, ездила по врачам, все подоконники у нее были завалены склянками, а от закутанного в две шали рыхлого тела несло чем-то резким. И до войны и после она беспрестанно судилась. Сутяжничала с Журбенко из-за двух яблонь, отошедших вместе с излишком усадебной земли. Полтора года терзала его повестками. Не стерпел Журбенко — вернул яблони, еще и денег дал в придачу: отвяжись! Судилась с соседкой за нивесть кем вытоптанный огород. И соседка не устояла. Швырнула через плетень мешок картошки, плюнула: жри, только угомонись!

Слава первой законницы и привела Катерину в смальчихину хату. Смальчиха, давно не имевшая клиентов, засуетилась, принялась угощать. Катерина отказалась от всего, попросила: «Научи!». И не задумалась Смальчиха, все советы готовые лежали на языке: «Не бойся Параски, закон для всех одинаковый. В суде на ордена не смотрят. Подавай! Народный суд не решит, оттуда — в областной, потом еще в Москве два суда. Не вынесет твоя Параска, откажется». Шептала насчет пенсии: чтоб получить ее, нужна девочка; насчет хаты: тоже дочка — наследница. Подсказала «слабое место» Лихачевой: не имел права детдом отдавать не круглую сироту.

Но Катерине было довольно и первых смальчихиных слов. Спешила от Смальчихи, пела в такт придорожным проводам: «Заберу, заберу. Проживем дома до летней поры, а там — в свет широкий!» Пугал невидящий ее и точно пристывший к старухе взгляд девочки. Утешала, бодрила себя: «Маленькая еще, приручу, улещу, кровь скажется». А вошла в хату — и чуть не сникла совсем под недобрыми взглядами женщин, еле собрала силы.

— В Березовку незачем ходить, — строго сказала Лихачева, ставя на стол миску с огурцами и тарелку с жареным мясом. — Незачем. Тут проживем!

— Нет, нет, нет, — затараторила Катерина. — Вы уж проживайте, а мы с Нюрочкой освободим вас... Всякому по-своему жить хочется.

— Дурные слова говоришь, — нахмурилась Лихачева. — От кого ты меня хочешь освободить?

— А я виноватая? — вспомнив смальчихин совет, вскинула голову Катерина. — Взяли б круглую сироту, если своих не завели...

— Так, — глухо уронила Лихачева, — я в виноватые попала...

— А зачем не приучали ее ожидать родную мать?

Выговорила это одним дыханием и испугалась. Куда какими нестрашными были эти слова, пока лежали в голове. А вот прозвучали — и обожгли... Взялась ладонью за лоб, сквозь пальцы глянула на Лихачеву. Но тонкое лицо хозяйки было сурово-покойным, а губы чуть разжались, выронили:

— Спасибо! Еще что скажешь?

Но Катерина больше ничего не сказала. Съела, до кусочка подобрала все, что стояло на столе, обтерла пальцы о рушник.

— Со стола убери! — просто, как будто ничего и не было между ними, распорядилась Лихачева.

3

Покормив девочку, Лихачева пошла в бригаду. Позвонила в правление, попросила бухгалтера оповестить тех, кому сойтись на беседу к вечеру другого дня. Вышла за околицу, склонилась над озимкой. Ранний заморозок не тронул ее. Подумалось: «Снежку бы, снежку поскорее». А вернулась домой и застала такое: на обеденном столе, как стружки, валялись обертки от конфет, розовели крошки медовых пряников. Катерина сидела поодаль, готовая каждую минуту вскочить по зову девочки, а Нюра, вяло раскачивая ножкой, нехотя отправляла в рот конфеты. Увидела, побежала навстречу. Гостья ладонью сгребла вместе с бумажками и пряники, швырнула их в печь. А спустя полчаса Лихачева услышала возню в комнате.

— Не надо, не надо! — просила девочка.

Лихачева заглянула и замерла у притолоки: Катерина, стоя на коленях, обнимала ноги девочки, а та упрямилась, прижималась к спинке стула.

— Катя! — вырвалось предостерегающее слово.

— Что же вы со мной делаете?! — вскрикнула Катерина, обдав и Лихачеву и девочку темным светом залитых стыдом глаз. Бросилась из комнаты. Долго висел в воздухе звон хлопнувшей о притолоку сухой двери.

Было в этот день и такое: Лихачева сидела у раскрытой печи и, задумавшись, следила, как несмело, защищаясь мокрым дымом, разгораются сучья березы, а из комнаты донеслось робкое, ласковое:

— Нюрочка, дай я разую тебя...

И негромкий ответ:

— Нате...

Все одним взглядом схватила Лихачева: и то, как жадно взяла Катерина стройную, как у нее самой, ногу, и как задержала в ладони теплую ступню, и как, оглянувшись, припала к ней губами.

Было нестерпимо видеть это, и нельзя было остановить гостью. И почему-то не было ревности к ней. И в самом деле, кто же она для нее, Лихачева? Соперница? Ну какая же она ей соперница?! У Катерины все впереди.

Перестук мотора оборвал мысли.

— Уйти мне? — встрепенулась Катерина, увидев под окнами нарядную машину.

— Нет уж, сиди...

Журбенко вкатился на коротких, крепких, как дубовые пеньки, ногах, предупредил:

— Не запирай, Кругляков, инструктор, там...

— Кругляков?! Не ты ли раззвонил, Федор? Еще недоставало: райкому задали хлопот.

— По другому он делу. Ну, как твоя квартирантка?

— Живет.

— А она н-ничего собой...

Дверь была приоткрыта, и Лихачева погрозила пальцем Журбенко, шепнула:

— Волосы седые, а все одно на уме...

— Холостое дело — молодое. Пошутковать нельзя? Ох, свекровь...

Кругляков — он был повыше Журбенко и как-то поскладнее и моложе лицом — в самом деле заговорил о другом. Что ни год, он все чаще и чаще возил к Лихачевой бригадиров, звеньевых, опытников на выучку, на стажировку, на смотрины, а то и просто для «увеселения духа». И сейчас Лихачева ждала, что он расскажет о какой-нибудь отысканной им «огневой душе». Он, и верно, рассказал о Терновке, где они сосватали бригадиром «огневую тетку».

— Привезете ее, Иван Никифорович?

— Нет, не привезу, — кинув спокойный взгляд на обоих, отрезал Кругляков. — Заморозите вы мне ее, а она и так нежарко горит...

— Мы заморозим?! — Журбенко даже передернулся от удивления.

— Вы, — подтвердил Кругляков. — Скучно у вас людям, Федор Антонович...

— У нас скучно? — подмигнул Лихачевой Журбенко. — Что ж, вези в Мануйловку, там веселее. Сплошь изобретатели! Сенокос проспали, всю зиму будут выдумывать, как скотину ветками прокормить...

Но Кругляков не принял шутки. Упрекнул:

— Не тем хвалишься. Людей не понимаешь своих. Все силы взял в расчет, людскому таланту не дал цены.

Заспорили. Журбенко, широко расставив ноги, раскачивался, с силой загибал короткие упругие пальцы, приговаривал: «Это не для людей?.. А это не для них?.. А это?»

— Люди хорошо жить хотят! — торжественно сказал он. — Просто хорошо! Без маяты... Об том моя забота...

— На одну сытую жизнь люди несогласные, Федор, — вставила Лихачева. — Ты об Ольге думаешь?

— Замуж ее.

— Об Анне?

— И эту замуж. Обута, одета. Черепицы привезем, хату покрою — готовая невеста. Я и об этом думаю!

— О Скареднове?

— Сменить пора. Старость бьет в голову.

— О доярках?

— Славы им хочется? И это знаю. Неделю сидел с зоотехником. Сто книжек перевернули. Дали рацион такой — зазвенят твои доярки. Все с орденами будут...

— В один день с тобой?

— А они раньше хотят?

— Они от своей головы хотят, от своей выдумки...

— Пока моей хватает. Недостанет — займу. Наука богатая, не откажет...

— А люди не такие же, как ты? Тоже хозяева! А ты их в подсобники.

— Не подбивай людей, Павловна! — пригрозил Журбенко.

— Подобью!..

— Твоя слава восьмигектарная. Моя попрочней. Каждый гвоздь в Березовке из-под моего молотка. То люди знают...

— Другая пора настала. Мало твоего молотка!..

— Ох, схватимся мы с тобой, не управится райком конфликты разбирать! Тебе в каждой Дуньке героиня мнится. Ты вон и квартирантку не этим перепугала, не в опытницы вербовала ее?

— Ничем я ее не пугала, Федор Антонович.

Они замолчали, чувствуя, что коснулись того, зачем сошлись.

— Тебе решать, Павловна, —

Баллада о горожанине

Виктор УРИН

С рассветом все ярче, заметней
пестрел, разливался восток.
Вдали рисовался трехлетний,
рожденный в степи городок.

Мы к пристани шли по-над кручей.
потом ожидали баркас.
Товарищу вспомнился случай.
Он медленно начал рассказ:

— Степное Заволжье, степное...
Пылят суховеи, пылят...
Передний рубеж Гидростроя.
Четыре палатки стоят.

В ответ на порывистый, дикий
поход раскаленных песков
поднялись копры, точно пики, —
оружие буровиков.

Копры по степи, как цепочка,
и вот начинают бурить,
и каждая вышка — «бур-точка»,
как принято здесь говорить.

Изменятся эти равнины:
всему свое время и срок;
плечо сталинградской плотины
упрется в заволжский песок.

Вот здесь, на одной из
«бур-точек»,
в палатке домашний уют,
и «Синенький скромный платочек»
в свободное время поют.

Поет-распевает дивчина...
Ей многое надо успеть:
в корытце белье замочила,
поставила щи разогреть.

И падает тень от косичек
на вышитый ею ковер,
где несколько розовых птичек
летят в самодельный простор.

И, времени даром не тратя,
удобней присев на кровать,
три пуговицы на халате
она перешила опять.

А около этой палатки,
немного усталый на вид,
детали для детской кроватки
любимый ее мастерит.

Рубанок шипел. От утюжки
светлел, округлялся брусок,
кружились волнистые стружки
и пеной слетали в песок.

Умывшись, в палатке весенней
он руки на стол положил.
(Похожи на план орошений
узлы этих выпуклых жил).

А та, что про синий платочек
все пела и пела с душой,
сказала: «Наверно, сыночек,
ты знаешь, он сильный какой!»

Зажмурилась. Видно, что рада.
И, вслушиваясь в тишину,
почтительно, с тихой отрадой
рабочий смотрел на жену.

Потом, к буровой подъезжая,
стараясь солиднее быть,
сказал он:
«Мы скоро рожаем...» —
И всем предложил закурить.

Дружней закипела работа,
и описи разных пород
толпились в журнале учета,
и вышки шагали вперед.

...И крикнул так властно и тонко
их первенец, маленький сын,
безбровый, хороший мальчонка,
огромной степи гражданин.

Потом он уснул. Стало тихо.
И вот от копра до копра
ту весть разнесла повариха
и худенькая медсестра.

Баюкая сына, кроватку
качала усталая мать,
и в скромную эту палатку
на цыпочках шли поздравлять.

И днем в честь событья такого
геолог с подарком пришел,
он обнял отца молодого
и выложил карту на стол.

Волнуясь, поправил он ворот
и, глядя, как люди живут,
сказал: «Сообщаю, что город
раскинется именно тут...»

В степи, где за вышкою вышка,
в глухой, где лишь ветер бродил,
родившийся этот мальчишка
уже горожанином был!

Уже по краям полотенца
пропели зарю петухи,
и техники в честь уроженца
совместно сложили стихи.

Здесь не было загса, но кто-то
рождения месяц и год
отметил в журнале учета,
в графе самых ценных пород...

Изменятся эти равнины:
всему свое время и срок...
Плечо сталинградской плотины
упрется в заволжский песок.

сказал, прикрывая дверь, Кругляков. — Знаю я все. И так и так закон за тебя, и люди за тебя.

— То я знаю, — уронила Лихачева, — совесть против меня.

— Перед ней?

— Перед нами. Как она выросла такая? Молодая. В двадцать третьем году рождена...

— Не мудри, развязывай руки, — без недавнего задора, участливо сказал Журбенко.

— Нельзя ее выпроводить, — наклонившись к одному Круглякову, сказала Лихачева. — Нельзя, Иван Никифорович! — с силой повторила она, точно от него, Круглякова, зависела судьба женщины. — Кузнеца дочка, солдатская вдова, наша, березовская. Пойдет дальше кружить по свету, петлять. Хорошо это?

— Вот ты какая! — подскочил Журбенко. — Всему свету опекунша.

— Трудно тебе будет, Павловна, — просто сказал Кругляков, не слушая Журбенко. — Трудно! — Достал из кармана платок, обмахнул лоб, хотя в хате и так было нежарко.

Они еще поговорили о деле, условились наутро собрать актив. Прощаясь, Кругляков сказал:

— Ты у нее адресочки возьми на случай, где побывала. Не мешает узнать. Семь лет все-таки.

— Я думала про то. Сделаю, — пообещала Лихачева.

Катерина стояла у зеркала, укладывала косу, сказала:

— Я все слышала, Павловна...

Недоверчиво, словно в первый раз, оглядела гостью Лихачева. Что-то не заметно в ней ни недавней растерянности, ни обиды, ни злости. Успокоилась?

— А что если я уеду, Павловна? Лишняя я тут.

Оглянулась, на мгновенье метнулся из зрачка в зрачок испуг.

«Не меня б спрашивала, если б решила», — подумала Лихачева и, пожав плечами, ответила:

— Сама смотри!

— Ох, без жалости вы!.. — зажмурилась Катерина.

— Жалость ли тебе поможет?

Долго молчали. Катерина снова разметала косу, пальцем разгладила брови. Засмотрелась на коробку, обтянутую красным шелком, открыла ее, потрогала ордена.

— То мамино! — раздался из-за спины ревнивый голос девочки, и коробка выпала из катерининых рук.

— Не спит, — пробормотала она. — Я посмотреть хотела...

— Посмотри, посмотри, — разрешила Лихачева и прикрикнула на девочку: — А ну спать, полуношница!

С виду примиренные, они пили чай, изредка перебрасываясь словами, далекими от того, что свело их за этот стол.

— А у Журбенко жена, что ж, померла? — равнодушно спросила гостья.

— Хватилась! В войну еще схоронил...

— И так живет?.. — отвела глаза Катерина.

— И так живет...

— А еще и нестарый.

— Еще и нестарый, — согласилась Лихачева и сказала вдруг: — Хату незачем продавать. Перейдем туда, возьмешь с меня деньги, положишь на книжку. То Нюрочке на будущие времена.

— Обождем. Не надо пока, — попросила Катерина, словно эта хата могла уберечь ее от неизбежного.

— Надо! — властно возразила Лихачева. — Мне шестьдесят второй, а на тебя расчет...

— Ох, как же вы меня! — пожаловалась Катерина. — Как в клещи взяли!.. И люди. Какие они стали!.. Идут и идут. Что им за дело? Кто вы такая тут?

— А что ты другое заслужила от людей? На них не держи обиды. И девочку не тревожь. То еще длинная песня, как мы будем ее с тобой мирить. Конфетки разве помогут? Животик расстроится, ничего больше и не будет от них. Другим заслужить надо...

Надо было сказать еще много других нужных и верных слов, чтоб наперед знала гостья: ничего дарового не сулит ей Лихачева. И еще неизвестно, когда дочь признает ее и скоро ли приветят эти такие дружные в своей чистой суровости женщины. И ободрить надо бы: к тридцати годам не поздно начинать. Она, Лихачева, начинала в сорок, а то ли было вокруг... Но что-то удержало Лихачеву. Подумала: «Наговоримся. Много впереди разговоров», — и примолкла. Сходила за картошкой, внесла полное ведро, придвинула Катерине низкую, от мужа-сапожника оставшуюся скамейку, распорядилась:

— Бери нож, похозяйничаем. Обеим рано вставать...

— Обеим? — удивилась гостья.

— Обеим, обеим, — буднично подтвердила Лихачева.

По старой, еще со времен одиночества привычке Лихачева перед сном вышла на крыльцо, присела. Звезды дрожали в густой синеве чуть тронутого зеленым лунным светом неба. Впереди за огородами темнела железнодорожная насыпь. Думалось сразу обо всем. С утра пойдет в правление, будет спорить с Журбенко, искать людям цель-заботу. Заглянет на фермы. Вечером держать речь перед активом. Неумно, если все свалят на Журбенко. Не одна председательская властность виновата. Но об этом с утра... А сейчас о своем. А кто тут разберет, что у нее свое, а что не свое? Дочка — свое; Катерина — ох! — и это теперь свое, всяко с ней будет... А Анна? А Ольга? А московский механик? А Кругляков с его «огневыми» тетками? А Федор?

Зарделась цыгарка в ночи, зашуршали шаги по устланной кленовым листом тропинке. Скареднов молча подошел, присел рядом, обдал хмельным запашком.

— Праздновал, Афанасьевич? Не антоны-гулены сегодня?

— Нет, не антоны. В самую меру пригубили с третьим бригадиром. С переполоху...

— С какого еще?

— Журбенко налетел. Бешеный. Говорили, он только жинки-покойницы боялся. Кричит: «Администраторы! Единоличники! С народом не советуетесь! Людей поостудили!» Это мы поостудили?! Какие-то обязательства требовал, новой меркой грозился — не разобрали...

Сперва только рельсы запели, и вдруг грохотнуло за хатой, вырвался, обмел насыпь стелющимся дымком паровоз, помчались мимо груженные чем-то тяжелым платформы.

— Тракторы, — тепло сказал Скареднов.

— К нам?

— Нет, мы, кажись, получили за этот год. К каменцам.

Они вслушивались в удаляющийся перезвон колес.

— А мы толковали про тебя, Павловна, — сказал Скареднов.

— После какой рюмки?

Обиделся:

— Перед второй. Какая ты, а? Оставляешь Катьку?

— Куда ее деть? Не в Турции живем...

— Об том и мы толковали, — подумав, сказал Скареднов. — Куда? Одна заплуталась, не на ту стежку попала. Другой приотстал на марше. Третьему не тем ветром надуло в голову. Четвертого слава приварила к месту, не сдвинется... А за всех с нас спросят?

— С нас, Афанасьевич, — согласно кивнула Лихачева и запахнула шаль.

Слабый, колеблемый ветром гудок донесся с юга.

— К нам! — обрадовался Скареднов. — Выходит, сверх плана гонят? К нам, к нам; если б в Каменку, он бы без остановки пошел, а тут запросился. Не пора тебе в хату? Ветрено тут...

ТУГОЛЕССКИЙ БОР

Я. ФОМЕНКО

На Воймежном поезд стоит одну минуту. Едва успевают пассажиры спрыгнуть и подхватить багаж, как паровоз прощально гудит и тянет состав дальше, на Черусти.

От разъезда до Туголесского Бора добрых три километра. Попутный порожняк или дрезина случаются не всегда. Чаще приходится идти по шпалам узкоколейки или по тропе, протянувшейся вдоль полотна.

Справа и слева от узкоколейки — дренажные канавы и противопожарные водоемы. Так и тянутся рядышком до самого Туголесского Бора неразлучные рельсы, одинокая тропа и канавы с крепко настоенной на торфу водой.

Длинная дорога бывает короткой, если посчастливится занятный спутник. Он расскажет много интересного о прошлом и настоящем здешних мест. Были тут раньше непроходимые болота. Нелюдь. Деревни гнездились подальше — на высокогорах. Редко-редко где встречались лесные избушки.

Вольготно жилось тут только глухарям и лосям. И теперь иногда выскочит из зарослей красавец-сохатый, уставится удивленными глазами на гидрокран и, пораженный размерами машины, шарахнется в чащу.

Болот становится все меньше. В Туголесе на бывшей трясине такое здание клуба выстроено — в ином городе не сыщешь. Там, где когда-то хоронились от охотников лоси, протянулись тротуары.

Около двадцати лет назад, когда сюда пришли первые добытчики торфа, приходилось вручную рыть глубокие многоверстные дренажные каналы, корчевать пни, потом, тоже вручную, резать, собирать, грузить торф. Тысячи девушек-«торфушек», как их называли, с весны до поздней осени копошились «на болотах», а на зиму, заготовив приданое, уезжали в родные места с намерением никогда больше не возвращаться в Туголес.

1

После Шатуры особенно нетерпеливые стали нервничать, то и дело заглядывали в окна вагона.

— Скоро этот самый бор твой? Как он называется? И не упомнишь!

— Туголесский,— спокойно отвечала Маша Черемисина, бригадир.

— Запомни: тугой лес, тугой лес. Понятно? — подхватывает переливчатый голос с верхней полки, и вслед за тем оттуда слышатся смех, потом частушка:

Девушки, девушки!
До чего обидно.
Нам сказали: Туголес, —
А его не видно.

Дуся Полосухина затуманенными глазами обвела вагон. Ее клонило ко сну.

...Еще несколько дней назад многое было неясно. Из дома в дом по заснеженным улицам ходили друг к дружке девушки.

— Ты едешь? — спрашивала одна.

— А ты? — в свою очередь вопрошала другая.

Разве сразу ответишь: ехать или нет? Ехать — значит на долгие месяцы покинуть родную Студеновку, родной дом, переменить привычный с детства порядок колхозной жизни на какой-то иной, известный пока по рассказам односельчанок и ежегодно приезжавших вербовщиков. Остаться? Кто знает, может, потом пожалеешь...

В зиму позапрошлого года тоже прибыл представитель из Туголесского Бора. Он собирал кучки девчат и смущал их покой заманчивыми заработками, клубом, танцевальными площадками и механизацией. Побывавшие в Туголесе девушки подтверждали слова вербовщика. Все же подпишешь договор, а вдруг потом не понравится? Раздумывать поздно будет.

В рассказе вербовщика Дусю Полосухину привлекала возможность учиться. Вербовщик называл какую-то совсем новую машину ласковым именем «Тумка» и уверял, что обучиться водить ее не так трудно. Будут курсы, и девушке с семилетним образованием есть прямой расчет на них поступить.

«Тумка»... Очень хорошо говорил об этой машине приезжий из Туголесского Бора. «Тумка», вернее, «ТУМ», — торфоуборочная машина. Слушательницам она представлялась сторукой. Сразу пятьсот пальцев хватают кирпичи торфа и складывают в штабеля-караваны. Прежде это делали загрубевшие в труде девичьи руки, а теперь — металлические руки «Тумки». Прежде сотни девушек, рассыпавшись по полям-картам, собирали торф в корзины, вскидывали тяжелый груз на плечо и относили на обочину поля. Когда штабель поднимался высоко, сборщицы всходили в гору с корзиной по шаткому трапу, точно на пароход. За день так накланяешься и наносишься — вечером ни спляcать, ни частушки попеть. Пока не втянешься, ноют плечи и спина, болят руки и ноги, в глазах долго мельтешат темнобурые кирпичи. А теперь? Приходит, видно, конец тяжелой ручной работе торфяниц, если появились машины.

Четырнадцать девушек из колхоза имени Кирова, Шацкого района, Рязанской области, во главе с бригадиром, напутствуемые матерями, выехали из Студеновки на станцию Нижне-Мальцево. Вербовщик купил билеты, усадил всех, как детей, в вагон и пожелал счастливого пути.

И вот теперь этот путь подходит к концу.

— Приготовьтесь, девушки! Следующая — Воймежный...

Долгожданное объявление проводника вызвало настоящий девичий переполох. У одних никак не увязывалась постель, у других куда-то задевались варежки и калоши, третьи растерянно суетились и мешали остальным, хотя у них все было собрано.

— Ой, девушки! — спрыгнула с верхней полки исполнительница частушек. — Что я вам скажу... Выходим из вагона — стоит... Кто бы вы думали? Он! Красивый, щекастый, глаза с поволокой. Пожалуйте, говорит, девицы, в такси.

— Как же! Приготовили для тебя такси с паровым отоплением. А на своих на двоих по шпалам не хочешь? — охладила мечтательницу соседка по купе.

«Его» на Воймежном не оказалось. Зато девушек, как знатных гостей, встретили заведующий отделом кадров Сорокин и начальник участка Ракитский. У стрелки гостей ждал специальный поезд из двух вагонов и паровоза — «кукушка».

Смешно раскачиваются маленькие вагончики. А за окнами бело. Январские вьюги замели все снегом.

Водяные струи режут торфяную залежь, как масло.

Фото Б. Кузьмина.

2

Дуся ко всему присматривалась с понятным для новичка любопытством. Ей понравилась деловитая, размеренная жизнь рабочего поселка с правильным чередованием рабочих смен, с вечерним досугом в красных уголках, с клубными киносеансами и самодеятельными постановками и концертами. Постепенно раскрывалась перед ней многоликая картина жизни и труда большого «колхоза», добывающего торф.

Когда начался первый сезон, Дуся оказалась как-то на участке добычи. Многое там поражало силой и размерами. Стоят над глубокой выемкой гидрокраны — многотонные машины с длинными стрелами, с грушевидными торфососами, с гидромониторами, режущими, как масло, торфяную залежь водяными струями. Захватывающее зрелище! Вот гидромониторщик направил струю на откос карьера и «лобовым» ударом отсек глыбу бурой земли. Глыба валится на дно карьера, в жидкую кашицу размытой торфяной массы, а клинок водяного кинжала преследует ее, дробит, размывает. От удара под давлением в восемнадцать атмосфер поднимаются в воздух фонтаны воды, взлетают, как щепочки, коряжистые пни. Мгновениями, когда солнечный луч пронизывает веерный фонтан брызг и они окрашиваются в горячий цвет, кажется, что в центре удара вспыхивает и вырывается из-под земли острыми языками пламя, а водяная пыль становится дымом.

Минута — и глыбы как не бывало. Покорно течет бурая масса к торфососу, погруженному своей нижней частью в карьер. Жадно сосет гигантская металлическая груша идущую к ней двумя рукавами жидкость. Пропеллер поднимает торфяную массу вверх, гонит на главный аккумулятор, в искусственное маленькое озеро, а оттуда торф бежит по толстым металлическим трубам свыше пятнадцати километров до самого Туголесского Бора, на поля разлива.

Не размеры машин и не фонтаны воды, вылетающие из стволов гидромониторов, больше всего поразили Дусю. Она зачарованно смотрела на девушку, вышедшую из кабины гидрокрана на командный мостик.

Кроме девушки в сиреневом платье, на гидрокране — никого. Мотористка Клава Левина одна командовала целым взводом механизмов. Она следила за давлением в гидросистеме, наблюдала за торфососом, переключала воду с одного гидромонитора на другой.

Приложив руку козырьком ко лбу, Клава смотрит в сторону левого гидромонитора. Возле него стоит человек могучего сложения. Его богатырская фигура подстать машинам. Бывший такелажник, а ныне начальник добычи, техник Константин Петрович Иванов, выбросив руку вперед, указывает на какую-то точку в карьере. Гидромониторщик круто, как большой станковый пулемет, поворачивает свою установку. Струя воды удлиняется, описывает дугу и с треском, с шипением обрушивается на торчащий утесом берег карьера.

Прошло несколько минут, и Клава Левина по сигналу Константина Петровича исчезает в доме-кабине гидрокрана. Струя гидромонитора никнет, обрывается, но сразу же рядом, из другой установки, вырывается новый поток воды и начинает бешено хлестать по торфяному озеру, подгоняя массу к насосу. Это Клава переключила воду на соседний гидромонитор.

3

...Образ девушки, хозяйки крана, глубоко запал в сердце Дуси Полосухиной. Она потом встречала многих мотористок, искала в них какие-то особые черты и не находила. Девушки, командовавшие машинами, ничем не отличались от других торфяниц. Так же, как и все обитательницы Туголесского Бора, они после смены одевались в тщательно отутюженные платья, шли плясать, пели частушки, спешили на свидания, обижались на управляющего домами Ивана Капитоновича за чрезмерно строгие правила, введенные им в домах.

Настал день, когда техник Егор Иванович Буланов повел своих учениц в механический цех. Егор Иванович объяснил устройство «Тумки». Длина — тридцать метров. Вот это горизонтальный, а это наклонные транспортеры. Там гусеницы. В стороне от центра, как громадный скворечник с окнами во все стороны, возвышается кабина. В ней разноцветные кнопки. Машина электрическая.

У Дуси не было ни капли страха, когда она, окончив курсы, впервые поднялась в кабину «Тумки», заняла место моториста и включила электромоторы. Девушка чувствовала себя хозяйкой «Тумки».

Действительной хозяйкой своей машины Дуся стала, однако, не сразу. Пока она слушала своих учителей на курсах, изучала устройство механизмов, все казалось просто, легко. В поле начались осложнения. Не удавалась «кантовка». Кнопку нажать — простое дело. А вот передвинуть точно машину, заставить ее занять нужное место и положение в рабочем строю — для этого нужны расчет, быстрая ориентировка и... «чувство локтя». Особенно важно последнее. «Тумка» — лишь часть комплекта торфоуборочных машин. Командную роль в комплекте играет, собственно, уборочный агрегат «УКБ-2» — комбайн торфяных полей. Подобно исполинскому челноку, комбайн ходит взад-вперед по всей ширине поля-карты, собирает торф расчистителями, захватывает скребками самотаски, подает на транспортер, а с него ссыпает на движущиеся ленты двух «Тумок» — головной и хвостовой.

Ходит себе «УКБ» челноком поперек карты, а обе «Тумки» должны следовать за ним, составляя неразрывную линию транспортеров длиной в шестьдесят метров. Линия эта то выдается углом вперед, то уступом назад, то вытягивается ровным фронтом. Мотористке «Тумки» надо следить, чтобы сбрасываемые с «УКБ» торфяные кирпичи все время падали на двигающееся в сторону штабеля-каравана полотно ленты.

Освоить маневр «перекантовки» Дусе помогли техник комплекта Лидия Чугунова, водитель «УКБ» Анатолий Гуров, мотористка головной «Тумки» Наталья Саморукова. Как приятно было потом чувствовать, что все машины передвигаются по полю легко и согласованно, точно ими управляет один человек!

4

Колхозному подростку Васе Чеканову рано пришлось выбирать профессию. Собственно, он и не выбирал ее. Само собой получилось так, что он стал плотником в... двенадцать лет.

На работящую семью колхозника деревни Крутое, Сасовского района, Рязанской области, Андрея Чеканова летом 1941 года обрушилось сразу два больших несчастья: война и пожар. Произошло это одновременно. Андрей Чеканов пошел на фронт, оставил семью, где самым старшим «мужчиной» был двенадцатилетний Вася, и в те же дни в Крутом сгорело тридцать два дома, в том числе дом Чекановых.

Была горячая пора полевых работ. На стариков, женщин и подростков легла вся забота о колхозном хозяйстве, а тут такая беда. Рассчитывать на быструю подмогу соседей не позволяла совесть, и Чекановы, мать и сын, решили не докучать правлению просьбами. Единственное, что они хотели получить от колхоза,— это стройматериалы. Их они получили.

Отработав за отца в поле, Вася вооружался пилой, топором и отправлялся в лес, где «росла» новая изба. Слега за слегой, тесина за тесиной — и вырос дом. Юный строитель ласково гладил натруженной рукой косяки окон и дверей. Они были шероховаты. Еще бы построгать их, подровнять, отделать, как полагается настоящему мастеру! Но где взять время и силы? Пусть не начисто отделаны двери и окна, но дом-то, дом готов! Из трубы вьется голубоватый дымок. Запах сосны уже смешивается с запахом человеческого жилья. И кто построил дом? Он, Вася, сын фронтовика.

От отца приходили редкие письма. Когда писать их солдату-саперу? И все же отец нашел время, чтобы похвалить сына за упорство в труде, за раннее мужество, за плотницкое мастерство. Печалило очень отца, что война ко многим бедам добавила еще одну: не довелось сыну учиться дальше четырех классов. Может, вышло бы из парнишки нечто большее, чем плотник...

Годы войны прошли в недетской тревоге за отца, в труде наравне со взрослыми, в заботе о том, как бы лучше помочь матери. К плотницкому ремеслу добавилось ремесло бондаря. Вася научился делать бочки, кадушки. Мать не могла нарадоваться, глядя, как ловко сын подгоняет плашки, схватывает их обручами.

Когда Андрей Чеканов возвратился с фронта, у него был умелый помощник в плотницких и бондарных делах.

И вдруг Вася охладел к дереву. Его потянуло к металлу, к машине.

Как-то председатель колхоза нарядил уже подросшего Чеканова-сына прицепщиком к Егору Галыбину, одному из первых на селе трактористов. Побыл Василий немного прицепщиком и сел на трактор. С той поры и пошло новое увлечение, захотелось учиться.

Местом учебы стал Туголесский Бор. О новых машинах, о том, что в Туголесе нужны люди, Василий узнал от сестры. Слыхал и раньше Чеканов про торфоразработки. Немало людей ездило на шатурские земли из Сасовского района. Раньше в их рассказах мало говорилось про машины. В последние годы и девчата все больше и больше упоминали незнакомые, похожие на смешной лепет названия: «укабэ-два», «тум-пять-ять», «эмпетэ». Чудные слова интриговали, оставаясь загадочными.

В январе 1952 года двадцатитрехлетний рязанский колхозник Василий Чеканов, как и другие завербованные, из деревни Крутое совершил то же путешествие, что и четырнадцать девушек из Студеновки.

Во дворе механического цеха, под навесами и под открытым небом, на обширной территории стояли опушенные снегом, никогда невиданные Василием машины. Они казались навсегда застывшими, неспособными к движению. То к одной, то к другой из машин подходил пожилой человек, взмахом руки откидывал снег, осматривал механизм, точно врач больного, и шел дальше. То был Савелий Тимофеевич Деев, старейший механизатор торфодобычи. Он приехал в Туголесский Бор в ту пору, когда не было еще ни мастерских, ни цеха, ни этих машин.

Четыре месяца обучения на курсах слесарей-трактористов прошли как-то очень быстро. Еще быстрее прошли месяцы торфяного сезона. Чеканову казалось, что он не успел наработаться, как кончился разлив торфа и пришлось свою машину гнать в механический.

Василий теперь хорошо знал, что такое «МПТ». Простая машина, а как она облегчила труд людей! Чеканов не видал ручной перекатки толстых и тяжелых труб, подающих торфяную массу на поля сушки. Но можно представить, какая это была изнуряющая работа. Легко разве вручную оторвать одно от другого звенья трубопровода, наглухо скрепленные уплотненной массой торфа? Оторвав звено, потом катили его по болотной жиже, по колено в воде, перебрасывали через бровки и канавы. А теперь Василий сидит за рулем на сухом сиденье; два клыка отрывают звено от трубопровода, подают его на приемную раму, а потом машина, точно опытный борец, перебрасывает звено через себя на выкидную раму. Строго соблюдая очередь, катятся звенья на сухое, еще не залитое поле.

На одном из собраний Василий Чеканов сидел и слушал ораторов, говоривших об очередных делах коллектива гидроторфистов. Выступал директор торфопредприятия Аверкий Иванович Скалабан, выступал секретарь партбюро Михаил Иванович Шмелев, выступали техники, рабочие. Бойко говорила одна девушка. Фамилии ее он не запомнил.

Почти все выступавшие начинали свои речи со слов о машинах, о механизации. Василию тоже хотелось рассказать о том, как работает его трубоперекатчик и что надо сделать, чтобы машина стала еще лучше. Ему хотелось рассказать о своем желании стать еще и водителем «УКБ». Но он побоялся выйти на трибуну. Плотник, бондарь, слесарь, тракторист и водитель трубоперекатной машины Василий Чеканов не овладел еще ораторским ремеслом. Оно казалось ему самым трудным...

5

Они познакомились как-то после работы и скоро стали друзьями. Потом Дусю Полосухину стали звать Чекановой. Девушки из Студеновки и Крутого устроили свадебный вечеринку. Собралось больше тридцати человек. В общежитии царило веселье — смех, танцы, песни. Особенно азартно плясали две Марии Петровны — Маша Черемисина, первый дусин бригадир, и Маша Плаксина, просто хорошая подруга.

Вечеринка кончилась поздно. Дуся и Василий вышли на улицу. Над Туголесским Бором царила торжественная тишина. Где-то далеко над бывшими болотами, соревнуясь в яркости со звездами, светились электрические огни.

Через некоторое время Аверкию Ивановичу Скалабану положили на стол папку, где вместе с другими бумагами было заявление Чекановых с просьбой зачислить их в штат постоянных, а не сезонных рабочих.

Директор поднял трубку телефона и кого-то спросил:

— Как дом, скоро закончите?.. Поторапливайтесь, поторапливайтесь, говорю, дозарезу нужны квартиры для семейных...

Шатура, Московская область.

Скоро уборка. Дуся Чеканова принимает свою машину.

Большую территорию занимают «цехи» торфопредприятия Туголесский Бор. Гидрокраны усовершенствованной конструкции размывают торфяные залежи и гонят жидкую массу на десятки километров к полям разлива. Когда торф высохнет, на поля выйдут громадные уборочные машины «УКБ» и «Тум».

Машина «МПТ» перебрасывает трубы, подающие гидромассу, на другую карту.

На командном мостике гидрокрана.

Торфоуборочные машины «Тум» готовы к выходу в поле.
Фото Б. Кузьмина.

НА ВОЛГО-ДОНЕ

В Калачевском порту.

Цимлянский порт. Лесоперевалочная база.
Фото М. Савина.

РЕЙКЬЯВИК — КОПЕНГАГЕН — ПРАГА

Путевые очерки

Борис **ПОЛЕВОЙ**

1. Исландия без экзотики

Исландия! При этом слове невольно вспоминаешь детство, школу, увлекательные рассказы учителя о далеком северном острове в необозримых просторах океана, о его беспокойных вулканах, могучих гейзерах, о необыкновенных водопадах и крепком трудолюбивом народе, живущем меж пустынных фиордов и скал.

И еще вспоминаешь отроческие годы, увлечение Жюль Верном, чудаковатых и бесстрашных героев его романов, вспоминаешь их экспедицию в далекую полусказочную страну, спуск в кратер огнедышащей горы, чтобы оттуда начать увлекательное путешествие в недра земли, в неведомый мир вымерших чудовищ.

Правда, теперь не времена Жюль Верна. Мы узнали и полюбили в свободолюбивых тружениках Исландии другое: их несгибаемый характер, то, что им дороже всего, — независимость своей родины, их активное участие в битве за мир, которую ведут сейчас народы. И все же что-то из детских воспоминаний о романтической северной земле, должно быть, осталось в памяти. Поднимаясь по лестнице в чрево огромного трансокеанского самолета, все мы немного волновались, ожидая длительного путешествия в страну, которая с юных лет волновала воображение необычайностью своей суровой природы...

Поднявшись над океаном, самолет ушел в облака, пробил их, вырвался на голубой, залитый солнцем небесный простор и тут точно замер на много часов над однообразным облачным ландшафтом, простирающимся до самого горизонта и похожим сверху на бесконечную лохматую баранью шкуру. Последние часы путешествия мы не отрывались от окон. И все же Исландия появилась неожиданно. Облачный фронт вдруг точно расступился. Показался океан, и над его хмурым, свинцовым простором сразу возникла на горизонте темная, зыбкая, призрачная полоса. Это была Исландия. Но лететь до нее пришлось еще долго. Воздух здесь необыкновенно чист, и в хорошую погоду видимость — на многие десятки километров.

Исландский пейзаж, открывающийся с птичьего полета, своеобразен и неповторим. Тень самолета бежит по серым скалистым берегам, резко изрезанным острыми фиордами. Белые кромки пены прибоя четко очерчивают границы земли и воды. И всюду, куда достает глаз, под холодными и как бы пристальными солнечными лучами, видишь скалы, овальные наплывы лавы, пустынные равнины, изрезанные вулканическими трещинами, маленькие озерца с сероватой, холодной сталью отсвечивающей водой. Вот вырисовалась справа цепь гор, невысоких, пологих, со сверкающей гривой ледников. То там, то тут громоздятся на дне пропастей остатки лавин, хорошо различимые с самолета. Ледники, сползающие со склонов, обрушиваются в море. Тут родина айсбергов, которые, как это мы убедились на обратном пути, в хорошую погоду можно видеть в океане за сотни километров от Исландии. И снова скалы, скалы и скалы...

Сумрачные, серые, бурые, оранжевые, иногда фиолетовые тона резко контрастируют то с голубизной повеселевшего океана, то со сверкающей белизной ледников. Лавовые наплывы пересекают вулканические трещины. Проплывает стороной и уходит вдаль конусообразная вершина действующего вулкана Гекла, еще недавно натворившего в стране немало бед... Он кажется совсем пустынным, этот суровый и все же прекрасный пейзаж. Сверху его воспринимаешь как лунный ландшафт или поверхность какой-то неоткрытой планеты, на которой еще не зародилась жизнь.

Это селение выросло вокруг горячих ключей. Обращает на себя внимание обилие оранжерей и клубы пара, вырывающиеся из-под земли.

Но приглядишься как следует и начинаешь различать то небольшие беленькие рыбачьи поселки на берегу фиорда, темные пятна рыбачьих баркасов, бороздящих океанскую ширь, то черепичные крыши фермы и возле — зеленые квадратики возделанной земли или пеструю россыпь маленького стада, бродящего среди скал.

Впечатление сурового безлюдья исчезает сразу же и начисто, как только самолет приземляется на столичном аэродроме Рейкьявика. А по мере того, как путешествуешь по стране, по ее небольшим благоустроенным городам, чистеньким и аккуратным, как квартира у рачительной хозяйки, по рыбачьим поселкам, близ которых порой на целые километры вытянулись рыбные сушилки, по маленьким фермам, затерянным среди скал,— вся северная экзотика Исландии, с детства волновавшая воображение, отодвигается на второй план, и ваше сердце пленяет трудолюбивый, талантливый, гордый народ, в характере которого есть много черт, симпатичных и близких нам, советским людям.

Должно быть, именно борьба с суровой природой, в которую исландец включается с детства, поединки с океаном, с ветрами, которые порой валят с ног, с внезапными морозами, уносящими иной раз за один день плоды многомесячных трудов земледельца,— все это воспитало тип талантливого, трудолюбивого, предприимчивого человека, не боящегося трудностей и жизненной борьбы, спокойного, но не флегматичного, немногословного, но и не молчаливого, с искрой умного юмора, никогда не гаснущей где-то в глубине глаз. Исландец любит свою суровую родину, дорожит ее свободой. Он умеет ценить истинную дружбу других народов и искренне ненавидит политику силы и диктата. Он гневно отвергает любую попытку навязать ему чужой образ жизни, как бы хитро эта попытка ни маскировалась и чем бы она ни подслащивалась.

Мне думается, что именно сходством этих черт в характере исландского и нашего народов и сознанием того, что СССР, где уважение к малым народам является одним из ведущих принципов всей государственной политики, и объясняется искренняя симпатия, которую мы, советские люди, неизменно встречали на далекой исландской земле.

Говорят, что за всю большую историю Исландии здесь не побывало и сотни граждан нашей страны. Всего лишь несколько исландских делегаций гостили в Советском Союзе. И все же с первого нашего шага по Исландии, с того самого момента, когда дюжие русоволосые таможенники, сверкая белозубыми улыбками, отказались осматривать чемоданы нашей делегации и приветливыми жестами пояснили, дескать, «добро пожаловать к нам на родину», мы видели людей, живо интересующихся нашей великой страной.

Нам, представителям двухсотмиллионного народа, гражданам страны, занимающей почти шестую часть земного шара, может быть, и странно услышать, что Исландию населяют всего 150 тысяч человек. Но при всем том этот народ не назовешь маленьким. Исландцы — народ древней и славной культуры, народ, который еще в 1930 году отпраздновал тысячелетие своего парламента; письменность этого народа считается одной из древнейших в Европе.

Наши исландские друзья, показывая нам достопримечательности своей родины, настояли, чтобы по пути на гигантский водопад Гудльфосс мы заехали на озеро Тинг-

В старых кварталах Рейкьявика. Небольшой белый домик в левом углу площади — один из самых старинных жилых домов Исландии.

В Рейкьявике организовано общество возрождения национального танца.

вадлаватн. Это большое вулканического происхождения озеро лежит в крутых гранитных берегах. Его удивительно прозрачная вода отражает каждое облако. В нем берет начало речка, с шумом сбегающая ступенями невысоких водопадов. Вода в ней кажется бирюзовой, и это создает странный контраст с бурым однообразием скалистого ущелья. Но не своеобразными красотами природы славно озеро Тингвадлаватн.

— На берегах этого озера в 930 году собрался наш первый парламент — алтинг, — не без гордости сообщил нам наш спутник, известный рейкьявикский архитектор, и тут же добавил с недоброй усмешкой: — И народу с такими традициями, с таким прошлым американцы пытаются навязать сейчас свою волю! Пугают, сулят свои проклятые доллары, хотят, чтобы мы забыли свои свободолюбивые законы, которые наши предки начали устанавливать еще вот здесь, на этих скалах, когда современной американской нации еще и в помине не было. Но мы не из тех, кто продает право первородства за чечевичную похлебку, за яичный порошок и бензин...

Водопад Гудльфосс, куда мы приехали час спустя, трудно не только описать, но и воспроизвести в памяти: так он величествен и могуч. Вспоминается только, как широкая многоводная река вдруг с полного разбега как бы прыгает вниз с сорокаметровой высоты и, спрыгнув, вдребезги разбивается о скалы, расположенные ступенями на ее пути. Гигантский гребень падающей воды, вверху кажущийся стеклянным, вскипает, дробится на мириады брызг, и вся эта взбаламученная масса с грохотом и гулом несется вниз, бурля и сотрясая скалы. Целое облако водяной пыли одевает водопад, и в нем, туго изгибаясь, зыбится четко очерченная радуга.

Тут, около этого чуда природы, спутники наши возобновили свой рассказ, начатый на берегу Тингвадлаватна. Мы услышали от исландских друзей историю упорной борьбы, которую ведут сейчас передовые люди страны с американскими оккупантами, расположившими свою авиационную базу в районе приморского города Кефлавик, борьбу, разгорающуюся изо дня в день и охватившую теперь всю страну.

— Нас мало, но мы исландцы! А это значит, что нас не сломишь, как не сломить реке вон ту скалу,— сказал другой собеседник, указывая на величественный утес, о который разбивался гигантский водный поток.

Действительно, все, что мы узнали потом об истории «исландского сопротивления», свидетельствовало: этот немногочисленный народ, который никогда не имел своей армии, да и сейчас не имеет ни одного солдата, показывает всем, в том числе и великим народам Европы, пример гордого и стойкого сопротивления сильной империалистической державе. Американское правительство, верное своей политике, действовало посулами и угрозами, не скупилось на провокации и подачки реакционным партиям. Но дружное, все нарастающее народное возмущение заставило в конце концов исландское правительство отвергнуть американское требование о продаже трех военных баз сроком на девяносто девять лет.

Тогда, стараясь успокоить возмущенное общественное мнение, представители реакции заявили народу, что претензия американцев на базы отвергнута, что янки получили разрешение лишь временно пользоваться Кефлавикским аэродромом, как транзитным пунктом связи с Европой. А когда страсти в стране поулеглись, в Кефлавик прибыли транспорты с американскими войсками. Тысячи летчиков и солдат высадились в Исландии, в стране, где нет ни одного военного. Но они не стали победителями. Нет! Случилось то, что так образно продемонстрировал наш собеседник, показав, как огромный водный поток разбивается о, казалось бы, не очень большой, но незыблемо стоящий утес. Сильнейшая из империалистических держав, несмотря на поддержку пятой колонны в лице реакционных партий, потерпела в маленькой Исландии самое позорное из всех поражений своей завоевательной политики. Все лучшее и передовое, что было в нации, поднялось на борьбу за независимость. Невидимая стена народного гнева окружила американскую авиационную базу. Движение сопротивления, охватившее всю страну, приняло имя народного героя древности Эйнара Твераингура. Оно охватило все слои населения и привело ныне к тому, что американцы, по горестному признанию одного из них, сделанному в припадке хмельной откровенности, «живут сейчас на Кефлавикской авиационной базе, как в концентрационном лагере».

Как голос протеста против попытки навязать народу американский образ жизни, как законное возмущение против растлевающих заокеанских буги-вуги, в Рейкьявике, например, организовалось общество возрождения национального танца. Мы видели, как девушки в прекрасных старинных национальных костюмах и молодые парни — рабочие, учащиеся, рыбаки — под руководством молоденькой учительницы старательно разучивали традиционные танцы рыбаков и моряков, готовясь к Всемирному фестивалю молодежи в Бухаресте.

Мы были приглашены на выступление крупнейшего в столице, и надо отдать справедливость, очень хорошего профсоюзного хора. Он исполнял старые и новые исландские песни. Среди них были две очень популярные в народе, боевые по содержанию и мелодичные по музыке песни, сочиненные руководителем этого хора, композитором Сигуравейни Кристниссоном: «Песня сопротивления» и «Янки, убирайтесь домой!» У композитора парализованы ноги. На сцену он выезжал в кресле на колесиках. После концерта этот человек с живыми, веселыми и необычайно умными глазами пошутил:

— Видите, для борьбы за свободу родины и я пригодился.

Исландия — страна, лишенная собственного леса, угля, нефти. В этом отношении она всегда находилась в зависимости от иностранных экспортных фирм. Топливо продолжает оставаться одной из важнейших народнохозяйственных проблем. Местные инженеры очень гордятся тем, что, используя сейчас такой необычайный источник тепла, как горячая вода гейзеров, они вносят свой вклад в борьбу за независимость страны.

Директор столичного водопровода инженер Хельги Сигурссон, один из авторов этой своеобразной, вероятно, единственной в мире системы теплофикации, любезно согласился показать советским людям тепловодные станции столицы. Он привез нас в долину Рейкир, лежащую вблизи моря и потому более зеленую и жизнерадостную, чем бесконечная гряда мрачноватых лавовых нагромождений, которые мы видели в предыдущих поездках. Дорога, насыпанная из лавового шлака, вилась среди таких же каменистых долин. Но их то тут, то там оживляли небольшие зеленые поля или коричневые клочки тщательно обработанных пашен.

Сами станции перекачки горячей воды находились в долине, обрамленной горными отрогами. Земля курилась паром, выбивающимся из почвы. Пересекавший долину ручей принимал в себя воду горячих источников, отмечая свой путь седыми гривками. Станции, качающие из недр земли горячую воду, почти кипяток, были маленькие, очень чистенькие и оснащенные по последнему слову техники. Автоматы, регулировавшие работу насосов, находились под наблюдением лишь одного сменного инженера. Он же по приборам управлял филиалом такой станции. В помещении филиала вовсе никого не оказалось. Показав нам работу насосов, инженер запер дверь и спрятал ключ от станции под порожек, как это делают у нас колхозники, запирая избу перед уходом в поле.

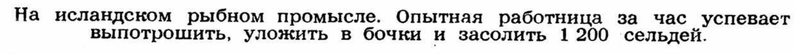
— Я знаю, какая у вас, в Советском Союзе, техника. Вас, вероятно, этим не удивишь? — сказал инженер, и в вопросе его послышались ревнивые нотки матери, показавшей малознакомым людям любимого ребенка и не уверенной, произвел ли ее любимец должное впечатление.

Мы искренне заверили инженера, что и сами станции и остроумный способ использования необычных естественных тепловых богатств нам очень понравились.

— Это больше, чем тепло для наших домов. Это наша независимость,— не без гордости сказал инженер.

Возвращаясь, мы стали свидетелями еще одной своеобразной стороны исландской жизни — использования вод горячих источников для земледелия. Сквозь запотевшие стекла парников и теплиц, обогреваемых кипятком укрощенных гейзеров, мы видели сочные красные помидоры, огромные, чуть ли не полуметровой длины огурцы, пеструю россыпь цветов, столь необычных в эту пору года, да еще здесь, невдалеке от Полярного круга. Видели разрезанные на небольшие квадратики поля, где вода горячих источников текла по канавам, обогревая землю, видели даже, как поля подогревались снизу водой, бегущей по трубам.

В долине Горячих Ключей нам показали целую деревню, для землепашцев которой вода гейзеров стала необходимым элементом земледелия. Наблюдая хитроумный, упорный труд фермеров и

На исландском рыбном промысле. Опытная работница за час успевает выпотрошить, уложить в бочки и засолить 1 200 сельдей.

крестьян, которые, преодолевая скупость природы-мачехи, вырывали у нее хоть какие-нибудь урожаи, мы все время думали о колхозниках советского севера, которым передовая мичуринская наука помогает продвигать в северные широты овощи, фрукты, злаки, помогает выращивать урожаи у Полярного круга.

Впрочем, слава о всепобеждающей советской науке дошла и сюда, в далекую Исландию. Фермеры, радушно показывая нам свое хозяйство, все время с жадным интересом расспрашивали нас, нельзя ли им купить в СССР семена морозоустойчивого картофеля и иных овощей, выведенных для северных колхозов. С жадностью слушали они рассказ о том, как люди советской науки связаны с нашими хлебопашцами узами совместных исканий.

Общество сотрудничества «Исландия — СССР», сокращенно называющееся здесь «Мир», получает от фермеров много писем с просьбой направить фермерскую делегацию в Советский Союз для изучения жизни, быта и успехов наших северных колхозников.

Вообще, путешествуя по стране, мы всюду видели следы большой и благородной работы общества «Мир», результатом которой является рост взаимопонимания наших народов и тот живой интерес, проявляемый трудящимися Исландии ко всем сторонам нашей советской жизни. Среди организаторов этого общества — его бессменный председатель знаменитый исландский романист, один из лучших писателей современной Скандинавии — Халлдор Кильян Лакснесс. У него на вилле, расположенной на пути в долину Горячих Ключей, в небольшом белом доме, приютившемся среди скал, на берегу бойко журчащего чистого ручья, мы встретились с активистами общества. Это были видные представители исландской интеллигенции, имена которых хорошо известны в стране. Среди них — один из старейших исландских писателей, учитель Лакснесса, Торбергур Тордарсон; лучший современный новеллист Халлдор Стефанссон; редактор журнала и руководитель крупнейшего издательства и читательского клуба Кристинн Е. Андрессон; его жена, редактор прогрессивного женского журнала Тора В. Андрессон Вигфусдоттир; профессор филологии Сигурд Нордаль, заведующий кафедрой литературы в столичном университете; композитор Пауль Изольфссон; директор крупнейшего столичного колледжа Арнфиннур Ионссон; архитектор Сигвальди Тордарссон и другие. По случаю приезда советских гостей хозяин поднял на флагштоке над виллой национальный флаг. Шла горячая беседа о советском театре, литературе, о всем том новом, что происходит в нашей советской жизни. И вдруг хозяин, посмотрев на часы, с лукавой улыбкой включил радиоприемник. Послышался бархатный баритон, певший на русском языке.

Мы сразу узнали голос нашего товарища по делегации, солиста Большого театра П. Г. Лисициана. Он допел, раздались дружные аплодисменты, крики «бис». Все это было тем более странно слышать, что певец находился среди нас. Оказывается, столичное радио полностью записало концерт советских артистов в Исландии и

«Столица сельди» — город Сиглуфиорд.

вот уже третий раз транслировало его для страны.

Общество «Мир» ведет большую и благородную работу, рассказывая исландцам правду о Советском Союзе. И семена правды падают на благодарную почву. Трезвый ум и здравость суждения, присущие исландскому характеру, всегда создавали здесь иммунитет против лживых и клеветнических песен, которые с чужого голоса пела, да и продолжает петь реакционная печать.

В день первого выступления советских мастеров искусства, членов нашей делегации, происходила международная встреча футбольных команд Исландия — Ирландия. В Рейкьявике, как и в Москве, очень любят футбол. О предстоящем матче очень много говорилось и писалось. Тем не менее концертный зал, где выступали советские артисты, был полон. Их очень радушно приняли и слушали с большим вниманием. Лишь в перерывы футбольные болельщики бросались к радиоприемникам, желая узнать, что происходит на стадионе.

С днями нашего пребывания в Исландии совпал шестидесятилетний юбилей старейшего дирижера столицы, Альберта Кана. Маститый музыкант, отдавая должное советскому искусству, пригласил выступить в своем юбилейном концерте для населения Рейкьявика ленинградскую пианистку Т. П. Кравченко.

Вечер вопросов и ответов, который по просьбе общества «Мир» устроила наша делегация для столичной интеллигенции, затянулся далеко за полночь. После этого вечера по программе должен был идти неизвестный еще в Рейкьявике советский фильм. И хотя демонстрация фильма закончилась в третьем часу ночи, а многим из присутствующих надо было утром идти на работу, никто не покинул зала.

Такое проявление интереса к нашей советской жизни мы видели на каждом шагу. Бывший рыбак, затем китобой, а ныне шофер грузовика Бярни Сигурвин Эссурарссон подарил нашей делегации карту Европы, по которой он в дни войны прилежно отмечал каждый успех, каждую победу Советской Армии. Он рассказал, что в годы, когда советские воины решали в великом единоборстве с фашизмом судьбы мира, группа грузчиков, рыбаков и рабочих Рейкьявика следила по этой карте за исходом грандиозной битвы.

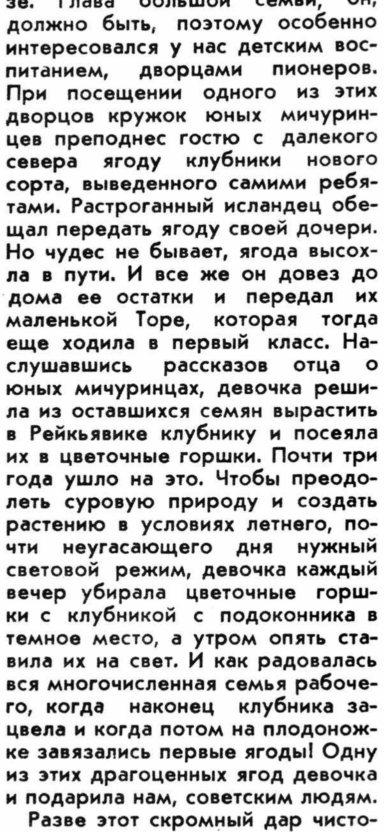
— Мы знали, вы сражались за свободу всего человечества. И за нас, исландцев. Возьмите это на память,— сказал он, отдавая нам карту.

На собрании, на концертах, на митингах в заводских цехах советским делегатам неизменно подносили букеты роз, гвоздик, левкоев, выращенных в парниках с величайшими трудами. Но самым дорогим из подарков, полученных нашей делегацией, был подарок маленькой белокурой девочки Торы, о котором я не могу вспоминать без волнения. Это была всего-навсего одна-единственная ягода клубники. Но какая история была у этой ягоды!

Отец девочки, рабочий, несколько лет назад в составе делегации побывал в Советском Союзе. Глава большой семьи, он, должно быть, поэтому особенно интересовался у нас детским воспитанием, дворцами пионеров. При посещении одного из этих дворцов кружок юных мичуринцев преподнес гостю с далекого севера ягоду клубники нового сорта, выведенного самими ребятами. Растроганный исландец обещал передать ягоду своей дочери. Но чудес не бывает, ягода высохла в пути. И все же он довез до дома ее остатки и передал их маленькой Торе, которая тогда еще ходила в первый класс. Наслушавшись рассказов отца о юных мичуринцах, девочка решила из оставшихся семян вырастить в Рейкьявике клубнику и посеяла их в цветочные горшки. Почти три года ушло на это. Чтобы преодолеть суровую природу и создать растению в условиях летнего, почти неугасающего дня нужный световой режим, девочка каждый вечер убирала цветочные горшки с клубникой с подоконника в темное место, а утром опять ставила их на свет. И как радовалась вся многочисленная семья рабочего, когда наконец клубника зацвела и когда потом на плодоножке завязались первые ягоды! Одну из этих драгоценных ягод девочка и подарила нам, советским людям.

Разве этот скромный дар чистого детского сердца не был наивысшим выражением дружбы, которую народ Исландии питает к народам советской земли!

Покидая далекую приполярную страну, где сейчас сияет почти круглосуточный день, где еще холодновато, несмотря на разгар лета, мы, советские люди, уносили в своих сердцах тепло этой большой дружбы.

Исландский рабочий-шофер Бярни Эссурарссон подарил советской делегации карту, по которой он следил во время войны за наступлением Советской Армии.

САНАТОРИЙ НА ПАЛУБЕ

Прощай, Казань!

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Санаторий «Горьковская коммуна» не имеет постоянного адреса. Вчера он был в Ульяновске, а сегодня в Куйбышеве или Саратове. Дня три назад вы могли застать его в Казани.

«Горьковская коммуна» — пловучий санаторий. На его борту — врачи и сестры, как в обычном санатории. На пароходе можно пройти полный курс лечения.

Санаторий отправляется из Москвы и следует до Астрахани, останавливаясь в крупных волжских городах.

Первый снимок сделан в тот момент, когда «Горьковская коммуна», приняв на борт новую группу отдыхающих, отваливала от казанской пристани.

Познакомимся с отдыхающими. В большинстве своем это шкиперы, кочегары, судостроители, водолазы. Они работают на реке и отдыхать пожелали на Волге.

Московский инженер Владимир Петрович Мыльников говорит, что он побывал на многих курортах страны, но, однажды узнав пловучий санаторий, предпочитает отдыхать на Волге, где лечение сочетается со сменой впечатлений.

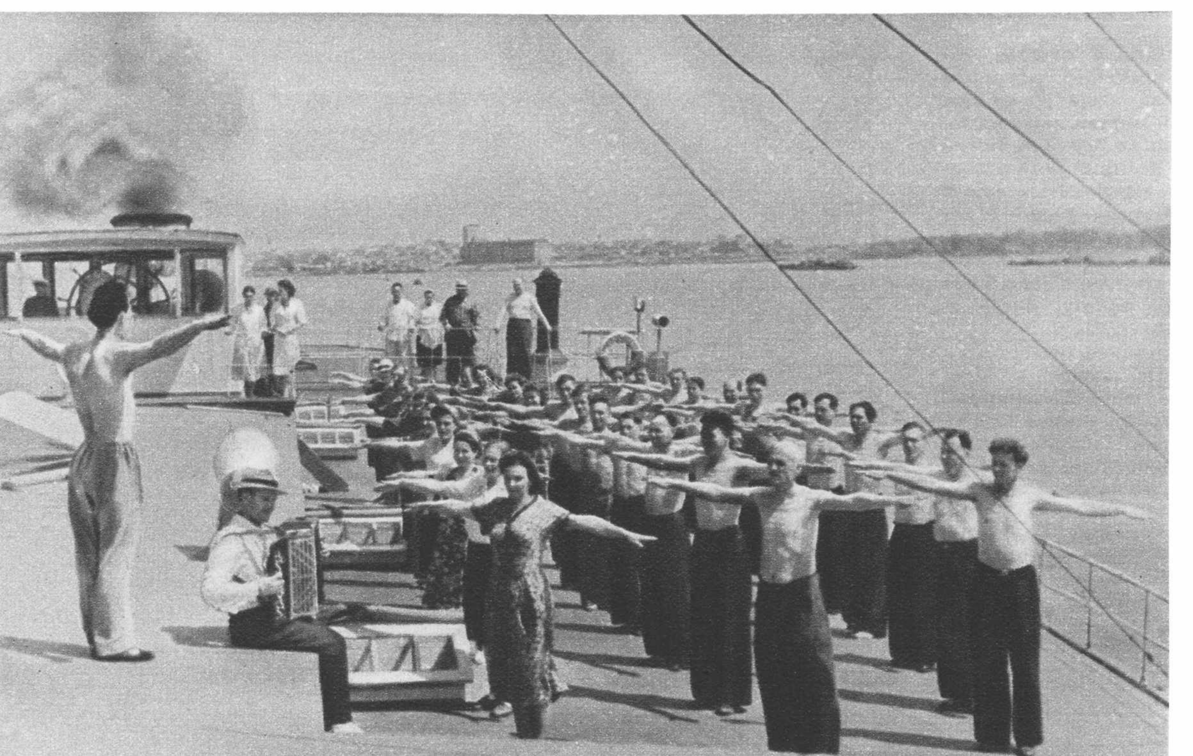
День на «Горьковской коммуне» начинается с физкультзарядки. Проходит она обычно, как видно на снимке, на верхней палубе.

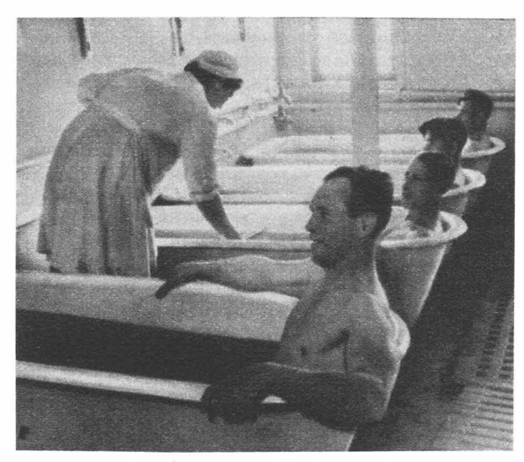
После завтрака одни отправляются принимать солнечные ванны, другие — в кабинеты врачей, на процедуры.

Алексея Михайловича Попова, водолаза из Углича, мы застали в водолечебнице: он принимал хвойную ванну. Двадцать лет он погружается в реку на разные глубины. На этот раз глубина совсем незначительная...

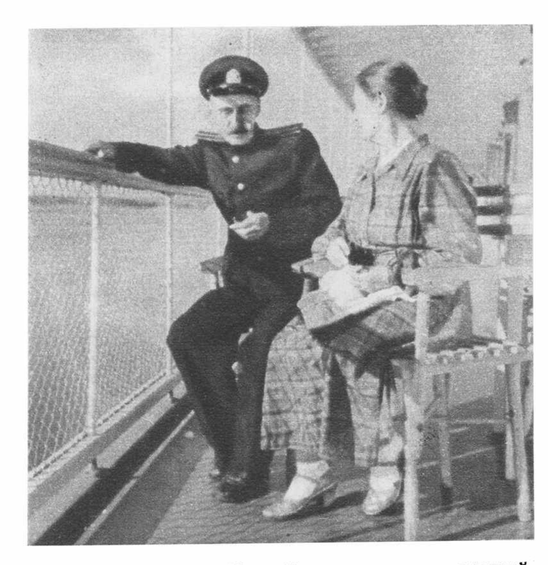
Любители дальних прогулок совершают моцион по берегу. Во всех крупных городах — Куйбышеве, Ульяновске, Сталинграде — организуются экскурсии. Много живописных мест на Волге. Но встречаются места, которые особенно по душе отдыхающим, и тогда капитан делает остановку вне расписания. Пароход швартуется у лесного берега. Здесь даже в тени термометр показывает 27 градусов, а на палубе мы совсем не ощущали жары. В спортивных играх, купанье незаметно про-

Утренняя зарядка на верхней палубе.

В водолечебнице.

Анна Николаевна и Иван Гаврилович в «мертвый час» вышли побеседовать.

ходят три часа. Пора обедать. Об этом извещает свисток парохода.

И снова санаторий в движении, снова жизнь в каютах-палатах и на палубе идет по строгому расписанию.

В «мертвый час», когда тишину нарушает лишь ровный шум машин, с нижней палубы по широкой лестнице, устланной коврами, поднимаются наверх супруги Масловы. Иван Гаврилович Маслов — один из старейших механиков советского речного флота. 50 лет он работает на волжских судах; последние годы плавает он механиком «Горьковской коммуны». Почти все эти годы его сопровождает Анна Николаевна.

Между ними завязывается обычный разговор. Анна Николаевна считает, что пора расставаться с пароходом. «Мы свое отслужили,— говорит она,— есть пенсия, время идти на покой». Иван Гаврилович возражает: боится, что на берегу с тоски пропадет.

Но как будто этот служебный рейс будет для Масловых последним. В будущем году они предполагают быть на пароходе в качестве отдыхающих...

«Мертвый час» окончен. Раздается громкий возглас:

— Смотрите, как красиво!

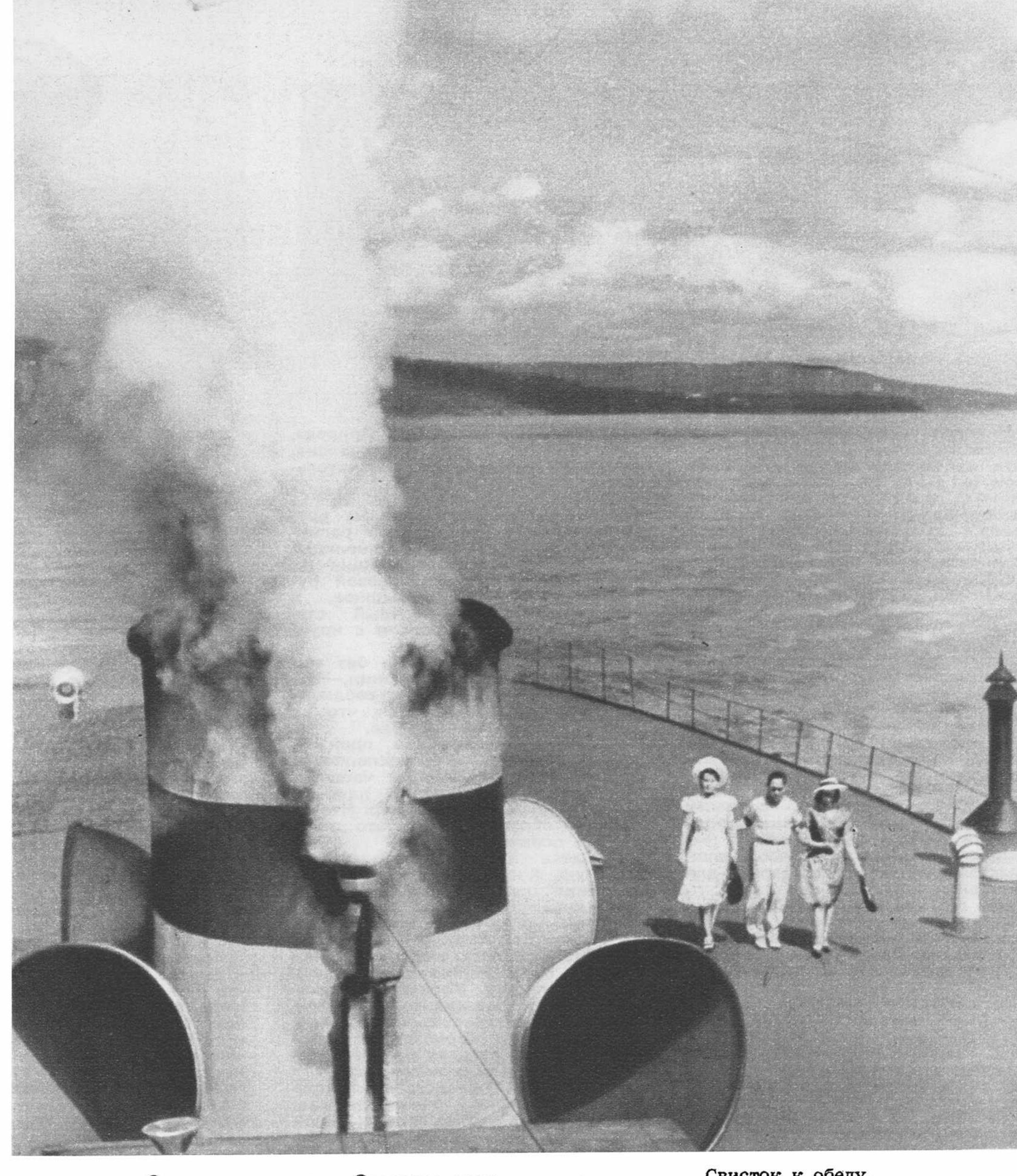
На палубу высыпал отряд фотолюбителей.

Есть что снимать им! То медленно проплывает панорама строящейся гидроэлектростанции, то прекрасный пейзаж, то новая пристань. Все время щелкают затворы.

Сегодня с утра все устремились на корму. Сюда вынесли весы, и саратовцы, перед тем как покинуть санаторий, взвешиваются. Можете не сомневаться, здесь не обойдется без огорчений. Техник Тоня Григорьева поправилась на полтора килограмма, поправились и ее подруги. Это их не смущает. Сложнее дело с московским инженером Борисом Ивановичем Шабуровым. Вчера он объявил, что наконец-таки достиг своего и похудел. Но беспристрастные весы опровергают это...

Досадно! Это не мешает, однако, Шабурову принять участие в концерте художественной самодеятельности. Вечеру предшествовали репетиции, и одну из них запечатлел объектив фотографа.

Так идет жизнь на борту «Горьковской коммуны». И вот над Волгой спускается вечер. Нет ничего прекрасней тихих волжских вечеров, когда луна скрыта легкими тучами, когда погружены в темноту проплывающие мимо леса, города и деревни, когда зажигаются костры на плотах, медленно и бесшумно плывущих вниз по реке.

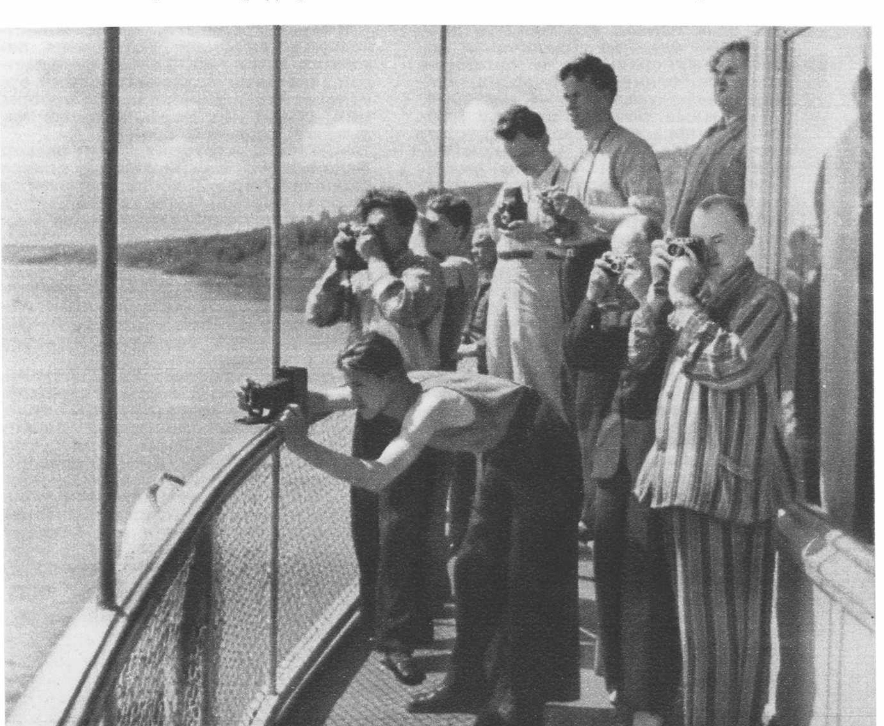

Свисток к обеду.

Пароход спускается тоже все ниже по Волге — к Саратову, Сталинграду, Астрахани.

— В этом одно из важных преимуществ нашего санатория, — говорит главный врач Н. М. Храмов.— Мы развозим пациентов по домам: москвичей — в Москву, саратовцев — в Саратов.

Завтра еще одна группа отдыхающих высаживается на родном берегу. Люди покидают пловучий санаторий. Они окрепли, набрались новых сил, новых впечатлений, которые пробуждает в каждом великая Волга.

Высыпал целый отряд фотолюбителей.

Хорошо на приволье попеть!

Лекарство земли

— Есть ли между ними разница? — спрашивает профессор Н. С. Авдонин, показывая два растения клевера.— Громадная, не правда ли?!
Фото Е. Умнова.

Николая Сергеевича Авдонина, профессора Московского университета, мы застали на поле. Карандашом он делал отметки в записной книжке, осматривая опытные делянки. Вдали вырисовывалась зеленая, прохладная чаща леса. В неизмеримой вышине пылало горячее июльское солнце.

Профессор охотно показывает свои владения — прямоугольники делянок, засеянных многолетними травами — клевером, тимофеевкой. Достаточно бегло взглянуть на них, чтобы убедиться, насколько одна непохожа на другую. Словно они не соседи, а отстоят друг от друга на сотни километров. Что же это — живая диаграмма?

Судите сами: рядом лежат три равные по размерам, но совершенно различные по виду лужайки. Первая занята коричневатой низкорослой, тощей травой — сорными щавельком, хвощом, торицей. Среди них попадаются жалкие стебельки клевера и тимофеевки. Участок, вероятно, оставлен для сравнения.

Бок о бок — вторая лужайка. Она несколько лучше первой. Клевер тут повыше, неплохо выглядит и тимофеевка. Здесь гораздо меньше сорной травы. Это полянка-«середнячок».

Зато третья — удивительно пригожа. Она разительно отличается от своих соседей. Травостой тут густой, ровный, сплошной, словно раскинули пушистый дорогой ковер. Клевер вытянулся почти в метр, растения на диво развиты, с бутонами, а кое-где с цветами. Не хуже разрослась и тимофеевка. Совсем не видно сорных трав: они заглушены.

Дальше снова повторяется скудный прямоугольник, потом — погуще и, наконец, необыкновенно богатый.

Профессор неторопливо наклоняется, выдергивает с корнем одно растение с первой лужайки, а затем — с третьей.

— Есть ли между ними разница? — спрашивает ученый.— Громадная, не правда ли?! А ведь все девять делянок засеяны в один и тот же день однородными семенами, строго одинаковым количеством. Так же равны и прочие условия: почва всюду кислая, обычная распространенная почва нечерноземного пояса.

Первая делянка оставлена, какой была, — кислой, во вторую внесена известь, в третью — известь и органические удобрения. Природа, так сказать, слегка подправлена, а эффект получился замечательный.

Вместе с профессором Н. С. Авдониным мы побывали на другом опытном участке, где раскинулись посевы озимой пшеницы. И здесь профессор вытащил из земли два растения. В левой руке — худосочное, никудышное, в правой — длинный прочный стебель, увенчанный колосом с крупными зернами.

— Разница видна даже без микроскопа,— говорит Авдонин.— Наглядно, не так ли? И тут соблюдены те же самые условия, что на делянках многолетних трав.

Странное впечатление производит и клеверное поле, расположенное неподалеку. Оно с частыми лысинами, словно кто-то нарочно повыдергал высокий клевер. Что за напасть обрушилась на это поле? Откуда появились плеши?

— Здесь известь разбрасывали вручную. А куда она не попала, там растения не выросли или едва развились.

Позже, когда после поучительного знакомства с опытными делянками мы пришли в маленькую «полевую» лабораторию агробиологической станции Московского университета в Чашникове, Н. С. Авдонин рассказал о своих исследованиях почв нечерноземной полосы, которые позволят поднять плодородие полей в два—три раза:

— Раньше господствовала пресловутая теория «белого пятна». Она гласила, что на значительной части Центральной России не может произрастать пшеница. Советские ученые опровергли эти взгляды, порожденные незнанием и неумением бороться с силами природы. Оказалось, что света, тепла и влаги вполне достаточно, климат тут благоприятен для земледелия.

Оставалось неясным, почему гибнут многолетние травы и озимая пшеница. Их гибель раньше объяснялась вымерзанием, недостатком снега. Эти явления приравнивались к стихийным бедствиям, их уподобляли градобитию, пожарам. Так говорилось в учебниках и монографиях.

Н. С. Авдонин — ему помогали научные сотрудники кафедры и станции, студенты и аспиранты — поставил перед собой задачу найти истинные причины гибели многолетних трав и злаков.

— Мне показалось непонятным, почему на поле благополучно перезимовали в одном месте клевер и тимофеевка, в другом только тимофеевка, в третьем выпали и клевер и тимофеевка, а остались хвощ и щавелек? Главное, погибали они как раз там, где лежал толстый покров снега, а он-то должен предохранять травы от вымерзания. Значит, дело не в низких температурах, или, по крайней мере, не только в них.

Появившиеся сомнения укрепили и другие наблюдения. Нередко то, что принято именовать вымерзанием, происходит не зимой, а... летом! Травы «мерзнут» и погибают в то время, когда термометр показывает 20—25 градусов выше нуля. Невероятно? Однако такое впечатление создает поле, которое весной было засеяно многолетними травами. Вот они чуть взошли, солнце светит и греет во всю мочь, а клевер да тимофеевка по-стариковски зябнут, не чувствуют тепла, не растут и к осени пропадают.

Накапливались, множились факты и наблюдения, которые противоречили общепринятой точке зрения. Они свидетельствовали: не только сильные холода вызывают гибель растений.

Видимо, подлинная причина кроется в почве, в ее составе и строении. Но это предположение требовало точных, неопровержимых доказательств, длительных экспериментов. Такие эксперименты были поставлены на полях и в вегетационном домике станции. Доказательства были добыты.

Стены и потолок домика, называемого вегетационным, построены из остекленных рам, подпертых деревянными столбами. На длинных скамейках выстроилось множество металлических банок, похожих на ведра. Одни наполнены землей, другие — чистым кварцевым песком.

В этих банках всесторонне проверяется влияние различных веществ — минеральных и органических удобрений, химических элементов — на травянистые растения.

— Кислые почвы содержат алюминий, марганец, железо, — говорит профессор.— Каково их значение, полезны они или вредны растению? Опыт дает ясный ответ: если этих веществ много, если они в избытке, выше определенного уровня, то вредны, ядовиты.

Клевер испытывает нечто вроде диабета — сахарной болезни. В нем много сахаров, но они не используются. Примерно то же происходит и с азотной пищей,— она далеко не полностью перерабатывается в белки.

На кислой почве растение развивается плохо, становится легкой добычей микробов, особенно мельчайших грибков. Оно, естественно, боится холода, а низкие температуры добивают его. Таким образом, оно осуждено на гибель еще до того, как ударят морозы.

Не холод и малый снежный покров, а испорченная, можно сказать, «скисшая», почва — основная причина вымерзания. На хорошей почве растение благополучно переносит зиму.

Многочисленные опыты, проведенные на станции в течение последних лет, с исчерпывающей полнотой подтвердили это положение. Повышенная кислотность губит не только травы, но и зерновые, не считаясь с тем, озимые они или яровые.

Поставить диагноз болезни — полдела; надо найти верные средства лечения, а еще лучше — предупреждения.

— Видите, в эти банки, набитые обычной кислой землей, внесена известь. Рост растения вполне удовлетворительный, но он значительно уступает росту вот в этой банке, куда, кроме извести, добавлено органическое удобрение...

Да, действительно! Дружный, «кучный» травостой резко превосходит всех своих соседей.

В чем же механизм действия извести? Она нейтрализует, переводит в неактивное состояние алюминий, железо, марганец. Их вредное влияние заглушается. Известь, уничтожая повышенную кислотность почвы, создает благоприятную обстановку, в которой хорошо размножаются мельчайшие существа — полезные почвенные микробы.

Известь оказалась не только прекрасным лекарством, но и строительным материалом. Она как бы склеивает, объединяет пылинки в маленькие комочки. Такая структурная почва отлично удерживает воду, которая раньше скатывалась, не утолив жажду земли. Между комочками достаточно места и для воздуха, они отлично проветриваются. Так земля, упорно отказывавшаяся служить человеку, возвращается к жизни.

Мало, однако, ликвидировать дурные последствия кислотности, надо восстановить плодородие почвы, подготовить растениям добрую пищу, и они сторицей отблагодарят человека тучным урожаем.

Комплекс средств, кроме известкования, включает углубление пахотного слоя до 22—25 сантиметров, внесение должных порций органических и минеральных удобрений. Среди них торф, который называют кладовой солнца.

— Торфа, — говорит профессор Авдонин,— в нечерноземной полосе сколько угодно, он под ногами в любом районе. Торф содержит в два с половиной раза больше азота, чем навоз. Но нужно уметь превращать торф в пригодную для растений пищу, и тогда он дает весьма большую прибавку урожая. Об этом свидетельствует опыт передовых хозяйств, снимающих по пятьдесят — шестьдесят центнеров сена с гектара.

Труды профессора Н. С. Авдонина, посвященные подъему урожайности полей нечерноземной полосы, открывают широкую дорогу многолетним травам, успешному внедрению травопольных севооборотов в центральных районах страны. Ученый совет Московского государственного университета в нынешнем году отметил эти исследования присуждением их автору премии имени М. В. Ломоносова первой степени.

Георгий БЛОК

Выше человеческого роста поднялась над землей озимая пшеница, а на делянке рядом едва взошла. На первой делянке почву известковали.

Художественное чтение

М. ЭДЕЛЬ

Рисунки Бор. Ефимова.

В Краснопольское районное отделение милиции стремительно вошел распаленный, взъерошенный гражданин со шляпой в руке и выпалил дежурному:

— Я не понимаю, что у вас делается! Зашел в чайную, положил на минутку портфель на стул — и его украли!.. Похитили!..

Дежурил, вернее, заменял дежурного, седоусый старший сержант милиции Семен Онуприевич Варенуха, знаменитый на всю Краснопольщину. Служит товарищ Варенуха в милиции с самого 1919 года. Ни один житель Краснополья не представляет себе местную милицию без Семена Онуприевича.

Во-первых, товарищ Варенуха знает всех и каждого, все их биографии до третьего поколения, и может моментально дать о своих согражданах любую и самую точную справку.

— Пожалуйста, Семен Онуприевич может подтвердить...

И если товарищ Варенуха подтверждает, других доказательств не требуется. Во-вторых, краснопольцы никогда не забудут заслуг товарища Варенухи. В 1920 году Семен Онуприевич геройски во главе горстки милиционеров отбил налет банды махновцев. Во время боя на мосту товарищ Варенуха так выразительно и громко ругал напиравших махновцев, что, когда он умолк, жители в страхе закричали: «Семена убили!.. Теперь бандиты нас всех порежут». Но, к счастью, товарищ Варенуха был только ранен ударом шашки в плечо.

В служебных делах Семен Онуприевич не признает ни свата, ни кума, ни брата. Пусть в милицию придет самый наилучший друг старшего сержанта, с которым он еще до революции в речке Синюхе раков ловил,— все одно Семен Онуприевич его официально спросит: «Как ваша фамилия, гражданин?» И гражданин ответит по всей форме: «Жунжуренко, товарищ старший сержант». А как же иначе?

Есть еще одна интересная черта в характере у Семена Онуприевича. Смотрит он на вас ясными небесного цвета глазами, поглаживает свои седые усы, и вы никогда не поймете, шутит ли он или говорит всерьез. А пошутить Семен Онуприевич ой как любит! Особенно товарищ Варенуха не терпит паникеров и грубиянов.

Итак, Семен Онуприевич заменял отлучившегося на обед младшего лейтенанта.

— Не знаю, куда вы смотрите?! — трагически воскликнул потерпевший владелец портфеля. — Сидите здесь и прохлаждаетесь, а у людей в это время...

Но тут взъерошенный гражданин осекся: Семен Онуприевич посмотрел на него, как врач на нервнобольного.

— А мы смотрим, чего вы, уважаемый гражданин, волнуетесь. Никуда ваш портфель не денется. Может, вы его не в чайной оставили? Что у вас в портфеле находилось? Ценности какие были? — спросил старший сержант.

— Лекции. Шесть лекций на разные темы. Я лектор. Сегодня приехал и вечером должен читать лекцию на молокозаводе — «О моральном облике», а завтра в Швейпромсоюзе — «О происхождении вселенной».

— Я у вас спрашиваю: ценности какие были?

— Вот я и говорю: лекции... Может быть, для вас они не ценность... Ну и разная мелочь: носовой платок, носки, воротничок, граммов 200 копченой колбасы... Да! Папка с цитатами!.. Для лекций. Эта папка для меня важнее всего... В ней мой труд нескольких лет... — Вы знаете, что такое цитата? — недоверчиво спросил лектор старшего сержанта милиции.

Этим вопросом лектор испортил все дело. Спросить у товарища Варенухи, что такое цитата! У товарища Варенухи, который является общепризнанным авторитетом по вопросам международной и внутренней политики среди рядового и сержантского состава районной милиции!

Присутствовавший при этом дежурный милиционер Сапожников лукаво посмотрел на Семена Онуприевича: сейчас товарищ Варенуха ему ответит, будет знать, с кем дело имеет! Но Семен Онуприевич повел дело совершенно в ином духе. Он посмотрел на заносчивого лектора простодушными глазами и спросил:

— Цитаты, говорите? А сколько их штук? Как в протокол занести?

— Не помню точно... Но не менее трехсот. По разным вопросам.

— Серьезный труд, — покачал головой старший сержант и незаметно подмигнул Сапожникову.— А во сколько вы оцениваете ваши цитаты? — невинным голосом осведомился Семен Онуприевич.— Требуется оценить их для протокола.

— Видите ли... я вам объясню, что такое цитата, — начал вкрадчиво лектор. — Эти цитаты не совсем мои, вернее, они чужие. Чужие мысли и высказывания. Я ими пользуюсь как материалом.

— А что вы, допустим, свои мысли и высказывания не заведете? — серьезно спросил товарищ Варенуха. — Пользуетесь чужими и еще теряете их! Как же вы теперь перед их владельцем отчитаетесь? Предъявите, пожалуйста, ваши документы.

Милиционер Сапожников, все время следивший за выражением лица старшего сержанта, быстро замаскировался газетой и, втянув голову в плечи, беззвучно засмеялся: «Ну и Семен Онуприевич!»

Документы оказались в порядке. Но лектор был человеком гордым и нервным.

— Чего вы мне замечания делаете? Если вы профан и не знаете, что такое цитата... В общем я требую, чтобы вы немедленно приняли меры и нашли портфель, иначе я буду жаловаться: вы срываете культурно-просветительную работу.

В ответ на слово «профан» Семен Онуприевич подчеркнуто вежливо сказал лектору:

— Не беспокойтесь. Портфель ваш найдется. Живут у нас в районе честные люди. Только эти самые цитаты мы сперва вернем по принадлежности их владельцу, поскольку вы сами сказали, что они чужие. Может, вы ими пользуетесь без особой надобности и законного основания.

Лектор уже почувствовал, что погорячился.

— Товарищ дежурный, — примирительно начал он,— я вам сейчас объясню, что такое цитата, и расскажу о технике составления лекции. Цитата — это чья-то мысль. Я ее вырезаю из журнала, книги, газеты и вставляю в свою лекцию. Все очень просто и ясно. Дайте вашу газету, — обратился лектор к Сапожникову. — Смотрите, вот кавычки. Здесь начинается чужая мысль, а вот кавычки закрываются. Здесь чужая мысль кончилась. Вот этот кусок и есть цитата.

— Ну так это же не беда, еще таких цитат нарежете, — успокоил Семен Онуприевич потерпевшего.

— Поймите, я не могу сегодня читать лекцию! Цитаты нужно читать слово в слово.

— А вы сегодня попробуйте рассказать эти цитаты своими словами,— посоветовал старший сержант. — Может, получится. Что же поделаешь, раз чужих мыслей сегодня у вас нет. А много цитат, допустим, идет на одну лекцию?— наивным тоном спросил Семен Онуприевич.

— Две — три,— погрешив против истины, сказал лектор.

— Зачем же вы, гражданин, по 300 штук нарезаете?— мимоходом заметил товарищ Варенуха. — Одним словом, придет младший лейтенант, мы ему доложим о вашей жалобе и найдем портфель. А вы можете пока погулять... Тут у нас рядом парк.

Лектор Четкин вышел из милиции на широкую сельскую улицу с деревянными тротуарами, высокими тополями и вербами, вздохнул и подумал: «Старший сержант милиции — и не знает, что такое цитата! Как же он работает?»

Вскоре в отделение милиции явилась бабка Котовиха, шустрая, шумная, толстая старуха. Свое сообщение она выпалила одним духом:

— Добрый день, Семен Онуприевич, извиняюсь, товарищ старший сержант Варенуха. Покупал он у меня сметану, взял двести граммов, заплатил и ушел. Гляжу, портфель оставил, думала, придет, спохватится человек, гляжу, не приходит. Я в этот портфель и не заглядывала. На что он мне, пущай там хоть миллион лежит, мне какое дело, мне чужого не надо. Слава богу, у нас в Краснополье такого нет, чтобы чужим пользоваться. Не приходит — и конец. Подумала я, может, там какие секреты в портфеле, понесу его, думаю, куда следует. Как раз вы, товарищ Варенуха, дежурите. Вот он, портфель, мне он непотребен, пущай там хоть золото лежит. Будьте здоровы, товарищ старший сержант.

Но все же бабка Котовиха не выдержала до конца официального тона.

— У моей дочки, у Ани, вчера сынок родился. Приходи поглядеть, — и покинула дежурную комнату.

Старший сержант открыл портфель. Действительно, в портфеле было обнаружено, выражаясь протокольно, шесть лекций: по литературе, естествознанию, астрономии, животноводству — и к ним 311 обширных цитат-вырезок.

В 7 часов вечера товарищ Варенуха был на молокозаводе.

— Пришел лектор? — спросил старший сержант, держа в руках найденный портфель.

— Нет. Вот ждем его, — зашумели собравшиеся.

Прошло полчаса, лектор не появлялся. Некоторые слушатели стали расходиться. Как выяснилось позже, лектор сам взялся за розыски своих цитат. Ему сказали, что портфель бабка Котовиха унесла домой, а живет бабка

на самом дальнем кутке, у Козьей горы. Лектор бросился по следу.

Около восьми часов товарищ Варенуха взял слово:

— Граждане, дело такого рода. Лектор товарищ Четкин Исидор Петрович не явился по неизвестным причинам. Но, поскольку я в курсе дела, эту лекцию может прочитать какой-нибудь другой товарищ вслух. Вот Тося, примерно, как отличная артистка драмкружка, может ее вполне исполнить с выражением.

— Как же, Семен Онуприевич, Тося будет чужую лекцию читать?

— В том-то и дело, что эта лекция, так сказать, не совсем чужая, она общественное достояние. Я эту лекцию проверил, тут, как бы сказать, мысли и слова принадлежат ученым, писателям, разным уважаемым нами людям, а слов самого лектора самая малость. Это я вам официально заявляю как представитель... Я так скажу: самой лекции всего 29 страничек, но слов товарища лектора, ну, немного более странички. Я считаю, эти полторы странички можно и не читать, чтобы лектору обидно не было. А остальные 27 с половиной страничек — одни цитаты.

— В самом деле, правильно Семен Онуприевич говорит! Раз уже собрались, так чего зря сидеть,— зашумели в зале. — Давай читай!..

— А за что же мы лектору такие деньги платим? Выходит, за чужие слова? — раздался чей-то ядовитый вопрос.

— Верно! Пусть наша артистка Тося прочитает лекцию. И по радио так бывает: «Лекцию читал артист такой-то». А тут тем более... раз в лекции одни цитаты. Послушаем цитаты. Тем более товарищ Варенуха официально заявляет, что лекцию он проверил. Начинай, Тося!

— Вы, товарищи, как хотите, а за цитаты лектору деньги я переводить не буду, — вдруг заявил представитель завкома.

— И не переводи! — весело закричали молокозаводцы. — Читай, Тося!

Румяная, с живыми глазами, приемщица молока Антонина Мелешко поднялась на эстраду и звонко стала читать лекцию, напечатанную на машинке.

Через несколько минут прибежал запыхавшийся Четкин.

— Как вы позволили читать чужую лекцию? — зашипел он на представителя завкома.

— А мы ваши слова не читаем. Разве мы такое позволим себе... да еще без разрешения? Наша артистка читает только цитаты.

— А откуда вы знаете, где там цитаты, где мой текст?

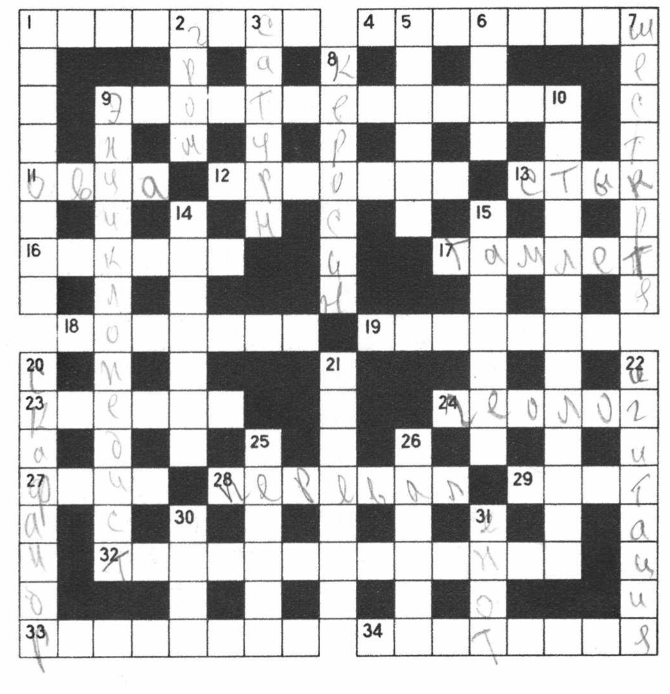
— Знаем. Милиция проверила. Если товарищ Варенуха сказал, так это точно!

...Художественное чтение артистки кружка художественной самодеятельности Тоси Мелешко имело большой успех.

Четкин не стал дожидаться конца «лекции». Портфель с цитатами ему доставили в Дом колхозника.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Дробная часть логарифма. 4. Участник киносъемки. 9. Особая форма движения материи. 11. Домашнее животное. 12. Органический и неорганический мир. 13. Место соединения двух концов. 16. Ответ на обращение. 17. Произведение Шекспира. 18. Черта характера. 19. Положение, нуждающееся в доказательстве. 23. Зажим для соединения электрических проводов. 24. Научная специальность. 27. Кайма, бордюр стены. 28. Дорога через горный хребет. 29. Туго закрученный кусок ткани. 32. Область в Румынии. 33. Кровельный и изоляционный материал. 34. Название азиатской части Турции.

По вертикали:

1. Цикл повестей Н. В. Гоголя. 2. Атмосферное явление. 3. Планета. 5. Группа выдающихся деятелей. 6. Старинное русское название войска. 7. Механизм, передающий движение от одного вала другому. 8. Жидкое топливо. 9. Представитель группы передовых мыслителей во Франции в XVIII веке. 10. Отдел медицины. 14. Род картины. 15. Человек, дающий знак к началу спортивного состязания. 20. Водолазный костюм. 21. Рассказ. 22. Устная и печатная деятельность среди широких масс. 25. Созвездие. 26. Основоположник научной эволюционной биологии. 30. Столица государства в Африке. 31. Пушной зверь.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали:

6. «Отверженные». 7. Стереотипия. 12. Мережка. 13. Актиния. 14. Жадов. 17. Резец. 20. Белов. 21. Оркестр. 22. Реализм. 23. Аппарат. 24. Слизняк. 25. Наина. 26. Копье. 28. Вагай. 31. Аксиома. 32. Милиция. 35. Интродукция. 36. Орнитология.

По вертикали:

1. Статика. 2. Ребро. 3. Ужгород. 4. Индия. 5. Былинка. 8. Перепечатка. 9. Ремесленник. 10. Минералогия. 11. Рисовальщик. 15. Арктика. 16. Овсянка. 18. Томск. 19. Тракт. 27. Имандра. 29. Гладков. 30. Сицилия. 33. Юргин. 34. Октод.

Необычная охота

Парусно-моторное судно «Искурия» держало путь из Туапсе в Новороссийск. Близ селения Фальшивый Геленджик моряки заметили в море какой-то темный предмет. Решили, что это коряга. Однако кто-то обратил внимание, что «коряга» ведет себя странно: резко меняет направление, плывет то в одну, то в другую сторону, как бы мечется по воде.

Стало ясно: в море живое существо. Изменив курс, судно начало приближаться к нему. На расстоянии трех десятков метров от животного на воду была спущена шлюпка с группой матросов, вооруженных арканами. Началась необычная на море охота за сухопутным четвероногим. Скоро его удалось заарканить, подтащить к судну и поднять на борт.

В море был пойман... олень — стройный, быстроногий обитатель Кавказских гор. Ему было около 5 лет. Каким образом он оказался в открытом море, на большом расстоянии от берега, остается загадкой.

Горного красавца доставили в Новороссийский порт и позже передали ростовскому зоопарку.

И. ЗАЙЦЕВ

Новороссийск.

АНЕКДОТЫ О БЕРНАРДЕ ШОУ

1

На одном обеде соседка Шоу — герцогиня — буквально засыпала писателя вопросами. Под конец она спросила Шоу, почему его считают таким умным.

Шоу, который отвечал герцогине на все вопросы очень сдержанно, на этот раз оживился и шепнул ей на ухо:

— Могу дать вам совет, как этого добиться. Для этого надо лишь скрывать свои глупые мысли.

2

Критик однажды сказал Шоу:

— Вы поступаете очень разумно, обсахаривая горькие пилюли, которые преподносите публике.

— Да, — возразил Шоу, — но публика оказывается еще хитрее: она обсасывает сладкую оболочку, а пилюлю глотать отказывается.

3

Голливудские кинодельцы питали особое влечение к произведениям Шоу. Один из них, посетив писателя, добивался у него согласия на экранизацию его пьесы.

— Хорошо, — заявил Шоу, — даю нужное вам разрешение, но на следующих условиях: первое — вы не воспользуетесь названием моей пьесы; второе — коренным образом измените ее содержание и третье — не станете нигде в картине или в рекламе упоминать мое имя.

Кинодельцу пришлось уйти ни с чем.

4

— Чему вы обязаны вашим долголетием? — спросили Шоу на одном банкете.

— Моему преклонному возрасту! — ответил он.

5

В одном из венских театров была поставлена пьеса Бернарда Шоу «Святая Иоанна». Пьесу хорошо приняли на премьере, но почти совершенно перестали посещать после третьего представления. Вскоре выяснилась причина этого. Оказалось, что спектакль кончался через 5 минут после ухода последнего трамвая и зрители должны были добираться до дому пешком.

Требовалось или сократить какую-нибудь сцену или что-нибудь изменить во всем спектакле, чтобы он стал короче.

К Шоу послали телеграмму:

«Что изменить?»

Шоу ответил:

«Изменить расписание движения трамваев».

ШАШКИ

Решение концовки М. Бень (Киев), помещенной в № 29

1. e1 — d2. a7 — b6 (если 1. ... f8 — g7, то 2. d2 — e3 g7 — h6 3. e3 : c5 d6 : d2 4. c1 : e3 a3 : c1 5. f4 : b8 c1 : h2 6. f2 — g3 и выигрывают) 2. d2 — e3 b6 — c5 3. g3 — h4!! e5 : b4 4. a5 : g7 f8 : h6 5. c1 — d2! a3 : c1 6. e3 — f4 c1 : g5 7. h4 : g1 и выигрывают.

В этом номере на вкладках: репродукции картин В. А. Серова «Девушка, освещенная солнцем», «Портрет И. Е. Репина», «А. С. Пушкин в парке», «Летом», «Саша Серов», «Полосканье белья», «Девочка с персиками» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 04105. Подп. к печ. 21/VII 1953 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 603. Заказ № 1688. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Костюмы

Характерны для современного мужского костюма пиджак свободного покроя, удлиненный, со спущенным плечом и брюки книзу несколько уже обычного.

1. Летний костюм спортивного типа из легкой ткани.
Куртка с накладными карманами и застежкой-«молнией». В боковых швах внизу заложены встречные складки.

Автор модели — А. Черешко.

2. Костюм спортивного типа.
Пиджак однобортный, застегивающийся на две пуговицы. Карманы накладные. Спинка без шва, слегка стянута по талии хлястиком. Рекомендуются ткани светлых расцветок.

Автор модели — П. Пешкин.

3. Костюм из шерстяной ткани темных расцветок.
Пиджак двубортный, застегивающийся на две пуговицы. Карманы прорезные, с клапанами. Спинка со швом посередине.

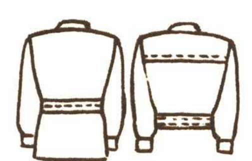
Автор модели — Ф. Лебедев.

4. Костюм для мальчика школьного возраста.
Куртка с отложным воротником, накладными карманами и поясом. Застегивается на четыре пуговицы.

5. Костюм для мальчика школьного возраста.
Куртка на кокетке с застежкой-«молнией». Карманы накладные. Куртка отделана широкой строчкой.
Брюки у этих костюмов могут быть или длинные или гольф.

6. Костюм для подростка.
Куртка с застежкой-«молнией». Карманы накладные, с клапанами.

Автор костюмов — П. Пешкин.

Цена 3 руб.